

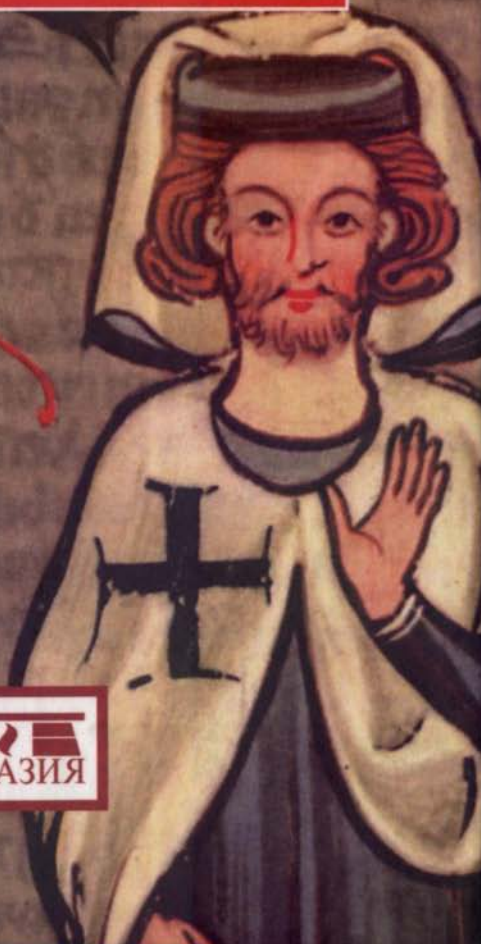

ЭРИХ МАШКЕ
НЕМЕЦКИЙ
ОРДЕН

clio ordinum

ЕВРАЗИЯ

ERICH MASCHKE

DER DEUTSCHE
ORDEN

DER DEUTSCHE
ORDENSSTAAT.
GESTALTEN SEINER
GROSSEN MEISTER

Jena, Eugen Diederichs Verlag
1939

Hamburg, Hanseatische Verlagsanstalt
1935

ЭРИХ МАШКЕ

НЕМЕЦКИЙ ОРДЕН

НЕМЕЦКИЙ ОРДЕН

ГОСУДАРСТВО
НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА.
ПОРТРЕТЫ ВЕЛИКИХ
МАГИСТРОВ

Digitized by Dok-57

Санкт-Петербург
2003

ББК 63.3(0)4

УДК 94

МЗ8

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор
к. и. н. Ермаченко И. О.

Машке Эрих

МЗ8 Немецкий орден. Пер. с нем. Соловьевой Ве-
ры. — СПб.: Евразия, 2003. — 256 с.

ISBN 5-8071-0131-6

Немецкий (Тевтонский) орден — один из интереснейших средневековых феноменов в любом аспекте его истории — социальном, культурном, внешнеполитическом. В отличие от других военно-монашеских орденов, рожденных эпохой крестовых походов, он имеет непосредственное отношение к истории нашей страны — не только как военный противник в «Ледовом побоище», но и как организатор «натиска на Восток» и немецкой колонизации Восточной Пруссии, часть территории которой является ныне Калининградской областью России. Явно недостаточное и предвзятое рассмотрение Немецкого ордена в отечественной историографии во многом объяснялось политическими соображениями. Альтернативный взгляд на его историю предлагается в двух работах Эриха Машке (1900–1982), хотя и окрашенных, в свою очередь, идеологическими запросами германского общества 1930-х гг., но не утративших значения как свод исторических событий и биографий, не имеющий русскоязычного аналога. Подробное авторское изложение внутреннего развития и внешней политики ордена сопровождается фрагментами исторических источников, многие из которых впервые становятся доступны массовому читателю.

ББК 63.3(0)4

УДК 94

© Соловьева Вера, перевод с нем., 2003

© Ермаченко И. О., предисловие, 2003

© Лосев П. П., обложка, 2003

© Издательская группа «Евразия», 2003

ISBN 5-8071-0131-6

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

История Немецкого (Тевтонского) ордена, ввиду ее политического контекста, — несомненно, один из актуальнейших для отечественной историографии сюжетов. Подтверждение тому — современные общественные страсти вокруг Калининградской области, территориальной «наследницы» средневекового орденского государства, превращенной распадом СССР в крайне проблемный анклав с неясными и полярно понимаемыми перспективами. Впрочем, эта тематика никогда не давала повода для политически нейтральных оценок, и не только в нашей стране. В до сих пор действующем в ФРГ склонном к реваншизму «Союзе изгнанных» немалую долю составляют потомки немецких жителей Восточной Пруссии.

Содержание многовековой истории прусских земель, от начальной стадии «Drang nach Osten» до смены суверенитета над ними после Второй мировой войны, — в значительной мере межгосударственная борьба за контроль над Балтийским регионом, экономическое и политико-стратегическое значение которого трудно переоценить. Ранний этап этой борьбы в русском общественном сознании издавна сведен к экспансионистской деятельности орденских братьев, пресловутых «псов-рыцарей», а связанный с ними наиболее яркий и массово воспринятый образный ряд задан, конечно, знаменитым фильмом

С. Эйзенштейна «Александр Невский». Аккумулируя представления, распространенные еще в дореволюционной России (достаточно вспомнить «рыцарский» цикл исторических романов писателей-декабристов или риторику официальных воззваний к прибалтийскому населению в начале Первой мировой войны), он пропагандистски переосмысливал их в контексте близкого столкновения с нацизмом. В результате орден предстал в фильме чудовищным военным механизмом, не лишенным, однако, своеобразной внутренней цельности, которая столь выразительно оттенена музыкой С. Прокофьева. Впоследствии «важнейшее для нас искусство» закрепило стереотип («Геркус Мантас» и др.).

Применительно к данной теме советская историография максимально совпадала с творцами массовой культуры в выполнении социального заказа: достаточно перечитать в целом весьма ценные труды крупнейшего специалиста в области древнерусской внешней политики В. Т. Пашуто. Резкие инвективы трудноотличимых здесь историков и публицистов по адресу Тевтонского ордена не только придавали черты факультативности сложным вопросам его организационной и идеологической специфики, актуальным с точки зрения многих основополагающих средневековых проблем. По существу, опускалась тема цивилизационного наследия орденского государства, выразившегося в несомненном «окультуривании ландшафта», включая градостроительство западноевропейского образца. Отзвук выверенных десятилетиями оценок, хотя и приглушенный, можно найти и в современных изданиях — например, в капитальных очерках по истории Восточной Пруссии, выпущенных в 1996 г. калининградскими учеными¹.

¹ Восточная Пруссия: С древнейших времен до конца второй мировой войны: Исторические очерки. Документы. Материалы. Калининград, 1996.

В свете сказанного выше публикация на русском языке двух работ Эриха Машке, относящихся к периоду нацизма (1935 и 1939), может показаться едва ли не провокационной. Читателю предлагается «взгляд с другой стороны», его ожидают рассуждения о подвижнической деятельности по основанию «нового немецкого отечества» на востоке, о борьбе за необходимое немцам жизненное пространство, о громких победах рыцарей-монахов над иноплеменными язычниками.

Обе книги, в отличие от многих других, сугубо научных, трудов Машке, предназначены для широкого читателя. На это указывает, в частности, и адаптированная, далекая от академических требований публикация автором в переложении на современный немецкий язык фрагментов широко известных специалистам исторических памятников. В таком варианте они представлены и нашему читателю, включая фрагменты имеющейся в более адекватном русском переводе с латыни «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга. В то же время, учитывая разницу русской и немецкой традиций научного стиля, наш переводчик во второй, биографической, книге несколько «разгрузил» авторский текст самого Машке, стремясь воссоздать то живое впечатление, которое в свое время оказывала эта работа на заинтересованную немецкую публику.

И сам материал, и стилистика, в которой он преподносился, не могли вызвать (и не вызвали) негативной реакции власть предержащих «Третьего рейха». «Если стремиться обрести землю в Европе, — писал в «*Mein Kampf*» Адольф Гитлер, — то это может произойти в общем и целом только за счет России, и тогда новый рейх должен вновь двинуться в поход по пути прежних орденов рыцарей...» В одной из известных бесед, опубликованных Германом Раушнинггом, фюрер прямо заявлял о своем тайном замысле основать некий орден.

По мнению исследователя истории нацистских спецслужб Хайнца Хёне, «романтик Гиммлер..., так же как в СС видел второй Немецкий рыцарский орден, так и Вевельсбург [ставка СС недалеко от Падерборна. — *И. Е.*] планировал в качестве духовного центра, места инспирации нового ордена, по аналогии с Мариенбургом в Западной Пруссии, где великие магистры немецких рыцарей некогда намечали господство над славянами и погребали знаменитейших из своих мертвецов под хорами замковой церкви»¹. Рейхсфюрер СС видел в Немецком ордене «символ высшей немецкой культуры»², призывая перенять у его членов такие лучшие черты, как «храбрость, неслыханную верность идее, ... способность организоваться, устремиться во весь опор вширь и на восток»³.

Тем не менее далеко не все в интерпретации истории Тевтонского ордена немецкими учеными этого времени сводится к удовлетворению идеологических запросов нацистской верхушки. Неоднозначна и фигура нашего автора, весьма заметная в германской историографии второй трети XX столетия. Клишированная характеристика «ровесник века» относится к Эриху Машке (1900–1982) не только формально, согласно году рождения, но и в полном смысле биографически. Начав свою творческую деятельность в условиях граничащей порой с хаосом свободы Веймарской республики и определив первой же крупной публикацией⁴ орденский

¹ Höhne H. Der Orden unter dem Totenkopf: Die Geschichte der SS. München, 1976. S. 143.

² Himmler H. Deutsche Burgen im Osten // SS-Leithefte 6 (1.2.1941). S. 102.

³ Himmler H. Geheimreden 1933-1945 und andere Ansprachen. Frankfurt; Berlin; Wien, 1974. S. 50–51.

⁴ Maschke E. Der Deutsche Orden und die Preußen: Bekehrung und Unterwerfung in der preußisch-baltischen Mission des 13. Jahrhunderts. Berlin, 1928.

«Drang nach Osten» как главную сферу своих интересов (уже самой проблематикой отчасти оппозиционную тогдашнему политическому режиму, но отвечающую расцветшей при нем «фёлькиш»-идеологии), Машке оставался верен ей долгие годы как в исследованиях, так и на профессорском поприще в Кёнигсберге, Йене и Лейпциге. Большая часть его трудов на эту тему вышла в свет при нацизме; среди них, например, статья с таким «говорящим» названием, как «Немецкая стража на Востоке на протяжении столетий» в не менее красноречиво озаглавленном сборнике¹. Его статьи о Немецком ордене неоднократно публиковались и в национал-социалистском издании «Schulungsbrief», служащем политическому образованию членов «Гитлерюгенда». Уже в годы войны были опубликованы книги «Немецкий рыцарский орден: его политические и культурные достижения на немецком Востоке» (1942, в соавторстве с К. Казике) и «Род Штауфенов» (1943). Затем наступил крах. Около восьми лет, с 1945 по 1953 г., Машке провел в качестве военнопленного в Советском Союзе, а вернувшись на родину, стал в 1954 г. профессором социальной и экономической истории в Гейдельберге. Здесь, уже незадолго до смерти, в 1980 г., вышла его работа о семье в немецком городе позднего средневековья², подтвердившая, наряду с более ранними трудами (включая книгу о Штауфенах и редактирование «Саксонских сказок из Семиградья»), широкий творческий диапазон исследователя. Однако история Немецкого ордена оставалась главным объектом научного интереса Машке, при всех очевидных

¹ Maschke E. Deutsche Wacht im Osten durch die Jahrhunderte // Tannenberg: Deutsches Schicksal — deutsche Aufgabe. Oldenburg; Berlin, o. J. (um 1939). S. 165–196.

² Maschke E. Die Familie in der deutschen Stadt des späten Mittelalters. Heidelberg, 1980.

послевоенных коррективах. В работах 1950-х гг. он отходит от прежних патетически обобщающих оценок¹, обращаясь к таким конкретным и недостаточно исследованным сюжетам, как переписка Николая Кузанского с великими магистрами ордена, пополнение орденской братии выходцами из городского патрициата, связи орденского государства с Бургундией (с тоже «говорящим», но совсем не в прежнем духе подзаголовком одной из статей — «К вопросу о единстве рыцарской культуры Европы в позднее средневековье»). И все-таки общность сделанного Машке в области изучения орденской истории очевидна и не позволяет игнорировать одни его работы в ущерб другим. Не случайно в 1970 г. — году заключения «восточных договоров» ФРГ с СССР и Польшей — в уже послевоенной научной серии «Источники и исследования по истории Немецкого ордена» вышел сборник его статей 1931–1963 гг.²

Дело в том, что, отдав должное охватившему большинство немцев ослепляющему националистическому энтузиазму, Эрих Машке в своих работах 1930-х гг. все-таки не превратился в нацистски мыслящего историка, хотя и пользовался нередко тем же категориальным аппаратом и теми же риторическими оборотами, что и идеологи НСДАП — например, называя орден «союзом мужей» (Männerbund), подобно Альфреду Розенбергу в его «Мифе XX столетия», или немецким «народным форпостом». Вторя многим грешившим тогда сомнительными историческими аналогиями коллегам, ученый

¹ Ср.: Maschke E. Die inneren Wandlungen des Deutschen Ritterordens // Geschichte und Gegenwartsbewußtsein: Festschrift für Hans Rothfels zum 70 Geburtstag. Göttingen, 1953. S. 249–277.

² Maschke E. Domus Hospitalis Theutonicorum: Europäische Verbindungslinien der Deutschordensgeschichte: Gesammelte Aufsätze aus den Jahren 1931–1963. Bad Godesberg, 1970.

проводит прямую линию преемственности между эпохой орденского государства и современностью нацистской Германии, когда «солдат и государственный деятель снова едины». Однако орденское государство привлекает его не как абстрагированный символ, но как динамичное социальное образование, развивающееся от расцвета к упадку в соответствии с присущими ему закономерностями (пусть и понимаемыми Машке в соответствии с «фёлькиш»-идеями), с расстановкой внешних и внутренних политических сил (соседние государства, орден, города, сословия, «группы с эгоистическими частными интересами»). Характеризуемая историком политика освоения «нового жизненного пространства для немецкого народа» все-таки не связывается им с концепцией ордена как инструмента расового обновления. Достаточно сравнить позитивную оценку Машке ассимиляции местного прусского населения (впрочем, этнически сближаемого им с германским) и «наделения» его немецкой культурой с руководящим тезисом того же Гиммлера, заявлявшего: «Наша задача — не германизировать восток в старом смысле, то есть прививать живущим там людям немецкий язык и немецкие законы, а позаботиться о том, чтобы на востоке жили только люди истинно немецкой германской крови»¹.

Глубочайшие познания Машке в своем предмете, не отрицавшиеся никем из историографов немецкой медиевистики, также служат аргументом в пользу публикации по-русски двух его ранних работ. Помимо знакомства с суммой неизвестных широкому читателю исторических фактов, она поможет уяснить общие закономерности, по которым на их основе создаются идеологически ангажированные тексты на историческую тему. В этом смысле при-

¹ Deutsche Arbeit: Die volkstumspolitische Monatsschrift 42. Juni/Juli 1942.

мер Машке дает хороший повод для размышлений об общих судьбах немецких историков его поколения и шире — о проблеме «историк и власть» в любом радикально идеологизированном обществе. С другой стороны, «лобовое» столкновение «непривычной» точки зрения на Немецкий орден с распространенным у нас стереотипным восприятием его как некоего исключительно деструктивного сообщества «псов-рыцарей», несомненно, также должно иметь позитивный результат. Оно способно, создав соответствующий культурный контекст, углубить почву для лишь недавно наметившегося переосмысления прусской темы в нашей историографии. В качестве примера такого нового подхода можно отметить издание ведущего памятника орденской историографии — «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга с комментарием В. И. Матузовой, где, кстати, справедливо подчеркивается большой вклад в изучение этого памятника Эриха Машке — «крупнейшего немецкого историка XX в.»¹

*Кандидат исторических наук
И. О. Ермаченко*

¹ Матузова В. И. «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга как памятник истории и культуры Тевтонского ордена в Пруссии XIV века // Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. С. 243.

КНИГА I

НЕМЕЦКИЙ
ОРДЕН

НЕМЕЦКИЙ ОРДЕН И ЕГО ПРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Вот уже много веков ведут свой красноречивый рассказ замки древних орденских земель. Они повествуют о жизни мужественной общины воинов, выразившей себя в своих суровых замкнутых в четырехугольник постройках, начиная с битв, среди которых возникали первые, еще несовершенные укрепления, до выросших на их месте темно-красных стен, которые скрывали внутри себя жизнь немецких орденских рыцарей и обеспечивали их господство извне. Эти замки — свидетели германского порядка и господства, что зиждились на жертвах и крови и сохранялись усердной службой.

Сходным языком говорят и письменные свидетельства, передающие историю германского ордена и его прусского государства. Облекающие их формы мысли и речи прошлых столетий нередко усложняют восприятие, и звучат они несколько туманно на фоне столь однозначных свидетельств памятников из камня. Но кто уловит суть повествуемого старинными хрониками и грамотами, законами и стихами, тому многие источники удивительным образом откроют великий исторический путь. Перед ним развернется строительство немецкого государства, основанного глубокой верой и сильной волей сплоченной обетом мужской общины. Сама форма этой общины была порождением своего времени и жер-

твой времени пала, но дело ее, что питалось из глубочайших источников народной жизни, пережило и форму, и само время.

Силы, которые способствовали становлению дела общины, отразились в слове. Из него мы узнаем, кто такие были братья, чего они желали, а что вне осознанных желаний преподносила им историческая судьба. Поэтому не следует выстраивать на основе источников того времени полную картину исторических событий, которая позволила бы познать все периоды истории ордена и его государственных учреждений. Куда важнее для нас голоса, позволяющие проникнуть в самую сущность братства и его дела, ощутить те действовавшие и внутри, и вне их силы, благодаря которым немецкое население не покинуло Пруссию даже несмотря на падение орденского государства, а созданная орденом «Новая Германия» осталась неотъемлемой частью Германии в целом.

Продолжительная линия внутреннего и внешнего развития открывается тому, кто ищет присутствия этих сил в старых свидетельствах орденской истории. Она начинается с закона, которому подчинялся орден именно как орден, и ведет нас в Пруссию, где братство в борьбе за христианизацию и подчинение страны столь же следовало орденскому закону, сколь и служению своему народу и империи. Онемечивание завоеванной земли явственно показало, что орден связан со своим народом и действует от его имени. Блеск и роскошь золотых десятилетий вознаградили братьев и переселенцев за целый век борьбы и лишений, но одновременно взрастили в себе новые беды и предпосылки глубокого упадка. На протяжении целого века орден пытался избежать гибели; и хотя эти усилия оказались напрасными, они все же пробудили осознание сохранившегося народного содержания прусско-германской государственности и вызвали к жизни силы сопротивления.

Эти силы стали гарантией немецкого бытия на далекой немецкой окраине, обеспечив тем самым возможность нового возвышения.

Письменные свидетельства орденской истории, таким образом, убедительно говорят о сущности и силах единственного в своем роде порождения германского прошлого. Их голоса сливаются в единый хор, и мы начинаем ощущать глубокое единение исторических сил и, одновременно, щедрое многоголосье былого, во всем его величии и расцвете, — детали которого могли бы быть истолкованы неверно или вообще утрачены. Поэтому пока братья и их современники, друзья и недруги, не начали говорить сами, давайте бегло набросаем абрис орденской истории.

Немецкий орден появился в тяжелые для Германской империи времена. Когда в крестовом походе погиб старый император Фридрих Барбаросса, а войско, желавшее отвоевать Иерусалим, стояло перед Акконом, граждане Бремена и Любека основали госпиталь для больных и раненых германских воинов. Сын покойного императора, герцог Фридрих Швабский, покровительствовал этому начинанию и даже завещал похоронить себя в первой госпитальной церкви.

Семь лет спустя смерть, которая столь часто бывала противником немецких королевских фамилий, снова с неожиданной жадностью запустила свою жадную руку в историю империи: лишь 32 лет от роду почил император Генрих VI. Весть о его кончине была достаточно весомой, чтобы заставить войско немецких крестоносцев, вновь собравшееся в Акконе, вернуться на родину. Однако прежде чем немецкие князья снарядили корабли в Германию, они преобразовали госпиталь, основанный в 1190 г. бременскими и любекскими горожанами, в духовный рыцарский орден. Таким образом, 1198 год и является годом основания Немецкого ордена, в на-

звании которого сохранилось также напоминание о его первоначальном назначении — госпитальном уходе за больными. Этой задаче он остался верным и взяв на себя более важные — военную и политическую.

Маленьким и скромным выглядел Немецкий орден на фоне двух своих старших и больших собратьев — орденов иоаннитов, правила которого должны были стать образцом для госпитальной службы нового ордена, и тамплиеров — его правила определили порядок рыцарской службы. Создавались оба более ранних ордена не по национальному признаку, хотя романская окраска и преобладала, и, на первый взгляд, они имели явное преимущество перед Немецким орденом. Истории еще предстояло доказать, что именно благодаря ограниченности национальными рамками, столь очевидно выраженной в названии, Немецкому ордену одному оказались по плечу задачи, связанные с народом и империей, чего другим орденам было не дано.

Статуты Немецкого ордена, регулирующие его внутреннюю жизнь и опирающиеся прежде всего на правила тамплиеров, были утверждены как раз в то время, когда орден уже повел борьбу за Пруссию. Однако они вряд ли отражают что-либо, свидетельствующее о вступлении ордена на собственный исторический путь. Имея в известной мере местный оттенок, окраска его была привнесена с востока, из мира крестовых походов, к которому принадлежало место его рождения и начало деятельности. Но статуты были основным законом жизни ордена, став тем самым реальными предпосылками успеха его государственного развития.

Разделенные на три части — правила, законы и обычаи — статуты орденских братьев составляют духовные и религиозные основания их жизни и дают практические наставления. Орден был духовно-рыцарским, и его члены были поэтому связаны тремя

монашескими обетами: целомудрия, послушания и бедности. Именно они определяли историческое влияние ордена и в то же время ограничивали его. В разлуке с домом и родными, без привязанности к женам и детям, братья могли удовлетвориться обетом послушания, в отличие от светских рыцарей, воинов или государственных чиновников. Их дни и ночи, согласно предписаниям, принадлежали ордену. В нем заключалась вся жизнь, и вне его не было ни надежд, ни радостей. Так достигалась концентрация воли, в которой заключались поистине безграничные возможности. Но реализовать эти возможности Немецкому ордену удалось не потому, что его законные основания и сконцентрированная в нем воля, подобно другим монашеским орденам, были обращены им вовнутрь, в конечном счете на себя самого. Скорее он ставил перед собой цель рыцарского служения и сверх того — в качестве решающего шага, остающегося на уровне исторических достижений, — задачу основать и сохранить государство. Так орден стал политической общиной немецких мужей, которая силой меча добыла новые земли для Германской империи и дала немецкому народу новую родину. Завоевая под знаком насильственной христианизации Пруссию, братья осознали, наконец, свою итоговую цель — построение государства, немецкого и по крови, и по виду.

Политические силы, которые закон ордена высвободил в братьях, вполне узнаются из статутах. Они заключаются, в общем, в обязанности безоговорочного послушания и «отказа от собственной воли», что еще более укрепляло волю общины. Их присутствие ощущается и в строгой общинной жизни братьев, которой они подчинялись в большом и малом, включая общую трапезу, одеяния, спальни. Братское доверие по отношению друг к другу — члены общины даже не запирали свои шкафы — определяло и возвышало их жизнь, делая ее не чем иным, как залогом

великой политической силы. Совет «наимудрейших братьев» отнюдь не снимал ответственности с великого магистра, но благополучно уравнивал возможный произвол одного сформированной волей общины. Понятие служения наполняло всю внутреннюю жизнь ордена, став одновременно главным условием государственного порядка в Пруссии. Должностным лицам надлежало быть более слугами, нежели господами своих подчиненных. Лишь такие чиновники способны были создать государство, воплощавшее в себе на тот момент уникальный для немецких земель внутренний строй.

С другой стороны, орденские статуты выявляют границы исторической действительности ордена. Именно монашеский обет целомудрия не позволял им жить общей жизнью с немецким населением Пруссии, хотя появилось оно именно благодаря ордену; на братьев не распространялись законы мирской жизни, они были лишены тех многочисленных кровных уз, которые соединяли между собой жителей новых немецких земель. В результате неминуемо нарастала напряженность между немецким населением Пруссии и орденом-сюзереном; в конце концов, немецкие поселенцы и их потомки стали воспринимать братьев, происходивших из старых верхне- и нижненемецких земель, лишь как пришлых господ. К тому же Немецкий орден, как и любой другой церковный орден, не способен был долго придерживаться своих первоначальных идеалов, и именно утверждение великих государственных задач создало действительность, которая пришла с идеалом в неизбежное, но и нерасторжимое противоречие. В конце концов полякам оказалось нетрудно оспорить право ордена на существование в качестве суверена. Эта коренящаяся внутри сомнительность его существования в поздний период, а не какой-либо недостаток в личной готовности к

борьбе, и должна была привести его к окончательному падению.

Поначалу глубокая набожность и внешняя сплоченность позволили ордену достигнуть крупных политических успехов. Направил братьев на этот путь четвертый по счету великий магистр Герман фон Зальца, возглавлявший орден с 1209 года до самой смерти 20 марта 1239 года. Уроженец Тюрингии, он принадлежал к многочисленным выходцам из Средней Германии, которые именно в начале существования ордена отдали ему свои политические и военные таланты. Лично и как член ордена, жизнь которого была заключена между полюсами монашеского смирения и рыцарских сражений, он оказался вовлечен в мировую борьбу императора и папы. Великий магистр пытался примирить их, чтобы сохранить единство мира, который именно тогда решительно трещал по швам. Посредник между папой и императором, самый верный друг Штауфена Фридриха II, Герман фон Зальца сумел углубить связь ордена с императорской властью, установившуюся в момент его рождения, и использовать эту связь для продления жизни ордена.

Позиция между папой и императором позволила Герману фон Зальца возвеличить орден за счет обоих. Но политический порядок, в который он ввел свой орден, был порядком империи. Это обнаружилось, когда польский князь Конрад Мазовецкий на рубеже 1225 и 1226 годов предложил ордену отвоевать некогда принадлежавшую Польше Кульмскую землю¹, отнятую у нее соседним прибалтийским народом — пруссами, и, если удастся их покорить, то завладеть всей их территорией.

Орден только что пережил тяжелое разочарование. С 1211 года он пытался обособить, насколько это было возможно, свое владение в Бурценланде,

¹ Польское название — Хелминская земля. — *Прим. ред.*

в Семиградье, полученное от венгерского короля. Попытка оказалась неудачной, поскольку король Венгрии вновь изгнал братьев. Но воля к собственной государственной власти уже пробудилась, и когда мазовецкий князь предложил ордену завоевать земли на дальнем северо-востоке, Герман усмотрел в этом хорошую возможность основать собственное государство. Предложение князя он принял не сразу, но четыре года вел переговоры, прежде чем на Висле появились первые братья с целью борьбы против пруссов. Судя по всему, Герман разъяснил государственно-правовые основы для будущих орденских земель, и императору оставалось их лишь одобрить.

Опечатанная золотой буллой грамота, которую император Фридрих II издал в Римини в марте 1226 года, содержала предложения великого магистра. Права будущего орденского государства строились на основе имперского права. Император оставлял ордену суверенные права, в частности, право на разработку недр, таможенное или торговое право, которые должны были распространяться на все завоеванные орденом земли, а великому магистру — статус, подобный положению имперского князя. Таким образом, орденское государство, имея собственную государственность, еще в зародыше своем было включено в Германскую империю.

В 1230 году, когда братья только начали воевать с пруссами, они, вероятно, и не подозревали, что границы их государства определятся лишь к концу века. Со времен Германа фон Зальца орден численно очень вырос, но все же не мог осуществить завоевание Пруссии собственными силами. Он вынужден был пользоваться регулярным подкреплением крестоносцев из Германии: те, как правило, оставались в его землях на год или до окончания военных действий. К тому же зимой реки, морские заливы и топи замерзали, что облегчало проникно-

вание на неизведанные вражеские территории, так что образовался почти регулярный ритм боевых действий. Сначала орден продвигался вниз по течению Вислы, затем — вдоль побережья залива, далее на запад и юг, в глубь прусских земель, если военная удача была на его стороне; для закрепления победы на завоеванной территории строился замок. Когда из Германии прибывали новые крестоносцы, продвижение в глубь земель возобновлялось, но пока их не было, ордену приходилось защищаться собственными силами.

Однако с самого начала «собственные силы» не ограничивались лишь братьями ордена. Здесь, как и в Трансильвании, орден с самого начала был связан с наиболее значительным процессом в истории немецкого народа — заселением восточных земель. Оседавшие в этих землях немецкая знать и горожане также оказывали заметную военную помощь.

Рыцари ордена, рыцари и горожане из числа переселенцев, а также те, что ежегодно прибывали из Германии на подмогу, с каждым годом сдвигали границы немецких владений в глубь Пруссии, обороняя их во время мятежей только что покоренного населения (крупнейший из них длился тридцать лет). Орденский летописец, священник Петр из Дусбурга, закончивший свою хронику в 1326 году в Кенигсберге, оставил живую картину того времени. Он писал почти через полвека после трудной эпохи созидания — достаточно близкой, чтобы знать о ней в подробностях, и достаточно уже далекой, чтобы представлять борьбу первых братьев за распространение веры как образец, напоминающий о ней современникам Петра и предостерегающий от ее забвения. При этом почти упускается из вида, что дело здесь заключалось в основании немецкими мужами государства и создании новой немецкой родины; кенигсбергского священника волнует, главным

образом, история борьбы духовной общины. Но то, о чем он нам повествует, есть гордая песнь о жертвенности и служении немецких мужчин и женщин, создавших часть немецкого жизненного пространства.

Братья ордена не могли довольствоваться лишь установлением церковной и светской власти над покоренными пруссами. С первых часов существования своего юного государства они стремились к такой форме господства, которая была бы полностью немецкой по крови. Орден вовсе не истреблял местных пруссов огнем и мечом, как это может показаться сначала из сообщений летописцев. Стоит вам услышать непривычное звучание, нередкое для названий мест в Восточной Пруссии, восходящих к древнепрусским корням, и вы осознаете, что здесь сохранилась область расселения прежних пруссов, расово близкого немцам народа. Немцам в редко и неравномерно заселенной стране оставалось достаточно пространства для освоения. Да, самое глубокое оправдание захвата состоит в коренном преобразовании культурного облика Пруссии — тогда его еще только предстояло «вытесать» из этих болот и лесов. Орденский меч лишь прорубал путь к историческому праву немецкого народа на прусские земли. Но затем рыцари ордена заботливо приняли страну под защиту своего административного искусства, горожане со своих рынков по всему миру растянули нити дальней торговли, крестьяне добрались до леса — злейшего врага человеческих поселений; так создавался ландшафт, который по сути своей был исконно немецким, поскольку иного культурного ландшафта в подлинном смысле слова в этой стране еще не было.

Эту задачу, помимо завоевания территорий, тоже взял на себя орден. Опасности военного времени не позволяли немецким крестьянам селиться в незащищенных деревнях, но если они все-таки на это отваживались, эти поселения ждала неминуемая гибель

во время великого прусского бунта. Орден, однако, расселял по Пруссии в большом количестве и рыцарские фамилии, которые со своим тяжелым вооружением и свитой оказывали заметную военную помощь и немало способствовали быстрому освоению страны, получая от братьев обширные владения и вкладывая значительные личные средства.

Но с первых дней борьбы за Пруссию для ордена еще важнее, чем привлечение рыцарей-поселенцев, было основание городов. Они возникали преимущественно вслед за орденским замком и были, по сути, продолжением его передовых укреплений. Эти каменные стены или — как в первое время — деревянные заграждения давали неплохую защиту молодым росткам немецкой жизни; торговля приносила необходимые средства для ведения войны, вскоре установились связи со всем миром, и все это благодаря городам.

Торн и Кульм¹ — первые города, основанные орденом. Значительную часть жителей этих городов составляли бюргеры — выходцы из Силезии: лишь немногим ранее заселенные немецкие восточные земли вообще охотно и помногу направляли в Пруссию своих жителей. 28 декабря 1233 года орден выдал жителям обоих городов их «*Handfeste*», как называли грамоты об основании. Здесь отмерялись площади городских земель и перечислялись права и обязанности горожан. Однако Кульмское городское право распространялось не только на бюргеров городов Торн и Кульм. Как грамота Фридриха II учредила государственно-правовой статус орденских земель, так Кульмская грамота заложила правовую основу будущего политического и социального устройства. Городским самоуправлению и юрисдикции она оставляла немало свободного пространства. Наслед-

¹ Современные польские названия Торунь и Хелмно. — *Прим. ред.*

ственное право и право собственности благоприятно для нового германского населения были установлены по фламандскому образцу. Раз и навсегда был определен размер военной повинности, оброка и десятины; это серьезно осложнило внутреннюю политику ордена в XV веке, когда нужда заставила его вводить для сословий все новые и новые налоги. Сохранение же за орденом высшего суверенитета свидетельствует не только о том, что орден приступил к осуществлению программы 1226 года, но и доказывает независимость орденского государства от Польши, а точнее — Мазовии, хотя позднее, после финальной битвы с польским соседом, суверенитет Пруссии оказался под вопросом. Единая созидаящая сила ордена, государство которого должно было поддерживать сплоченность своего создателя и опоры, ощущалась в постановлениях о единстве монеты, мер и весов. Множественность их в старой Германии была одной из печальных примет государственной раздробленности. Между тем, согласно указу папы, треть земель предоставлялась в собственность епископам Эрмланда¹, Помезании² и Самланда³, те, в свою очередь, треть передавали соборному капитулу, а для старейшего епископства — Кульмского — существовало особое положение. Таким образом, единство государства, к которому первоначально так стремился орден, было уже недостижимо. Однако вплоть до

¹ Эрмланд (Вармия) — одна из земель пруссов, ныне территория Багратионовского района Калининградской области и частично Варминьско-Мазурского воеводства Польши. — *Прим. ред.*

² Помезания — одна из земель пруссов, ныне территория Варминьско-Мазурского воеводства. — *Прим. ред.*

³ Самланд (другие названия — Замланд, Земланд, Самбия, Ауслервия) — одна из земель пруссов, ныне территория Зеленоградского, частично Гурьевского, Гвардейского и Полесского районов Калининградской области. — *Прим. ред.*

самой гибели своего государства орден никогда не выпускал из рук управление всей страной во внешне-политической и военной сфере.

Как и городам, соответствующие грамоты выдавались деревням или тем, кто брались за основание деревень и становились затем старостами в них — локаторам¹, или безетцерам². Таким образом определялись площадь деревенских угодий, число наделов (гуф), каждый из которых кормил одну крестьянскую семью, размер годового чинша и прочих повинностей, хотя и не каждая грамота могла содержать полный перечень правовых обязательств.

Лишь когда борьба за Пруссию завершилась, наступило время деревенских поселений. Летопись Петра из Дусбурга дополняет стихотворная хроника Николауса фон Ерошин, живо повествующая о том, что прежде должны были переживать горожане-земледельцы, рыцари и немногочисленные еще крестьяне. В первые десятилетия XIV века, когда колонизационная деятельность ордена шла наиболее оживленно, об этих трудностях уже забыли. Медленно двигаясь с запада, орден осваивал под заселение и лесистую местность. Весь процесс колонизации подчинялся строгому плану, благодаря которому между городами и деревнями действительно возникли территориальные и хозяйственные связи. Примеру ордена последовали епископы, капитулы и отдельные представители знати, хотя и изменив несколько принципы колонизации.

Последовавшие призыву ордена немецкие переселенцы родом были в основном из Вестфалии и Нижней Саксонии, а также из восточных земель Средней Германии и Силезии. Они не довольствовались овладением единовременно переданными им землями, по примеру родителей, их дети и дети их

¹ От лат. locus — место. — *Прим. ред.*

² Besetzen (нем.) — занимать (место). — *Прим. ред.*

детей двигались дальше, занимаясь раскорчевкой и благодаря тяжкому труду обретая новую родину. Поэтому, даже когда приток переселенцев из Германии прекратился, освоение земель продолжалось уже за счет нового немецкого населения Пруссии, и его передвижение остановили лишь войны и бедствия XV века, когда ордену во второй половине столетия пришлось вновь обратиться к жителям Литвы и Мазовии. Но немецкую сущность Пруссии эта более поздняя иммиграция изменить уже никак не могла.

Возникнув в Средиземноморье, в мире крестовых походов, орден довольно быстро нашел себе применение вблизи тогдашнего жизненного ареала немцев. Но лишь когда резиденция великого магистра была перенесена из Венеции, где она находилась с момента падения Аккона (1291), в Мариенбург, орденское государство обрело свою гордую столицу. В 1308–1309 годах в результате войны бранденбургского маркграфа из Аскании¹ Вальдемара с Польшей ордену досталась Восточная Померания, или Помереллия, с Данцигом. Тогда сразу расширилась сфера внешнего влияния орденского государства, что сказалось и на его внутренней жизни. Теперь нижняя Висла уже не была западной границей, а выполняла свою естественную функцию, служа осью орденского государства, экономически подчиненной Данцигу и Торну. Приобретая Восточную Померанию, орденское государство уже не придерживалось исключительно миссионерской установки, и в действие в полной мере вступила естественная закономерность развития государства. Впрочем, она давала о себе знать еще во время завоевания Пруссии, все более и более проступая на фоне миссионерских задач.

¹ Ascania — латинизированная форма названия по замку возле г. Ашерслебен.

В 1237 году Немецкий орден включил в свой состав Ливонский орден меченосцев, и на юго-восточном побережье Балтийского моря возникло немецкое государство, простиравшееся от Померании до Нарвы. В этом государстве росло население, процветали экономика и культура, и, набираясь сил, оно вступило в большую политику, что не могло не вызывать противоречий в отношениях с соседями. В 30-е годы XIV века они привели к войне с Польшей, но счастливым образом разрешились в 1343 году, когда польский король Казимир Великий навсегда отказался от Померании.

Экономические отношения также в конце концов заставили орден активизировать свою политику в Прибалтике. Прусская торговля опиралась на шесть расположенных здесь ганзейских городов, ведущим среди которых был, бесспорно, Данциг; немаловажную роль играли также Торн, Эльбинг¹ и Кенигсберг. Однако ганзейское право распространялось не только на сами ганзейские города, но и на все орденские земли. Пруссия стала житницей Европы. Помимо зерна, немаловажными предметами экспорта были янтарь, меха, мед, древесина, поташ. А ввозились, прежде всего, фламандские и английские ткани, которые являлись также предметом транзитной торговли. Так Пруссия начала торговать с Северной и Западной Европой, в том числе со Скандинавией, Англией, Испанией и Португалией, а в другом направлении ее торговые связи распространялись на Польшу и Восточную Европу, вплоть до Руси. Орден и сам участвовал в торговле наряду со своими наиболее крупными городами, для этих целей в Мариенбурге² и Кенигсберге даже были учреждены соответствующие конторы. Таким образом братья с выгодой употребляли значительные излишки сельскохозяйственного сырья, особенно зерна, получа-

¹ Ныне г. Эльблонг (Польша). — *Прим. ред.*

² Ныне г. Мальборк (Польша). — *Прим. ред.*

емого от собственных производителей ордена, а также от крестьян в виде податей. Однако дух коммерции был опасен для природы ордена. К тому же, начав конкурировать с крупными ганзейскими городами, братья приобретали себе недругов в лице горожан, занимающихся внешней торговлей.

Но с точки зрения внешней политики эти торговые отношения вначале привели к тому, что — с согласия великого магистра, но под собственную политическую ответственность — прусские ганзейские города приняли участие в войне Ганзы с Данией, которая завершилась в 1370 году победоносным Штральзундским миром и возможностью контролировать пролив Зунд. Но поскольку за политикой ганзейских городов стоял орден, то в результате и сам он оказался на Балтийском море с оружием в руках. Желая покончить с пиратскими нападениями, в 1398 году Немецкий орден захватил остров Готланд. Это была не слишком длительная акция, однако и она показывает, как по мере роста орденское государство с необходимостью вынуждено было вступить на заманчивый, но опасный путь сильной внешней политики.

Традиционную борьбу против язычников братья продолжили в литовских войнах, которые начались, едва были усмирены прусские племена. Весь XIV век заполнен военными походами против жемайтов и вверх по течению Мемеля¹, в сердце литовского государства. Как и во времена прусских войн, из Германии и других стран на подмогу прибывали крестоносцы, чтобы помочь братьям в борьбе с язычниками. Но как изменилась теперь сама сущность этих крестовых походов! Европейцы давно утратили пыл, свойственный крестоносцам прошлого. Князья и рыцари, прибывавшие теперь в Пруссию, чтобы выступить с орденским войском против литовцев, жаждали лишь рыцарских игрищ. Поход

¹ Р. Неман. — *Прим. ред.*

против язычников превращался в турнир, на котором и противник достоин был уважения, немислимого прежде. Оруженосец, который хотел быть посвященным в рыцари более достославным образом, нежели во время мелких распрей у себя на родине, отправлялся в Пруссию. А такой правитель, как герцог Альбрехт III Австрийский, и вовсе прихватил с собой поэта, который должен был воспеть поход в стихах.

Вирши Петера Зухенвиртса весьма наглядно повествуют о блеске ордена, о тяготах перехода через дикую местность и о гордости юных рыцарей, которые приняли посвящение после весьма незначительного с военной точки зрения похода, хотя его стих и не говорит почти ничего о той серьезности, с которой орден должен был относиться к войнам с литовскими племенами. Братья нуждались не только в идеологическом оправдании своего существования. Они взяли на себя бóльшую задачу — ослабить давление, оказываемое жемайтами на полосу земли между Пруссией и Ливонией, и расширить эту полосу, чтобы ливонское государство не было оторвано от прусского. Неудача этого замысла доказывает, насколько он был верен по сути. Осуществить эти планы посредством развития внешних и внутренних связей оказалось для ордена уже невозможным, и последствия этого до сегодняшнего времени ощущали прибалтийские немцы.

Интенсивная внешнеполитическая и торговая деятельность совпала с периодом максимального богатства. Поздним поколениям времени Винриха фон Книпроре казались величайшим расцветом ордена. На самом деле, блеск, озаривший Пруссию второй половины XIV века, кажется еще ярче на мрачном фоне поражения при Танненберге¹ и экономического

¹ Грюнвальдская битва 1410 г. Танненберг (Грюнвальд) — ныне Стембарк (Польша). — *Прим. ред.*

и политического упадка времен войны с польско-литовской унией.

Орден достиг зрелости. Полтора века войн и трудов принесли братьям щедрый урожай. Орденские замки достигли художественного совершенства. Блеск и величие этого периода воплощает в себе Мариенбургский дворец великого магистра, который был достроен к концу XIV века. В счетах орденского казначея мы не можем не обратить внимания на имя зодчего Николауса Фелленштейна. Судя по всему, именно под его влиянием сложился внешний облик дворца великого магистра и других построек того времени. Но как в ордене не индивидуальное, а лишь община имела ценность, так и великие строители орденских замков, за редким исключением, оставались безымянными.

К концу века окончательно сформировались не только искусство или хозяйство ордена, но и его административная система. И хотя орденские чиновники вовсе не уходили каждый год в отставку, чтобы отчитаться за свою деятельность, как было предусмотрено статутами, однако любая смена должностных лиц предоставляла возможности для подробнейшего финансового отчета. О столь педантичном контроле долгов и наличности можно судить по финансовым и инвентаризационным отчетам, содержащимся в большом расходном журнале, позволяющем нам заглянуть в кухню и подвал, на двор и в хлев, в казну и в арсенал орденских замков. И повсюду обнаруживаем мы богатство, порядок и боевую мощь.

Ярчайшим образцом административного искусства являлось, пожалуй, центральное казначейское управление в Мариенбурге. Казначейские расписки представляют для нас исключительный интерес, раскрывая до мелочей жизнь резиденции великого магистра, но не затемняя при этом и существенный политический контекст. Например, в расписках фигурируют суммы, уплаченные в 1402 году за приобретение Новой Марки. По рассылке соколов во

все европейские страны можно судить о размахе дипломатических связей, которые поддерживались с помощью относящихся к рыцарскому этикету подарков. Мы узнаем, из кого состоял двор великого магистра: слуги, скрипачи, придворный шут, в котором глава ордена нуждался в это время не меньше, чем какой-нибудь светский князь. Серебро, золото и янтарь превращались в церковные и мирские украшения. Но за этими скупыми и сухими строками банальных счетов из казначейской книги проглядывают блеск и величие великого государства, роскошь рыцарской жизни.

Однако они не в состоянии скрыть от нас грядущие опасности. Был ли орден по-прежнему верен себе? Может быть, торговля и рыцарское жизнелюбие слишком далеко увели орден от его первоначальной природы? В стране уже раздавались жалобы на орден. Представители дворянства и бюргерства, рядом с которыми духовенство занимало особое место, не скупились на упреки, которые со временем звучали все настойчивей. Они свидетельствовали об узости тогдашней сословной политики, которая была направлена против «чужеземцев», против пришлых из других германских земель, будь то братья или другие лица, имеющие отношение к ордену. Однако эти упреки свидетельствуют также и о том, что большая напряженность возникала и в отношениях Ордена с давно уже сложившимся населением Пруссии. И причина ее крылась в самой природе духовного ордена.

Судьбе было угодно, чтобы эти противоречия между орденом, игравшим роль сюзерена, и сословиями (в Пруссии они были обострены в силу необычной природы этого самого «сюзерена», в остальном же являлись лишь частью большой конституционной борьбы, которую вели эти политические силы во всех германских землях) трагическим образом совпали с угрозой извне. Уния, заключенная между Польшей и Литвой в 1386 году и принесшая великому князю литовскому польскую ко-

рону, окружила орденское государство вражеским кольцом, давлению которого оно тщетно пыталось противостоять. Война 1409—1411 годов была попыткой освобождения — справедливой, но потерпевшей неудачу ввиду превосходящей силы противника. В битве при Танненберге орден потерпел поражение, которое было бы окончательным, если бы не комтур Швеца Генрих фон Плауэн, который успешно оборонял Мариенбург, а вместе с ним и все государство.

Первый Торнский мир¹ 1411 года наложил на братьев тяжкие финансовые обязательства, однако не затронул территорию государства. Избранный между тем великим магистром Генрих фон Плауэн тщетно пытался высвободить для сопротивления оставшиеся силы ордена и страны. Учредив Совет земель — ландесрат, он готов был привлечь сословия к управлению государством. Братья же не усмотрели в этом требования времени и сместили с должности человека, который мог бы учредить в государстве новый порядок и продлить тем самым его жизнь.

Таким образом, противоречия между орденом и сословиям только усугублялись. Спустя несколько десятилетий в отношениях между отдельными конвентами и великим магистром возник тяжелый внутренний кризис; сословия, во главе которых стояли крупные города, создали Прусский союз, ставший вскоре чем-то вроде оппозиционного правительства. Напрасно братья призывали против союза имперский третейский суд. На вынесенный приговор представители сословий ответили изменой, подчинившись в 1454 году польскому королю.

Битва при Коннице — единственное по-настоящему значимое военное событие за всю 30-летнюю войну — свидетельствует о том, что мужество и

¹ В русской историографии принято название Торуньский мир. — *Прим. ред.*

сила ордена и его сторонников были сломлены. Однако их подточил не внешний враг — польский король, а желавшие конца орденского господства сословия собственной страны, во главе которых стояло немецкое бюргерство Данцига и Торна. Совершенно бесполезные переговоры 1465 года на косе Фрише-Нерунг¹ между сторонниками ордена и его противниками во главе со ставленником польского короля губернатором Штибором Банзенским, сменившим на этом посту своего старшего брата Ганса, показали, что сословия рассчитывали с помощью польского короля изгнать орден, чтобы потом самостоятельно править Пруссией. Они и не подозревали, как правы были сторонники ордена, предостерегая их от передачи Пруссии в руки негерманских властей.

Ордену грозила опасность, и он имел полное историческое право на последнюю битву. Пока такие люди, как мариенбургский бургомистр Бартоломеус Блуме, во имя верности сюзерену готовы были идти на эшафот, он мог и должен был продолжать борьбу за свое государство. Братья и тогда не отказались от борьбы, когда по условиям второго Торнского мира 1466 года орден лишился своих самых богатых и наиболее онемеченных земель.

Только теперь, сопротивляясь гибели, орден постиг последний смысл своей истории и своего предназначения. Из крови лучших представителей немецкого народа выросла Новая Германия. Из-за эгоистичности сословий немцы могли навсегда утратить этот кусок родной земли. Тогда братья призвали на помощь императора и империю. Они снова и снова напоминали, что империя имеет обязательства по отношению к отдаленным немецким землям. Но они взывали напрасно. И сама империя пришла в упадок. Император воевал в Нидерландах, стремился укрепить власть своего дома в Венгрии и

¹ Ныне Калининградская коса. — *Прим. ред.*

Богемии. Не помогло существенно и избрание великими магистрами немецких князей — сначала герцога Фридриха Саксонского, а затем маркграфа Альбрехта Бранденбургского.

Брошенный на произвол судьбы империей, осаждаемый собственными подданными, испытывающий угрозу самому своему существованию со стороны большого враждебного государства, орден не мог предотвратить падение своего господства. Он не мог изменить свою форму, а потому гибель его государственной жизни была неизбежна. Последний великий магистр ордена Альбрехт Бранденбургский принял учение Лютера и в апреле 1525 года в Кракове получил Пруссию в качестве светского герцогства из рук польского короля.

С этого момента орденское государство перестало существовать. Борьба ордена против государственного упадка была тщетной, однако в ней был свой непреходящий смысл. Только это сопротивление пробудило осознание того, что в Пруссии речь шла о защите самой немецкой жизни, и что действительно сохранились силы, не желающие поддаваться жестокой судьбе и чужеземному владычеству, и они остались живы до тех пор, пока не пришло время для нового строительства. Символом глубочайшего значения кажется тот факт, что одновременно с герцогом Альбрехтом, завершившим борьбу ордена, лен получили и бранденбургские Гогенцоллерны. Тем самым в час гибели были заложены предпосылки для будущего расцвета Пруссии при великом курфюрсте и его преемниках. Поэтому, по сути своей, последний отрезок истории ордена в Пруссии — это не история гибели, а история противостояния неизбежному концу, которое несло в себе ростки новых возможностей. Незадолго до гибели орден осознал свое предназначение в служении народу и империи, и, уже сопротивляясь неминуемому краху, он пробудил бессмертные силы немецкого народного духа, семя которого он некогда бросил в прусскую землю.

ИЗ ЖИЗНИ ОРДЕНА СВИДЕТЕЛЬСТВА И ПОВЕСТВОВАНИЯ

ОСНОВАНИЕ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА

В то время, когда Аккон был осажден христианским войском и с Божьей помощью освобожден от рук неверных, несколько горожан из Бремена и Любека устроили в войске под парусом одного из ганзейских кораблей госпиталь. Они принимали в него многих больных, и от чистого сердца выполняли они долг человечности и с великим усердием смиренно опекали госпиталь вплоть до прибытия сиятельнейшего герцога Фридриха Швабского, сына императора Фридриха Барбароссы. Когда затем бюргеры Бремена и Любека пожелали вернуться на свою родину, они, повинаясь воле герцога и других знатных, передали госпиталь, со всеми собранными пожертвованиями и всем имуществом, капеллану герцога Конраду и казначею по имени Бурхард. Отказавшись от мирских соблазнов, эти двое вступили на путь истинной жизни и приняли обет ордена иоаннитов, и положили начало, учредив госпиталь в честь Девы Марии, ибо они называли его «Немецкий госпиталь пресвятой Девы Марии в Иерусалиме» в надежде на то, что Святая земля будет возвращена христианской вере и тогда главный дом ордена образуется в Иерусалиме. Но, когда был взят Аккон, братья купили в городе сад, где и поставили госпитальную церковь и страннопри-

имный дом. В той церкви, согласно завещанию, был похоронен герцог Фридрих.

Прошло время. Император Генрих VI подчинил своей власти Сицилию. Тогда большая армия немецких князей и знатных господ прибыла на помощь Святой земле. После того как она задержалась там на некоторое время и пришло известие, что император Генрих умер, кое-кто из них решил вернуться на родину. Однако некоторым из немецких князей и господ, там бывших, казалось, что весьма полезны и почетны для госпиталя были бы правила ордена тамплиеров. Немецкие князья и знатные собрались поэтому в доме тамплиеров и созвали туда священнослужителей и баронов Святой земли, которые все единодушно решили, что в заботе о больных и убогих вышеозначенный госпиталь, как прежде, должен соблюдать правила иоаннитов, но в отношении своих братьев — проповедников и рыцарей — ему надлежит придерживаться правил ордена тамплиеров. Это произошло в марте 1198 года. Среди немецких князей были архиепископ Конрад Майнцский, епископ Конрад Вюрцбургский, канцлер императора, пфальцграф Рейнский и герцог Брауншвейгский, герцог Фридрих Австрийский, герцог Генрих Брабантский, предводитель немецкого войска, ландграф Тюрингский, маркграф Дитрих Мейсенский, маркграф Альбрехт Бранденбургский, маршал империи Генрих фон Кальден и многочисленные графы и господа.

Когда совет был завершен и правила ордена тамплиеров перенесены, магистром избрали они брата Генриха Вальпота, бывшего одним из братьев госпиталя. Магистр ордена тамплиеров передал ему копию правил тамплиеров, которые отныне надлежало хранить в доме ордена. Согласно желанию князей папа Иннокентий III утвердил для Немецкого дома госпиталя пресвятой Девы Марии в Иерусалиме правила обоих орденов, иоаннитов и тамплиеров, и вверил магистру его обязанности.

ИЗ ПРАВИЛ ОРДЕНА

Из преамбулы

Святой рыцарский орден госпиталя пресвятой Девы Марии немецкого дома немало позаботился о том, чтобы его украшали собой многие почтенные члены. Ибо они рыцари и избранные воины, что из любви к закону и отечеству сильной рукою истребляют врагов веры. Движимые безграничной любовью, они также и странноприимники гостей и паломников, и бедняков. И служат они также с душевной пылкостью из сострадания к хворым, что лежат в госпитале.

Вот правила братьев Немецкого дома пресвятой Девы Марии

Во славу Святой Троицы даны здесь правила братьев госпиталя пресвятой Девы Марии немецкого дома в Иерусалиме; они подразделяются на три части. В первой части говорится о целомудрии и послушании и о жизни без собственности. Во второй части говорится о госпиталях, как и где надлежит их содержать. В третьей части говорится о заповедях, которые братья обязаны соблюдать.

Здесь говорится об основных заповедях: о целомудрии и послушании и о том, как жить без собственности

Три заповеди, изложенные в этих правилах, являются устоями всякой духовной жизни. Первая есть вечное целомудрие, вторая есть отказ от собственной воли, то есть послушание до самой смерти, третья есть обет бедности, дабы жить без собст-

венности. В трех этих вещах — целомудрии, послушании и жизни без собственности — заключается сила этих правил, столь незыблемая, что магистр ордена не вправе освободить от них кого-либо, ибо, нарушив раз, уничтожишь правила совершенно.

Да пребудет их имущество и наследство в общине

Однако вследствие больших расходов братьев, которые имеют они благодаря многим людям, госпиталям и рыцарскому служению, благодаря хворым и бедным, пусть владеют они сообща от имени ордена и их капитула движимым и недвижимым наследуемым имуществом, как-то: земли и пашни, виноградники, мельницы, крепости, деревни, приходы, капеллы, десятины и прочее, насколько позволяют им их привилегии. И да владеют они по вечному праву также людьми, женского и мужского пола, слугами (кнехтами) и служанками.

О содержании госпиталей

Поскольку предпочел этот орден рыцарскому служению госпитальное, как ясно сие из его названия, ибо именуется он госпиталем, то постановляем, чтобы в главном доме или там, где рекомендуют магистр и капитул, во все времена содержался госпиталь. Если же пожелают учредить где-либо уже существующий госпиталь с его доходами, пусть ландкомтур с советом мудрейших братьев сие одобрит или не одобрит. В других же домах этого ордена, где нет госпиталя, не следует возводить госпиталей без особого распоряжения магистра с советом мудрейших братьев.

Как и во что надлежит братьям одеваться

Братьям ордена позволено использовать и носить из льна рубахи и исподнее, штаны и простыни, постельные принадлежности и другие вещи, как им будет впору. Прочая одежда, которую носят они сверху, должна быть духовного цвета. Рыцарям надлежит носить белые плащи как знак принадлежности к рыцарству, однако в остальном они не должны отличаться одеждой от других братьев. Постановляем, чтобы на накидке, плаще и воинском одеянии каждый из братьев носил черный крест, особо свидетельствующий о его принадлежности к ордену.

Как и где надлежит братьям спать

По справедливости, все здоровые братья спят вместе в одном помещении, однако старший может приказать, чтобы некоторые братья, принимая во внимание их должности, спали где-либо в ином месте. И когда они спят, должны они лежать подпоясанными поверх их рубах и в исподнем и штанах, как и подобает людям духовным. Каждому также надлежит спать отдельно, если нет необходимости в ином. Там, где спит большинство братьев, не должно быть ночью недостатка в свете.

О том, что не должны братья иметь особых замков

Членам ордена надлежит всячески сторониться собственности, а потому мы желаем, чтобы у братьев, живущих в домах ордена, не было замков на их шкафах или иных вещах, которые могут быть заперты. Исключение составляют братья, находя-

щиеся в отъезде, и должностные лица, которым такие вещи полагаются ввиду их службы для общего блага дома.

О том, что относится к рыцарскому служению

Поскольку целью ордена является в особенности рыцарское служение для борьбы с врагами креста и веры и поскольку, учитывая боевые обычаи стран и врагов, в бою необходимо использовать различные средства и виды оружия, то касательно всего того, что относится к рыцарской службе — коней, оружия, слуг и других вещей, используемых братьями в бою — решение вверяется старшему среди них. Ему надлежит все правильно организовать и решить, воспользовавшись советом мудрейших братьев той земли, где ведется война, или, по меньшей мере, присутствующих, если задержка, необходимая для вызова других, сулит опасность. Но особое внимание следует обратить на то, чтобы не использовали без нужды седла, узды и щиты позолоченные, посеребренные или покрашенные в иной мирской цвет. Не должны иметь чехлов древки копий, щиты и седла, однако надлежит покрывать отточенные наконечники копий, с тем чтобы они были острее и могли лучше поразить врага.

Как братьям надлежит жить в братской любви

Всем братьям надлежит относиться друг к другу так, чтобы добросердечие и лад, свойственные имени «брат», не обратились в жестокосердие, но должны они к тому прилагать усилия, чтобы жить согласно в братской любви и благосклонно являть друг другу дух кротости и чтобы по праву можно было сказать о них: как хороша и как радостна жизнь братьев в согласии. Дабы всякий, если он может, нес бы ношу другого, и, по слову апостола, каждый старался бы уважать другого.

Как братьям надлежит собираться на советы

Если магистр ордена или его заместитель намереваются окончательно договориться о чем-либо и полагают, что это касается всего ордена, или желают назначить и сместить с должности или продать земли, для чего требуется позволение магистра и капитула, или принять в орден братьев, тогда необходимо собрать всех присутствующих братьев, и совету лучших из них надлежит последовать магистру и его заместителям. Однако если нет среди них единого мнения о том, кто лучшие из них, определить это надлежит магистру или его представителям, но смотря не по множеству братьев, а по их благочестию, опытности, почтенности и благоразумию. Прочие мелкие совещания могут они проводить лишь с участием наиболее мудрых братьев, которые при них состоят. Мелкие дела они могут разрешить и сами.

Как братьям надлежит подавать людям добрый пример

Отправляясь в поход на врага или по другому делу, братья должны добрым примером своих деяний — ибо крест, символ доброты, носят они снаружи как знак их ордена — и нужными словами доказывать людям, что Бог с ними и в них. Ночуя в пути, также после вечерней и перед утренней молитвой могут они говорить о вещах полезных и благонравных, но только не на постоялом дворе, после того, как была ими произнесена вечерняя молитва, кроме соответственно описанного выше случая. Надлежит им избегать мест и хозяев с дурной славой, если о том им известно. Если ночуют они на постоялом дворе, то пусть свет горит ночью рядом с их постелями, если раздобыть его не со-

ставляет большого труда, дабы не навредили они этими заботами своей доброй репутации. Когда переезжают они в пути с места на место, то могут они довольствоваться богослужением тех, к кому прибыли, а, вернувшись домой, усталые от строевой службы и долгого пути, могут они на следующее утро пропустить заутреню, испросив на то позволение. Однако не только уставшие с дороги могут получить на то позволение, но и те, кто занят полезными для дома делами. Братья не должны посещать свадьбы, рыцарские и иные публичные собрания, а также театральные представления, кои своей мирской манерой исполнения служат дьяволу, если только не понуждают их к тому дела их ордена или борьба за человеческую душу. Братьям следует избегать разговоров с женщинами, в особенности с молодыми, в сомнительных местах и в неподходящее время; целовать же женщин, что является прямым признаком нечистоты и мирской любви, тем более запрещено, и они не могут целовать даже своих матерей и сестер. Никому из братьев не следует помогать в делах непозволительных отлученным от церкви и тем, чье отлучение от церкви объявлено публично. Братьям не следует становиться крестными, если только возможному крестнику не грозит смерть.

Об испытательном сроке для желающих вступить в орден

Тому, кто вступает в общину этого почетного братства, следует дать подобающий испытательный срок, дабы мог он изведать строгость ордена и нравы братьев, если только не откажется он от этого права, заручившись позволением тех, кто его принимает, и не примет сразу же полное послушание. И тогда старший, присутствующий там, либо

священник должен дать ему плащ с крестом, освященный обычной молитвой и окропленный святой водой, ибо только орденское платье с крестом отличает братьев, которые уже дали обет послушания, от послушника.

Как надлежит принимать в орден детей

Мы также желаем, чтобы ни одного ребенка не облачали и не принимали в орден, пока не достигнет он четырнадцати полных лет. Если же отец или мать, или опекун приводит ребенка, не достигшего четырнадцати лет, либо если дети приходят сами, и если их хотят принять в орден, то надлежит их воспитывать в духе благочестия до этого возраста, а потом, если сами они и братья на то согласны, принять в орден как обычно.

О том, как магистру надлежит заботиться о братьях

То, что прут лежал в ковчеге вместе с хлебом небесным, показывает нам, что и в вожде должны присутствовать два качества: милосердно увещающее сострадание и добивающееся справедливости повиновение. Оттого магистр, поставленный над всеми остальными и призванный сам всем братьям подавать пример добрыми деяниями, должен также строго предупреждать беспокойных, принимать немощных и заботиться о больных и быть ко всем им терпеливым в своей кротости. В руке должен он нести розгу и жезл, по слову пророка: недремлющая розга, чтобы во время ночного бдения пас он сам свое стадо, бдительно изгоняя смертельный сон и пренебрежение святым благоговением из носящих их в себе и карая за всякое непослушание

с усердием справедливости; а жезл нужен затем, чтобы отеческой любовью и состраданием поддерживать сердца слабые и разбитые горем, дабы не изнурило их отчаяние одиночества и дабы слабые стали сильнее.

О скромности лиц, исполняющих должности

Всем братьям, исполняющим должности, будь они большими или малыми, надлежит стараться быть добросердечными и скромными, давая другим братьям то, что им причитается, или отказывая в этом, чтобы по их вине другие не были опечалены. Не следует им ни с кем поступать так, как они не хотят, чтобы другие с ними поступали, но как хотят они, чтобы другие с ними поступали, так следует и им поступать с другими. И самих себя им надлежит считать более слугами других, нежели их господами. И не только один брат должен добровольно поступать так по отношению к другому, но всем братьям надлежит стараться быть примером праведного жития, справедливости и повиновения для всех людей, с коими они имеют дело.

О трапезе братьев и магистра

Сидеть магистру и всем здоровым братьям надлежит за столом для собраний и вкушать надлежит одинаковые пищу и напитки. Братья, прислуживающие за столом, должны стараться равномерно раскладывать кушанья и разливать питье, однако магистру надлежит рыбы и мяса давать столько, сколько четверым другим братьям, чтобы мог он наделить из своего избытка братьев, которые должны удовлетворить свой голод, или кого он сам пожелает.

Благоразумие в поступках

Во всех предстоящих делах надлежит принимать во внимание время, место, способ и возможность их исполнения, а также то, что действовать следует благоразумно.

О послушании, к которому братьям надлежит стремиться

Поскольку благодаря послушанию можем мы вернуться туда, откуда нас изгнали за непослушание, братьям надлежит жить в смирении и во всем преломлять свою волю. Своенравных же надлежит укрощать с помощью выговоров, порицаний и строгих наказаний, ибо, щадя строптивых, ослабевают и сам орден.

О том, что любовь озлащает все благие начинания

Утверждают, что Соломон покрыл позолотой храм и все, что было внутри него, и велел изготовить золотые щиты. Золото украшает, щиты оберегают. Если же недостает нашему Божьему дому золота любви, то и мы не защищены и не украшены, ибо любовь есть основа духовной жизни, она придает силы и утешает тех, кто в труде, и она есть плод и награда для верных. Без любви ни орден, ни труд не знают истинной святости, но лишь подобие святости. Любовь — это клад, с которым и бедняк, что имеет его, богат, и без которого богатый, что не имеет его, беден. И потому должны все братья с прилежанием стремиться не только не обременять друг друга, но проявлять по отношению друг к другу любовь, услужливость и покорность, дабы

возвыситься на небесах, ибо сказано в Евангелии: и да возвысится тот, кто унижен.

Когда проводится генеральный капитул

Каждый год 14 сентября надлежит проводить генеральный капитул. На него следует собирать комтуров из Армении и с Кипра и других, которых магистр намерен привлечь к совету. Если созывают генеральный капитул, то все должностные лица, которых назначают на генеральный капитул, должны предварительно сложить с себя свои обязанности. Братьям, обремененным меньшими поручениями, надлежит исполнить то же самое, обращаясь к магистру и братьям, которых он пожелает включить в капитул, или к тому, кто в тот момент является старшим. Ландкомтурам также надлежит раз в год собирать генеральный капитул, заставляя своих подчиненных отказаться от поручений на время капитула, таким образом, каждое должностное лицо дает письменный отчет в принятии и сдаче дома с деньгами и долгами.

БОРЬБА ЗА ПРУССИЮ

ГЕРМАН ФОН ЗАЛЬЦА

Брат Герман фон Зальца, четвертый великий магистр, много лет возглавлял орден. Умер он 20 марта 1239 года и погребен в Барлетте. Был он красноречив и приветлив, мудр, осмотрителен, заботлив и славен во всех своих деяниях. Будучи избранным, увидел он, сколь слаб его орден, и тогда же в присутствии нескольких братьев заявил, что с охотою готов отдать око, если за время его магистерства орден вырастет настолько, что сможет он десять братьев и не более держать при оружии. И что же сделал Ты, о добрый Иисусе, всегда готовый внять праведным желаниям молящих и не перестающий благосклонно рассматривать благие пожелания? Не обманулся ли магистр в своих надеждах? О нет. Напротив, Ты с избытком исполнил его сокровенное желание. Ибо орден действительно вырос за то время, что стоял он во главе, да так, что вскоре после его смерти 2000 братьев благороднейших кровей Германской империи насчитывалось в ордене. Даже благородный господин Конрад, ландграф Тюрингский, к чьей свите принадлежал и сам Герман фон Зальца еще при жизни своей в миру, принял в сопровождении многих из знати орденские одежды. Во времена брата Германа папа и император наделили орден немалыми привилегиями. Ценные дары достались ордену в его время в

Апулии, Романии, Армении, Германии и Венгрии, а именно Бурценланд в Семиградье, и, наконец, в Ливонии и Пруссии. Ибо благодаря ему так возвысился орден, как того не слышал еще мир, чтобы монашеский или рыцарский орден возвышался так на этом свете благодаря единственному лишь человеку. И нет в том ничего удивительного, ибо Бог одарил его такой милостью, что был он всеми любим, и поистине можно было сказать о нем, что снискал он любовь Божью и людскую. Имел он влияние на папу и императора, равно как и на иных князей и вельмож, и так умел он склонить к себе их сердца, что получал от них все, о чем бы ни попросил у них для славы и пользы ордена. Оттого же и случилось так, что, когда возникла скрытая причина для ссоры между папой Гонорием III и императором Фридрихом II и каждый из них поведал о своем деле брату Герману, тот отказался вынести решение, когда об этом узнал, и счел весьма неподобающим принять на себя решение дел господ всего мира, поскольку был низшей персоной и не состоял в высших сословиях. И чтобы вкусил брат Герман высших почестей, папа и император жаловали ему и преемникам его на должность магистра ордена Немецкого дома княжеский титул. Как знак этого княжеского достоинства папа вручил ему перстень, император же удостоил его знамя высшей государственной эмблемы империи (орла). И так не раз был он причиной их дружеского примирения.

ЗОЛОТАЯ БУЛЛА ФРИДРИХА II, МАРТ 1226 ГОДА

Во имя святой и неделимой Троицы — аминь. Фридрих II, милостью Божьей император римлян, славный во все времена, король Иерусалима и Сицилии. Для того и поставил Господь нашу империю

высоко над королями мира и простер границы нашей державы на разные стороны света, чтобы направить наши неустанные заботы на прославление Его имени в этом мире и на распространение веры среди язычников, равно же как и Священная Римская империя была создана Им для проповедования Евангелия, чтобы более стремились мы к покорению и обращению язычников; итак, благодаря оказанной нами милости, правоверные отныне берут на себя ежедневный труд по покорению варварских народов и обращению их в истинную веру и не пожалеют на то ни имени, ни живота своего. Посему, оглашая это послание, мы желаем оповестить всех нынешних и будущих подданных нашей империи, что преданный нам брат Герман, достойный уважения магистр святого дома госпиталя пресвятой Девы Марии в Иерусалиме, подробнее открыл нам свое проистекающее из сердца желание, сообщив, что наш подданный, герцог Мазовии и Куявии, посулил и предложил ему и братьям его так называемую Кульмскую землю, а также еще и другую землю между его границей и областью пруссов, а именно чтобы взяли они на себя труд проникнуть в прусские земли и завладеть ими во имя прославленного истинного Бога. Обещания же оного брат Герман пока не дал, попросив наше величество прежде одобрить его намерение, чтобы начать и продолжить такое предприятие уже подкрепленным нашими полномочиями и чтобы передача ему и его дому земли, которую желает подарить упомянутый герцог, как и всех земель, кои будут завоеваны ими в Пруссии благодаря собственным их усилиям, была заверена нашим величеством и, сверх того, чтобы все имунитеты, свободы и прочие уступки, достигаемые дарением герцога и завоеванием Пруссии, были закреплены в качестве привилегии: и тогда он примет предложенное дарение герцога и направит сред-

ства и людей дома на постоянную и неустанную работу по вступлению в страну и ее завоеванию.

Мы между тем принимаем во внимание несомненное глубокое благочестие магистра, с коим он, пламенно преданный Господу, стремится к завоеванию этих земель для своего дома, как и то, что земли эти подчинены империи; к тому же, мы доверяем благоразумию магистра, ибо он человек слова и дела, и начнет, исполненный сил, завоевание страны своими стараниями и стараниями своих братьев и мужественно поведет далее, и не отступится от начатого без причины, как многие другие, кто затратил немало сил на подобное предприятие, и в то время, когда, казалось, добивался успеха, допускал промах: посему магистр уполномочен нами, используя силы орденского дома и все средства, проникнуть в Пруссию, при этом ему, его преемникам и дому его предоставляются и удостоверяются в вечном владении упомянутые земли, полученные им от герцога согласно его обещанию, и прочие области, которые он им пожалует, как и все земли, какие с Божьей помощью завоюют они в Пруссии, по древнему и приличествующему праву империи распоряжаться горами, равнинами, реками, лесами и морем, надлежит их также освободить от всякой службы и налогов, и долгов, и перед кем бы то ни было обязательств.

Далее будет им позволено во всех землях, кои были или будут ими завоеваны, согласно привилегии дома, учредить дорожные сборы и пошлины, еженедельные ярмарки и иные рынки, чеканить монету, устанавливать налоги и прочие права, назначать земельные, речные и морские налоги как они то сочтут полезным, а также вечно владеть и распоряжаться добычей золота, серебра, железа и прочих металлов, а также соли, что были или будут найдены в их землях. Далее позволяем мы им выбирать судей и ректоров, кои будут справедливо управлять

подвластным им народом, как обращенными, так и теми, кто упорствует в своей суеверии, определять и карать преступников за их деяния, как того требует правосудие; кроме того, надлежит им слушать гражданские и уголовные дела и разрешать их по здравому разумению. И добавим далее из милости нашей, что магистр и преемники его имеют и исполняют власть судить и карать в своих землях, какая не дана ни одному имперскому князю в его землях, дабы устанавливали они добрые обычаи, издавали законы и статуты, благодаря коим и верующие укрепятся в вере своей, и все подданные вкусят истинного мира.

Вводя в действие сию привилегию, запрещаем мы, чтобы какой-либо князь, герцог, маркграф, граф, министриал, сельский староста, фогт или иной кто, будь то лицо звания высокого или низкого, духовное или мирское, предпринимал что-либо вопреки слову этого нашего установления; если же кто дерзнет, надлежит тому знать, что ждет его за то штраф в 100 фунтов золота, половина коего причитается нашему казначейству, другую же половину следует уплатить потерпевшему.

Дабы сие разрешение не было предано забвению и не прекратило своего действия, велели мы изготовить сию привилегию и закрепить золотой буллой с печатью нашего величества. (Свидетели, подписи.) Совершено в год от Рождества Христова тысяча двести двадцать шестой, в месяце марте, в четырнадцатую индикцию, в правление государя Фридриха, милостью Божьей наиславнейшего императора римлян, славного во все времена, короля Иерусалима и Сицилии, в шестой год его императорского правления, в первый год его царствования в королевстве Иерусалимском и в двадцать шестой год его царствования в королевстве Сицилии. Аминь. Дано в Римини в вышеуказанных году, месяце и индикции.

ПЕРВАЯ БИТВА ЗА КУЛЬМСКУЮ ЗЕМЛЮ

Брат Герман Балк, первый магистр Немецкого ордена в Пруссии, 12 лет занимал свой пост. Был он также первым магистром ордена в Ливонии; пробыв около 6 лет на своем посту и приведя обе страны в доброе состояние, и достигнув успехов в войне, утомленный трудами и возрастом, вернулся он в Германию и скончался, и был здесь погребен. Сколь славен был он во всех трудах своих, говорят сами его замечательные деяния.

Брат Герман Балк, магистр в Пруссии, всячески способствовал делу веры. Он переправился со своим войском через Вислу в Кульмскую землю и в 1231 году выстроил он на берегу по течению крепость Торн. В основании этой постройки был дуб; стены и наружные укрепления также призваны были служить для защиты. Вокруг насыпан был вал; в замок вел единственный вход. Первые семь братьев ордена, составлявшие гарнизон крепости, держали наготове корабли на случай нападения пруссов, чтобы можно было вернуться на другой берег Вислы, в орденский замок Нессау, если того потребует положение. Со временем братья построили возле крепости город, который позднее из-за постоянных наводнений, в то время как крепость осталась на своем месте, был перенесен туда, где замок и город Торн стоят и поныне.

СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕПОСТИ МАРИЕНВЕРДЕР, 1233 ГОД

Когда с Божьей помощью крепость была возведена, а Кульмская земля, до самых своих рубежей, очищена от злобы и скверны язычества, чтобы Господь, следуя за нами, благополучно достиг со-

седних языческих земель, магистр и братья приготовили все необходимое для строительства крепости и на корабле тайно приплыли на остров Квидин, что напротив нынешнего Мариенвердера¹, и в год от Рождества Христова 1232 воздвигли там на холме крепость, назвав ее Мариенвердер. Но когда благородный рыцарь из Саксонии бургграф Бурхард Магдебургский, воин опытный, в сопровождении других рыцарей и войска пришел в Кульм, то отправились они вместе с магистром и братьями в Мариенвердер и за тот год, что Бурхард провел здесь, перенесли крепость с острова Квидин туда, где она находится и поныне, в помезанскую область Рейзен, изменив лишь местоположение, но не имя.

БИТВА НА РЕКЕ ЗОРГЕ

Зимой, когда все было сильно сковано льдом, ландмагистр брат Герман Балк и прочие братья собрали крестоносцев, горевших желанием сломить мужество пруссов. Они вступили в область Рейзен, убили и захватили в плен множество людей и дошли до реки Зорге, где произошло то, чего они давно желали. Ибо здесь натолкнулись они на большое войско пруссов, которые собрались во всеоружии и уже готовы были к битве. Мужественно его атаковав, они повергли его в бегство. Однако герцог Померанский и брат его Самбор, более поднаторевшие в борьбе с пруссами, отрезали своими людьми пути окруженным, дабы никто из них не смог уйти, и затем в ярости своей уничтожали грешников. Там христианский меч молниеносно пожирал плоть неверных, а здесь копье не напрасно вонза-

¹ Ныне г. Квидзын (Польша). — *Прим. ред.*

лось в рану, так что ни там, ни тут не удалось пруссам уйти от своих преследователей. Так устроена была кровавая баня народу пруссов, ибо убито было в тот день более пяти тысяч. Крестоносцы же, преисполненные радости, все вернулись на свою родину и вознесли хвалу милости Спасителя.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ГЕНРИХА МЕЙСЕНСКОГО

В то время пришел в землю пруссов благородный, сиятельный и преданный Господу князь, маркграф Генрих Мейсенский, с пятьюстами вооруженными мужами и с большой роскошью. Сердцем и всеми делами своими стремился этот муж к уничтожению неверных и к расширению христианских границ.

Мудрец всегда поступает мудро и остерегается многих будущих опасностей. А потому господин маркграф, будучи человеком умным и прозорливым, повелел построить два боевых корабля, меньший из которых был назван «Пилигрим», а больший получил имя «Мирная земля». («Фридланд»). И имена свои они, пожалуй, оправдали, ибо доставили христианам Пруссии многие блага мира. С помощью этих кораблей были выстроены крепости Эльбинг и Бальга¹ и отражены нападения неверных на залив Фришес-Хафф², да так, что никто из них уже не смел появиться. Много лет спустя оба корабля затонули в озере Драузензе. Маркграф же, исполнив свой обет крестоносца, вернулся на родину, оставив многочисленных рыцарей в Пруссии строить крепость Эльбинг.

¹ Ныне поселок Веселое Багратионовского района Калининградской области. — *Прим. ред.*

² Ныне Калининградский залив. — *Прим. ред.*

ОТВАЖНЫЕ ЖЕНЫ ЭЛЬБИНГА

Святополк, герцог Померанский, зная, что братья ордена и мужчины Эльбинга в военном походе, собрал большое войско и перешел в наступление, чтобы захватить крепость и город. Увидев это, эльбингские жены сняли с себя женские свои украшения, облачившись в мужскую отвагу. Они опоясались мечами, поднялись на стены города и столь мужественно готовились стать на его защиту, что нигде не обнаружилась слабость их пола. Потому герцог подумал, что войско братьев и горожан уже вернулось, и в страхе отступил. Однако не следует думать, что такое происходило только там; и в других городах женщины мужественно оказывали сопротивление, случись опасность в отсутствие мужчин.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КРИСТБУРГА

После печального падения замка Кристбург братья и магистр поняли, что неукротенные вожди прусских племен покорятся вере, только если братья воздвигнут крепости прямо посреди этого подлого народа, чтобы из них держать его под постоянной угрозой. Потому созвали они снова множество крестоносцев, которые стеклись сюда на проповедь из всех частей Германии, и, снарядив все необходимое для строительства крепости, вступили в Помезанию. Они изменили лишь место, но не имя, и построили крепость Кристбург во славу Иисуса Христа там, где стоит она и по сей день, оснастив ее всем необходимым для крепостной охраны и оставив там значительные вооруженные силы. Позднее при крепости основали город¹, население которого во многом составили верующие, не жалевшие каждодневно ни живота, ни имени своего для защиты христианской веры.

¹ Ныне г. Джежгонь (Польша). — *Прим. ред.*

ПРУССКИЙ ПОХОД КОРОЛЯ ОТТОКАРА БОГЕМСКОГО, 1254 ГОД

Когда все прочие племена уже были обращены в единую веру, оставались еще самландцы, на покорение которых в 1254 году Господь послал короля Оттокара Богемского, мужа всемерно Господу преданного и в оружии искусного, далее маркграфа Оттона Бранденбургского, который был маршалом в этом походе, герцога Австрийского и маркграфа Моравского, епископа Гейденрейха Кульмского, епископа Ансельма Эрмландского и епископа Ольмюцкого, и с ними немалое число паломников и баронов, рыцарей и знатных господ из Саксонии, Тюрингии, Мейсена, Австрии, с Рейна и из иных мест Германии, горевших желанием отомстить за муки Господа на кресте. И так велико было это войско, что число воинов в нем превышало 60 тысяч; числа же возов и телег с аммуницией и продовольствием я не слыхал. Итак, к зиме это войско подошло к Эльбину, но сатана, враг рода человеческого, пожелал помешать делу веры, коему покровительствовал Господь; именно он послужил причиной того, что между одним мужем из Саксонии и другим из Австрии возник столь жестокий спор о том, кому из них первому молотить на мельнице, что не только рыцари и простой люд подняли оружие, но даже король и прочие князья. Однако епископ Ольмюцкий, Божий слуга и миротворец, устранил причину этой ссоры и восстановил прежний мир. И когда вновь воцарилось согласие, король повел свое войско к крепости Бальга, где, как наказывали ему братья, нашел он старика по имени Гедуне, отца Виссегауде Меденауского, из рода Кандеймов, который знаком был с отвагой воинов из Самланда. Когда показалась лишь незначительная часть немецкого войска, король спросил Гедуне, стоит ли идти с таким числом воинов, и тот ответил:

нет. Тем временем показалось вдвое большее войско, в виду которого он ответил так же. В-третьих, показалось втрое большее войско, которого ему все еще недостаточно было; наконец, показалась остальная часть войска в таком числе, что покрыла лед, как саранча покрывает землю. И когда король спросил, можно ли с таким войском добиться чего-нибудь в Самланде, тот ответил: «Этого хватит. Ступай, куда тебе нравится, и достигнешь всего, что желаешь». После того король передал ему свое знамя, чтобы тот укрепил его над имениями и местами проживания своего рода и чтобы, завидев этот королевский знак, никто уже не докучал ему. Гедуне же слишком долго не решался укрепить его, ибо не знал он, сколь решительны в бою немцы, и когда вернулся он в свое имение, то обнаружил, что дома его и его родственников сожжены, семья его и ее родственники и брат его Рингелус, и все, что были его крови, убиты.

И вот король со своим войском вступил в Самланд, в область Меденау, и когда сожжено было все, что могло гореть, и множество людей взято в плен или убито, он заночевал там. На следующий день он вошел в область Рудау и силой овладел там крепостью. Народ самландцев был перебит там настолько, что знать его предложила королю заложников, дабы соблаговолил он принять их на собственную милость и не уничтожил весь народ. После вошел он в области Кведенау, Вальдау, Каймен и Тапиау, и, дабы он среди их жителей не устроил такую же резню, как среди прочих, отдали они ему в заложники своих сыновей и под страхом смерти обязались безропотно соблюдать предписания веры и братьев. Когда же все было улажено, король передал заложников братьям и двинулся дальше, до той горы, на которой стоит теперь крепость Кенигсберг; там дал он братьям совет построить крепость для защиты веры и вручил им щед-

рые королевские дары на поддержку строительства. И, утомленный трудами своего крестового похода, король без особых потерь для своих людей вернулся в свое государство.

После отбытия господина короля Богемского магистр и братья приготовили все необходимое для строительства и, взяв с собой преданных пруссов, явились в 1255 году и построили на месте, ныне называемом «Старая крепость» («Альте Бург») крепость Кенигсберг, назвав ее из уважения к королю «Кенигсбург» («Королевская крепость»), пруссы же называют ее «Тувангсте», из-за леса, который здесь был. Брата Бурхарда Горнгаузенского оставили они в качестве комтура и при нем множество братьев и воинов. Крепость же эта позднее была перенесена на то место, где стоит она и поныне на той же горе, и окружена двойной стеной и девятью каменными башнями.

ВЕЛИКОЕ ВОССТАНИЕ ПРУССОВ, 1260—1283 ГОДЫ

Пруссов уже подозревали в подготовке нового восстания, когда фогт Натангенский и Эрмландский — звали которого Фольрад Вундерлих, что значит «чудаковатый», и имя свое он, вероятно, действительно заслужил, — сидел за трапезой в Ленценбурге с прусской знатью той области; через некоторое время кто-то потушил свет, насел на брата Фольрада и несомненно убил бы его, не будь тот вооружен. Когда снова зажегся свет, фогт показал свою разорванную одежду и спросил знатных, чего заслуживает такой убийца. Они ответили, что он заслуживает быть сожженным. И вот в другой раз брат Фольрад пригласил в замок еще больше пруссов, и когда те напились и начали шептаться

о его смерти, он вышел, запер ворота и велел сжечь дотла замок вместе со знатными.

В том же 1260 году пруссы, увидев, как слаб орден после битвы под Дурбеном, в Курляндии, и что мало братьев, воинов, лошадей, оружия и всего прочего, необходимого для ведения войны, приумножили зло новым злом и скорбь новой скорбью: 20 сентября снова отреклись они от веры и от верующих и впали в прежние заблуждения. Избрали они вождей и предводителей своего войска: самландцы — Гланде, натангенцы — Генриха Монте, эрмландцы — Глаппе, погезаны — Аутуме, а барты — Диване.

Эти вожди и военные предводители назначили определенный день, когда, взяв оружие, они все соберутся, чтобы убить и начисто извести приверженцев христианской веры. Так они и сделали: они подло убили всех христиан, которых застали в Пруссии вне укреплений, иных взяли они в плен, и оказались те в вечном услужении. Они жгли церкви, часовни и молитвенные дома Господа, кощунственно рассуждали о церковных таинствах, оскверняли священные одежды и сосуды и подло убивали священников и иных церковных служителей. Самландцы, схватив одного священника, брата Немецкого ордена, прибывшего окрестить их, зажали его шею между двух свай, пока он не задохнулся, и заявили, что такая мученическая смерть пристала святым мужам, кровь которых они пролить не могут.

ОБОРОНА КЕНИГСБЕРГА

Когда сыны нечистого увидели, что все им удастся, чего бы они ни пожелали, задумали и обговорили они мерзкое. Чтобы извести начисто народ Божий, собрались они и осадили крепости Кенигс-

берг, Кройцбург¹ и Бартенштейн². Вокруг каждой из них возвели они тройные окруженные валами укрепления, заполнив их опытными и готовыми к бою воинами, так что перекрыты были осажденным все выходы и входы. Сколько братья выдержали нападений, сколько пережили опасностей, голода и невыносимых лишений, никто как надобно рассказать не сможет. Ибо когда не оставалось у них уже ни овец, ни быков, ни свиней, ни коров, ни лошадей, принуждены были осажденные есть и кожу их, поскольку наивысшую нужду они претерпевали. Столь жестким было это непривычное для них блюдо, что некоторые братья и иные, когда его ели, лишились зубов.

Измученные своими многочисленными бедами, почти полностью истощенные, с ужасом в сердце возопили братья и христиане прусских земель громким плачем и стонали до тех пор, пока слезы у них не иссякли и никто уже не мог никого утешить, ибо боялись они, что Господь против них. Вот уже два года боролись они и все безуспешно, а удача тем временем была на стороне врагов веры. Потому смиренно и с разбитым сердцем возвели они к небу глаза, полные слез, и просили Господа о помощи, и он их услышал. Ибо послал он к ним графа Юлихского и графа Энгельберта Бранденбургского с большим воинством, которые вечером 21 января 1262 года прибыли под Кенигсберг. Они хотели в тот же день захватить укрепления самландцев, которыми окружен был замок Кенигсберг. Однако братья отговорили их, ибо лишь малая часть дня оставалась в их распоряжении для столь трудного предприятия. Когда настало утро и войско христиан вознамерилось выдвинуться для атаки на укрепле-

¹ Ныне территория поселков Славское, Садовое, Енино Багратионовского района Калининградской области. — *Прим. ред.*

² Ныне г. Бартошице (Польша). — *Прим. ред.*

ния, никого из самландцев там уже не было: они покинули укрепления и преградили крестоносцам путь. И граф Юлихский со своим войском отступил, ибо не знал, нет ли на пути засад. По совету братьев он послал лазутчиков, которым надлежало разведать на дороге опасные места. Один из них, по имени Штантеко, наткнулся на часовых самландцев и обнаружил засаду, получив тяжелое ранение мечом. Тут крестоносцы изготовились к битве, маркграф Бранденбургский атаковал конников, другие же ринулись на пеших воинов, и так, с Божьей помощью, побеждали они врагов: одного поражая мечом, иного обращая в бегство, иные же отступили к деревне Кальген, откуда их весьма непросто было изгнать. Пришлось звать на помощь всех братьев и их войско из Кенигсберга. Те смело атаковали самландцев и в результате длительного боя разбили их, и много было раненых и павших с обеих сторон.

Пруссы же не умерили своей злобы и только о том и помышляли, как бы им суметь разрушить крепость Кенигсберг. Когда они поняли, что не смогут захватить замок силой, построили они, как опытные и сметливые воины, множество кораблей, намереваясь с их помощью разгромить и уничтожить орденские корабли, доставлявшие братьям продовольствие, дабы из-за нехватки съестных припасов братья сами лишились всех сил. Однако комтур и братья, этим обеспокоенные, послали к ним некоего человека, который каждый раз тайно проделывал буравом дыру в днище вражеского судна и повторял это так часто, пока пруссы, обессилив от своих трудов и потеряв немало воинов пленными и погибшими, поневоле сами не отказались от нападения на корабли ордена, из которых они и так уже разбили многие.

На холме рядом с замком Кенигсберг братья основали вокруг приходской церкви святого Николая поселение, но, поскольку оно не было доста-

точно укреплено, самландцы внезапно напали на него, очень многих жителей захватили они в плен и убили, а само поселение сравняли в землей. Потому позднее оно было перенесено в долину между Прегелем¹ и крепостью, как раз там, где и по сей день находится старая часть Кенигсберга.

ОКОНЧАНИЕ ПРУССКИХ ЗАВОЕВАНИЙ, НАЧАЛО ЛИТОВСКИХ ВОЙН

Шел 1283 год. Минуло уже 53 года с тех пор, как братья начали войну с народом пруссов. Теперь все племена в прусских землях были покорены и не оставалось среди них ни одного, кто не склонил бы смиренно своей главы перед святой римской церковью. Тогда начали братья войну против соседствовавшего с пруссами могущественного, упрямого и воинственного народа, что живет в Литве, по ту сторону Мемеля.

МАРИЕНБУРГ СТАНОВИТСЯ РЕЗИДЕНЦИЕЙ ВЕЛИКОГО МАГИСТРА

В 1309 году в Пруссию прибыл Зигфрид фон Фейхтванген, 11-й великий магистр ордена и 18-й ландмейстер Пруссии, и перенес главную резиденцию ордена, которая со времен падения Аккона находилась в Венеции, в Пруссию, в Мариенбург.

¹ Ныне р. Преголя (Калининградская обл.). — *Прим. ред.*

НЕМЕЦКИЙ НАРОД НА НЕМЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ

ПОСЕЛЕНЦЫ И ВОИНЫ

На два отряда в эти дни
делились поровну они:
пока работник чинит плуг,
друг меч берет с собой и лук,
с утра до вечера, когда
засветит бледная звезда,
стоял у них дозор вокруг.
Встречать врага идет один,
другой — на пашне господин¹.

КУЛЬМСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО 28 ДЕКАБРЯ 1233 ГОДА

Ко всем верующим во Христа, кои лицезреют сию грамоту, обращаются брат Герман фон Зальца, магистр немецкого дома госпиталя пресвятой Девы Марии в Иерусалиме, и брат Герман Балк, прецептор того же дома в Славонии и Пруссии, и весь конвент сего дома: да пребудет с вами царствие небесное. Чем более и чем большие опасности претерпевают жители Кульмской земли, и особенно города наши Кульм и Торн, ради защиты христианства и для нашего благочестия, тем усерднее и действеннее желаем мы помогать им во всем, в

¹ Перевод А. Прокопьева.

чем по праву можем. Посему даруем мы этим городам навечно свободу, дабы бюргерам их выбирать каждый год в этих городах отдельных судей, которые дому нашему и городской общине желательны. Отныне и навсегда оставляем мы тем судьям треть судебных сборов, полученных от штрафов за тяжкие преступления, и всю сумму штрафов, наложенных за мелкие, так называемые каждодневные, проступки, а именно 12 пфеннигов и менее. Однако не следует судье без согласия на то наших братьев уменьшать сумму штрафа, наложенного за тяжкое преступление, как-то: убийство, кровопролитие и тому подобное. Мы также желаем, дабы никому то не передавалось и не продавалось, что нам в этих судах причитается.

Передали мы в общее пользование городу Кульму территорию в 300 фламандских гуф¹ на горе и под ней, в числе прочего луга, пастбища и сады, и реку Вислу, на одну милю вверх и на одну милю вниз от города, со всеми правами пользования, кроме островов и бобрового промысла, для общей выгоды горожан и паломников и в свободное вечное владение.

Но городу Торну выделили мы для общей выгоды горожан ту же реку на две мили вверх по течению от верхней части большого острова Лиске, что расположен выше Нессау, включая острова Лиске, Гурске, Фербске и два других, со всеми правами пользования, исключая бобровый промысел.

Мы, однако, постановляем, что отныне и навсегда в этих городах должны действовать все положения Магдебургского права, но таким образом, что виновный, который в Магдебурге должен платить 60 шиллингов штрафа, здесь будет оштрафован

¹ Гуфа — очень разнообразная в зависимости от места и времени использования земельная мера, подразделяемая на моргены. «Фламандская гуфа», возникшая в Бранденбурге на основе моргена, использовавшегося голландскими колонистами, составляла, по расчетам, 16,8 га. — *Прим. ред.*

только на 30 шиллингов кульмской монетой; в том же соотношении следует взимать и все прочие штрафы. Если же возникает какое-либо сомнение относительно суда или правовых положений, то надлежит спросить о соответствующей статье совет города Кульма, ибо желаем мы, чтобы этот город был столицей среди других городов, если таковые еще будут основаны в этой земле.

Мы предписываем также, что вблизи этих городов всегда должно быть свободное судоходство. Проявляя и далее заботу об обоих городах, выделяем мы городу Кульму 120 гуф земли, а городу Торну 100 гуф земли, с правом полного ее использования, за исключением епископской десятины, если эти гуфы начинают давать доходы, которые бюргеры могут использовать на ночной дозор и иные нужды своих городов.

Мы обещаем также, что не желаем покупать домов в этих городах. Если же кто-либо, движимый благочестием, пожелает подарить нашему дому свой дом или свою усадьбу, мы обязуемся не использовать их для каких-либо иных целей, кроме тех, для коих какой-либо бюргер определит свой дом, и должны в отношении этого дома соблюдаться те же права и обычаи, что в отношении других домов. Под эти условия не должны подводиться наши укрепления, которые мы уже имеем в городах.

Кульмский приход наделили мы 8 гуфами земли вблизи города и еще 80 там, где им отведена земля. Торнский приход наделили мы 4 гуфами земли вблизи города и еще 40 гуфами, место для коих еще предстоит определить. За нашим домом сохраняем мы право патроната над сими церквями, куда будем мы направлять достойных пастырей. Если же, однако, в прилежащих к этим городам деревнях необходимо будет создать новые приходы, а каждая из этих деревень владеет 80 гуфами или более, то обещаем мы с нашей стороны наделить каждый приход 4 гуфами; в вышеозначенных приходах будем

мы иметь право патроната и обязуемся также направлять в них достойных пастырей.

Мы также освобождаем этих горожан от всех несправедливых налогов, принудительных пошлин и иных неподобающих поборов, при этом милость нашу распространяем мы на все их имущества. Далее передали мы этим нашим горожанам имущества, которые имеют они от нашего дома в соответствии с фламандским правом наследования, так что они и наследники их, обоих полов, должны владеть этими имуществами со всеми доходами свободно и вечно, за исключением, впрочем, тех, на которые оставляем мы право за нашим домом по всей стране. На их же землях нашему дому принадлежат: все озера, бобры, соляные жилы, золотые и серебряные рудники и все металлы, кроме железа, таким образом, чтобы за нашедшим золото либо за тем, на чьей земле оно найдено, признавались бы при таких находках те же права, что и за упомянутыми лицами в землях герцога Силезского. Если же кто найдет серебро, то на него или на хозяина поля, где оно будет найдено, распространяется Фрейбергское право относительно подобных находок.

Если озеро, коего хватает на три улова, примыкает к полям одного из бюргеров этих городов, а владелец полей предпочел бы иметь озеро вместо пашни, то предоставляем мы это его выбору; если же озеро больше, то имеет он право ловить рыбу с помощью любого приспособления, кроме сети, называемой «неводом», и лишь для собственного стола.

Если также с полем бюргера соприкасается ручей, то дозволено владельцу сей пашни построить на нем мельницу; если же это река, годная для нескольких мельниц, то при строительстве оных наш дом несет третью часть первоначальных расходов и впоследствии получает третью часть доходов с построенных таким образом мельниц.

Мы желаем также, чтобы нашему дому доставалась правая лопатка с каждого убитого ими или их слугами животного, кроме кабанов, медведей и косуль. Все, что постановили мы в отношении озер, мельниц и дичи, распространяем мы только на тех горожан, что получили от нашего дома, как сказано выше, наследственное имущество.

Мы наделяем их также правом продавать полученные от нашего дома имения, но лишь тем, кого сочтут подходящими страна и наш дом, и таким образом, чтобы покупатели приняли это имущество из рук братьев и соблюдали те же права и обязательства по отношению к дому, которыми прежние были нам обязаны, но мы им затем также должны передать имения без отсрочки. Мы разрешаем также, чтобы, если один из бюргеров для какой-либо надобности захочет отделить свое имение или самое большее 10 гуф земли от прочих своих имений и продать особо, продолжал он нести ту же службу от остатка имуществ, и наш дом сохранял те же права, кои имел до тех пор в отношении всего его имения. Тот же, кто купил его имение или 10 гуф, должен будет служить нашему дому за это наследное имение, при латах и прочем легком вооружении и на подходящей для такого снаряжения лошади, как это подробнее описано ниже. Добавляем, что никто из получивших наследное имение от нашего дома не может покупать сверх этого иного родового имения.

Постановляем также, чтобы любой, кто купил у нашего дома 40 гуф или более, являлся по каждому зову наших братьев на битву с пруссами, иначе называемыми помезанцами, и против всех, кто нападет на его родину, при полном снаряжении и на закованном в броню коне, при подобающем оружии и имея при себе самое малое еще двух лошадей; тому же, кто имеет небольшое число гуфов, надлежит являться на поле при латах и прочем легком вооружении и на подходящей для такого снаряжения лошади. Если же, с Божьей помощью, поме-

занцев этих можно будет не опасаться более в Кульмской земле, тогда надлежит освободить всех бюргеров от всех походов, кроме, как сказано, ополчения против всякого врага.

Далее постановляем: каждому, кто получил от нашего дома наследное имение, надлежит платить с него нашим братьям один кельнский или 5 кульмских пфеннигов и 2 марки¹ воска, в знак повиновения и того, что эти имения получил он от нашего дома и подвластен нашей юрисдикции; мы же в ответ должны обещать ему наше покровительство и по мере сил защиту от тех, кто чинит в отношении него несправедливость. Упомянутую подать надлежит платить им каждый год в день святого Мартина или в течение последующих четырнадцати дней.

Однако мы желаем, чтобы с имений упомянутых бюргеров епископу диоцеза каждый год в счет десятины отдавалась пшеницы и мера ржи с каждого немецкого плуга по мере Леслау, которая по-немецки называется «шеффель» (четверик), и одну меру пшеницы с польского плуга, называемого «крюк», по той же мере. Если же этот епископ будет требовать с упомянутых людей еще десятину, наш дом обязуется за них поручиться.

Мы постановляем, наконец, чтобы по всей стране имела силу единая монета, и что пфенниг должен чеканиться из чистого и неподдельного серебра. Пфенниги должны также всегда иметь одну и ту же стоимость, так, чтобы 60 их имели вес в одну марку, и эту монету за целых 10 лет можно обновлять только один раз, и если она заменяется, пусть меняют 12 новых за 14 старых.

Всякий может свободно покупать то, что обычно продается на рынке. Далее мы постановляем, чтобы размер гуфы определялся согласно фламандскому

¹ Марка — мера веса. Кельнская марка равнялась 234 г., венская — 245 г. — *Прим. перев.*

обычаю. И освобождаем мы сим все наши земли от любых пошлин.

Дабы кто-либо из наших преемников не мог нарушить либо изменить сии распоряжения, обещания и договоренности, написали мы сию грамоту и приказали скрепить подвешиванием нашей печати (свидетели). Сие совершено в Кульме, в год от Рождества Христова 1233, 28 декабря.

**ГРАМОТА ОБ ОСНОВАНИИ ДЕРЕВНИ МОНТИГ,
1322 ГОД**

Во имя Господа — аминь. И люди, и вершащиеся дела исчезают со временем, так что приходят они из памяти. Между тем как все же удерживаются они письменным свидетельством. Поэтому извещаем мы, Лютер Брауншвейгский, брат Немецкого дома госпиталя пресвятой Девы Марии в Иерусалиме и комтур в Кристбурге, в настоящем письме всех, кто его видит или слышит чтение его, что мы с нашими дорогими и мудрыми братьями дали совет и милость почтенному мужу Тиле фон Герцогсвальду занять навсегда деревню Монтиг и, в соответствии с Кульмским правом, отдали в придачу 74 гуфы земли. Из них, согласно Кульмскому праву, вышеупомянутый деревенский староста Тиле и его наследники и их потомки должны получить в постоянное владение 7 гуф земли, не платя оброка, и третью часть судебных сборов. Вышеозначенному деревенскому старосте, его наследникам и их потомкам дозволяем мы также свободную рыбную ловлю малой сетью для собственного стола в реке Древенц, в коей они, однако, не могут строить запруды.

Деревенскому священнику для его прихода выделено нами также в постоянное владение в черте деревни 4 гуфы земли, не облагаемые оброком, во славу Господа и доброго господина святого мученика Лаврентия, в честь коего мы эту церковь и утвердили.

Далее, надлежит владельцам облагаемых оброком земельных наделов платить нашему дому с каждой гуфы ежегодно в день святого Мартина по 15 пфеннигов местной чеканки и две курицы. От этого оброка освобождаем мы поселян на 15 лет, посему на 16-й год, в день святого Мартина, надлежит им заплатить нашему дому первый оброк. Каждому владельцу земельного надела надлежит также ежегодно, в день святого Мартина, выплачивать своему священнику с каждой гуфы четверик ржи и четверик овса; деревенскому старосте и его потомкам надлежит давать то же с их наделов.

Далее, по истечении вышеупомянутых свободных для деревни лет, надлежит старосте и его потомкам ежегодно, в день святого Мартина, платить оброк в марку пфеннигов обычной местной чеканки за деревенский трактир.

В закрепление и вечное подтверждение всего вышеперечисленного на это настоящее письмо навесили мы нашу печать. (Свидетели.) Это письмо передано нашему дому в Кристбурге, в год от Рождества Христова 1322, в день святого Луки-евангелиста, 18 октября.

РАСЦВЕТ ОРДЕНА ПРИ ВИНРИХЕ ФОН КНИПРОДЕ (1351–1382 гг.)

Магистр Винрих был человек прекрасный душевно и телесно, умел сохранять самообладание, был преисполнен всяческой мудрости и готовности дать любой совет. В его время весьма много благородных и мудрых братьев украшали собой орден в Пруссии, так что был он поистине в расцвете мудрости и согласия, благопристойности и доблести, чести, богатства и благообразия братьев, так что не было в те времена ни одного конвента, где не нашлись бы один или двое братьев, которые не оказались бы полезны мудростью ордену и добросовестностью

великому магистру. И все, кто приезжал в страну, утверждали тогда, что нигде больше не видели они так много людей, столь украшенных и сединой, и мудростью, как в ордене Пруссии. Потому многие христиане — господа, рыцари и оруженосцы — жаждали увидеть орден и прибывали в Пруссию с войском и стояли с большими припасами в Кенигсберге, и многие ожидали целый год похода на врага. Эти гости слышали и видели на всех заседаниях ордена столь великую мудрость братьев, что нередко говорили они друг другу: «Если ты умен — перехитри господ Пруссии!»

ЛИТОВСКИЙ ПОХОД ГЕРЦОГА АЛЬБРЕХТА III АВСТРИЙСКОГО, 1377 ГОД

Продолжили свой путь, и горн их призывает в город Торн, что в Пруссии лежит поныне. Но не ослабив тут подпруг, они спешат в Мариенбург; где их магистр в дом зовет — зовется Винрих фон Книпрод, и благороднейшим слывет; перед князьями он своими манерами отличен, имя внушает славу и почет. Он получает от щедрот вина и всякой снеди кладь. Затем на Кенигсберг пошли, и щедрость Господа нашли в его творении: друзей всяк рыцарь одарил, как равный открыв сокровищницы дверь. Двор был обычаями славный, подарком перешеголять кого-то трудно там теперь, вплоть до самих уже князей. И вот уж герцог на весь мир дал ордену роскошный пир. Пред каждой трапезой трубят, и лишь потом они едят, не пропуская ничего, четыре вместо одного

приносят блюда и приправы,
все в золоте блестит на славу,
заморских яств и вин шампанских,
из рейнских лоз или романских,
в бокалах дорогих блестящих
что ни на есть из настоящих
металлов, и в камнях цветных;
чисты, ни пятнышка на них:
богатство неземное, клад.
Как древний им велит обряд,
магистр в Кенигсберге кстати
роскошный пир устроил знати,
никто такого не видал,
когда они вошли в сей зал,
Конрад фон Крен, ну и дела,
сел важно во главе стола,
пожалуй, по заслуге честь,
ведь подвигов его не счесть,
как рыцарю и подобает:
но часто кровь он проливает
вдали, и орден их засим
вдруг стал ему невыносим.
Затем в другой зовут поход,
в Литву, куда нужда зовет,
и рыцари из дальних далей
пришли помочь, когда позвали.
И маршал требует, понятно,
на три недели провианта
доставить для похода спешно
(никто не спорит с ним, конечно)
на лошадях и морем.
Забегали амтманы вскоре,
скупив в два раза больше снеди,
чем было нужно, и, к победе
стремясь, платили серебром
и золотом. В поход потом
отправились магистра в честь
австрийского и Той, не счесть
заслуг которой: Богоматерь
им расстелила путь как скатерть.
До Инстербурга¹ шло все ладно,
да реку перейти накладно;
хотя моста четыре было.
Вода глубокая бурлила —
и пикой не достанешь дна.
С той стороны всегда видна

¹ Ныне г. Черняховск в Калининградской области. — Прим. ред.

охрана — просто не напасть.
Решили, и большая часть
уже их к Мемелю летит,
где ширь — стрела не долетит.
Тогда нужны плоты и лодки.
Матросы на работу ходки,
готовы рыцарям помочь,
стараются и день и ночь.
Вот переправа началась
и длится по вечерний час.
И тыщи мужиков дорогу
мостят им в чаще понемногу.
Не остановит их овраг,
ни лес, ни речка и ни враг.
А в Венгрии всегда довольно
равнинных речек и болот.
Топь доставляла нам хлопот.
Шли напролом вперед, вперед,
то вверх, то вниз, то вновь назад:
скача, ползком, пригнувшись, задом,
деревья нам служили адом,
хватая за воротники,
стволы, как мертвые полки,
лежат — поваленные ели,
с трудом огромным одолели.
И видим: долу день спадает
и первая звезда блистает,
и, значит, нужен всем ночлег.
В покоях спать — себе дороже,
коням — трава, и чем не ложе.
Так и прошла под небом ночь.
Чуть свет — оттуда скачем прочь,
в страну язычников галопом,
с триумфом, с пышностью, всем скопом!
Рагнита стяг был виден всем,
Святого Йоргена — затем,
и Штирии высоко — зная,
затем штандарт Магистра с нами,
и флаги Австрии, четыре,
красивейшие в целом мире.
И мы наведались тогда
в страну Позора и Стыда,
на свадьбу — дорогие гости.
Пришли непрощено, и кости
нашли языческие в танце,
и шестьдесят их полегли,
потом деревню подожгли,
и пламя встало в облака.
Я бы на месте жениха
быть не хотел, скажу вам честно,

не удержать бы мне невесту.
Везде огонь, столбы из пыли.
И Герман тут же, граф фон Цилли,
извлек из ножен меч, и взял,
и в воздух высоко поднял,
и молвит герцогу Альбрехту:
«По мне, так рыцарь лучше кнехта!»
На меч сменив свой легкий лук,
свыше семи десятков слуг
в тот вечер рыцарями стали.
В страну же ту войска втекали,
скакали вдоль и поперек —
Бог христианам дал в залог
страну, богатую добром,
приобретенье — христианам,
одни лишения — поганым,
как вечно — на весах войны.
Мы счастьем отягощены!
Разбило лагерь войско в поле,
шатры, один другого боле
на солнце красочны гербами,
штангарт, и стяг, и флаг, и знамя,
чтоб без труда всем было можно
понять, откуда кто, и должность
при войске рыцарском, и проч.
Язычникам не спится в ночь:
бегут со всех сторон на наших,
и все в одну смешалось кашу,
Бьют, колют, режут что есть силы,
нас это очень огорчило,
и мы их яростно погнали,
с тех пор они не набегали.
С тем и пошли оттуда прямо,
через пески, болота, ямы,
и поспешили вновь на Мемель¹.

ИЗ ОРДЕНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: МАРИЕНБУРГСКАЯ КНИГА ГЛАВНОГО КАЗНАЧЕЯ

Год 1405. Доставить соколов: во-первых, 8 марок за доставку двух клеток с соколами трем австрийским герцогам; далее, 4 марки за доставку клетки с соколами королю Богемии; далее, одну клетку с

¹ Перевод А. Прокопьева.

соколами для графа Вюртембергского и маркграфа Мейсенского; далее, для герцога Саксонского и бургграфа Нюрнбергского; далее, клетку с соколами для нового короля Римского; далее, клетку с соколами для господ архиепископа Кельнского и графа Катценелленбогенского, одну для господ архиепископов Майнцкого и Трирского, одну для герцога Гельдернского и герцога Клевского, одну для герцога Голландского и комтура Кобленцкого; далее, 4 соколов для герцога Земовита в Плоцк, в Мазовии.

1406. Далее, 4 марки двум кнехтам за доставку соколов королю Англии, коими одарил короля наш великий магистр.

1400. Капеллану магистра: во-первых, 3 марки за карту мира на пергаменте.

1400. Далее, 3 четверти янтарных дел мастеру Иоганну за четки, изготовленные им для великого магистра.

1400. Далее, 2 марки резчику по янтарию Иоганну за 2 картины из янтара на алтарь в магистерской капелле.

1402. Мастеру Арнольду, капеллану великого магистра: далее, 2 марки 2 скота¹ на написание сборника песнопений в капелле и 11 скотов на изготовление оклада для той же книги; далее, 1 марку художнику Петеру за две украшенные виньетки буквы в той же книге.

1402. Художнику Петеру: далее, 11 марок, дабы изобразил великих магистров в магистерской трапезной.

1408. Далее, 18 марок золотых дел мастеру Вернеру за изготовление 13 малых и 2 больших серебряных ключей.

1400. Строительных дел мастеру Николаусу Фелленштейну вручено 1 августа 5 марок за год его работы и 8 марок 1 четверть 11 декабря; деньги принял он от нас лично.

¹ Скот равен 1/24 кульмской марки.

1404. Далее, 1 марка отдана шуту великого магистра Нюнекену.

1404. Далее, 3 марки минус 8 скотов за золотую кайму для собольей накидки, далее 1 марка за лисий мех для перчаток, далее, 1 марка на изготовление 11 русских шапок для нашего великого магистра.

1406. 20 марок 14 скотов за 10 фунтов конфет с изюмом, 10 фунтов конфет с кориандром и 10 фунтов анисовых конфет для заседания в Мариенбурге с участием архиепископа Рижского.

1408. Магистерский подвал: далее, 20 марок за 4 ластва¹ пива, включая все затраты на доставку из Эльбинга в Мариенбург; из них 2,5 ластва — для совещания в Кауэн (Ковно), остальное пошло в магистерский подвал; далее, 18 марок за 4 бочки райнфалья (вино из Истрии), купленные собственноручно гротскомтуром, в магистерский подвал; далее, 12 марок 8 скотов за 2 чана 13 штофов иноземного вина, купленного смотрителем магистерского подвала в Мариенбурге.

1408. Отлить пушки и свинцовые ядра: далее, 85,5 марок колокольному мастеру Генриху Дюмехену за 2 средних пушки, каждая весит 9,5 центнера², по 4,5 марки за центнер его собственной меди и угля, а прежде всего за его работу; далее, 4 скота минус 5 пфеннигов все за те же пушки и за 4 центнера олова; олово куплено здесь же, в Мариенбурге, и пошло на большую пушку. Далее, 1 марку за 6 центнеров свинцовых ядер, по 4 скота за центнер. Далее, 4,5 четверти камнетесу Гансу за обтеску камня для большой пушки. Далее, 3 четверти канатчику за изготовление узды для большой пушки.

¹ Ласт — единица объема, веса или штучная мера, сильно варьировавшая в зависимости от местности, периода и предмета измерения. — *Прим. ред.*

² Центнер (100 фунтов) — мера веса; в различных немецких городах не совпадала, более или менее приближаясь к 50 кг. — *Прим. ред.*

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГИБЕЛИ

БИТВА ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ, 15 ИЮЛЯ 1410 ГОДА

На Троицу был назначен день третейского суда между польским государством и орденом, который должен был проходить в Бреслау¹. В этот день послал господин король Богемский свой совет, дабы разрешить дело между Польшей и орденом миром. Поэтому великий магистр направил графа Иоганна фон Займа, комтура Торна, и посланника ордена в папской курии господина Петера, который был также особо направлен папой и кардиналами к польскому королю в качестве легата. Однако ни принять писем, ни направить своих послов в Бреслау тогда король не пожелал, а вместо этого сговорился с татарами, русскими, литовцами и жемайтами против христиан, с которыми он тяжко и свирепо расправился, ни с кем не считаясь.

Итак, польский король сговорился с нехристями и Витольдом, кои все прибыли к нему на подмогу через Мазовию, с герцогами Мазовецким и Польским и Валашским, с неописуемо большим войском, вышли они из Плоцка на Пруссию. Тем временем в Торне пребывали великий граф Венгерский и господин Штибор, специально посланные королем в Пруссию в качестве посредников в споре между

¹ Ныне г. Вроцлав (Польша). — *Прим. ред.*

орденом и пруссами. Однако ничего они не смогли в том добиться и удалились от короля ни с чем, ибо тот следовал своей злой и вредной воле, дабы погубить христиан. Скверного люда язычников и поляков было ему недостаточно, и он нанял за золото много людей из Богемии и Моравии и всякого рода рыцарей и оруженосцев, что вопреки чести и Господу выступили с язычниками против христиан, дабы погубить Пруссию.

Великий магистр, весь орден и все гостившие у братьев рыцари и оруженосцы были весьма затронуты такими постыдными деяниями и пороками. С единодушным мужеством и решимостью двинулись они навстречу королю из Лебау¹ в Танненберг, деревню в области Остероде, и 15 июля, прошагав к утру с большой поспешностью добрых три мили², неожиданно столкнулись с войском короля. Завидев противника, они выстроились и выстояли так в виду его около трех часов. Тем временем король выслал вперед язычников. Поляки к бою были совершенно не готовы: если бы братья сразу на месте атаковали короля, добыли бы они честь и славу. Но этого, к сожалению, не случилось; орденское войско хотело сражаться с ним по-рыцарски. Маршал послал королю с двумя герольдами два обнаженных меча, показывая тем самым, что ему надлежит не хорониться в лесу, а выйти в открытое поле, ибо они хотели с ним биться.

Тут войска язычников первыми вступили в бой и, с Божьей милостью, тотчас же были разбиты. Поляки пришли им на помощь, и началась великая битва. Магистр и его воины трижды прорывались сквозь вражьи ряды, и король уже отступал, и потому кое-кто запел: «Христос воскрес!» Но когда братья уже были изнурены боем, появились коро-

¹ Ныне г. Влацлав (Польша). — *Прим. ред.*

² Т. н. «большая немецкая миля» составляла более 7 км. — *Прим. ред.*

левские союзники и наемники и прижали их с одной стороны, а с другой стороны напирали язычники. Они их окружили и убили великого магистра, высших должностных лиц ордена и многих из братьев, ибо они ни о чем ином не помышляли, кроме как о братьях и их конях. Знамена магистра и ордена были ими низвергнуты. Несколько предателей, рыцари Кульмской земли со своими слугами, сбили кульмское знамя, и другие знаменосцы тоже обратились в бегство, хотя уцелели из них немногие. Татары, язычники и поляки убивали во время бегства беззащитных людей, так что король со своими остался победителем. Если бы не недооценили его и дело ордена велось бы иначе, оно могло бы обернуться ордену во благо. Ведь и магистр, как и польский король, участвовал в бою вместе со всем своим войском, но ордену эта битва принесла только большие потери, а королю и его войску — великое счастье и удачу.

Так было кончено дело, и лежали мертвыми великий магистр Ульрих фон Юнгинген и верховный маршал, гросскомтур и главный казначей, так что никого не осталось из высших должностных лиц ордена, кроме комтуров Эльбинга, Данцига и Балги. Иные все были убиты и лишь несколько комтуров, фогтов, попечителей округов и других братьев попали в плен; ведь все они были в сражении и все они спешили сюда верхом или пешком из разных земель, чтобы сражаться за любовь, добро и честь; а что полегло их бесчисленно, то Господу должно быть прискорбно.

ОСАДА МАРИЕНБУРГА, 1410 ГОД

Для особого призвания и милости сберег Господь наш достойного из господ, господина Генриха фон Плауэна, комтура Швеца, который не принимал участия в битве, ибо должен был со своими людьми

охранять земли Восточной Померании. Но и прибывший в Пруссию его двоюродный брат, тоже Генрих фон Плауэн, не участвовал в битве, ибо Господу было угодно, чтобы он прибыл слишком поздно. Был он мужественный и хороший воин, и знал много о войне, что также для страны было великим благом. Не делая остановок, добрались они до орденской резиденции в Мариенбурге и обнаружили, что никто ее не охраняет и нет здесь ни еды, ни оружия — ничего необходимого для того, чтобы вооружить и сохранить дом.

Те из высших должностных лиц ордена, что уцелели, велели Генриху фон Плауэну занять место великого магистра, ибо из всех, составлявших совет магистра, остался один лишь комтур Эльбинга Вернер фон Теттинген. Прочие же все пали в битве.

И то было плачевно, что некоторые из братьев ордена, будучи отчасти к тому принуждены, а отчасти и по доброй воле, сдавали королю крепости, вынося оттуда какое могли имущество и деньги. Часть братьев украдкой ушла из страны своей дорогой; другая часть подалась к князьям и господам в Германию и сетовала на великие беды и страдания, ниспосланные ордену.

И вот на десятый день после битвы польский король со всеми своими силами подошел к мариенбургской резиденции и осадил ее. Начни он штурм сразу после сражения, он, несомненно, взял бы ее. Однако Господь наш решил по другому, благоволив милостью своей сохранить благопристойный орден, иначе и вся страна была бы утрачена. В эти десять дней мариенбургский замок заполнило множество добрых рыцарей и кнехтов, что были наняты орденом и вернулись после битвы. Было среди них 400 данцигских матросов с топорами и секирами, которые были очень кстати, так что дом с примерно 4000 мужей, которые там оставались, пополнился. Король стоял под ним целых восемь недель и никак

не мог взять замок, впрочем, и предпринять настоящий штурм он не отваживался. Лишь пушками и камнеметами наносил он ущерб передовым укреплениям, башням и конюшням.

Так и стоял король перед Мариенбургом с великой силой, и чем дольше он стоял, тем меньшего достигал он. Бывшие же в доме милостью Божьей набрались сил, наносили большой урон польскому войску и подкарауливали многих людей короля и убивали их, так что он в битве не потерял столько людей, сколько при осаде крепости. Ибо те выскакивали из орденового дома и с силой врывались во вражеские ряды и наносили большой урон; особенно же отличались этим моряки: стоило большого труда вернуть их обратно в дом, когда они выбегали из замка. Так храбро и так мужественно исполняли эти бедные парни свою службу, что и прочим рыцарям и кнехтам также приходилось показывать, на что они способны. Потому и король, и его люди говорили: «Думали мы, что они у нас в осаде, а ведь это мы в осаде у них».

В крепость же приходили письма от венгерского короля, призывавшие сохранять мужество, он желал им снятия осады. Тем самым весьма укреплялись они духом в крепости, позволяли звучать тромбонам и свирелям, а перед крепостью ежедневно состязались в рыцарских ристалищах с язычниками и поляками. Тем временем в Кенигсберг прибыл и маршал Ливонии со множеством воинов. Это придало мужества нижним землям (тем, что севернее Эрмланд), и они тоже снарядили свои боевые отряды, так что объявился Витольд со своим войском и двинулся навстречу маршалу, желая снова с ним сразиться. Уже подошел он к реке Пассарге, когда епископ Гейльсбергский предостерег его от дальнейшего пути. Тогда вернулся он снова под Мариенбург и опять стал в осаду и после этого оставался при короле еще 14 дней, так и не дерзнув пройти

через нижние земли. Когда же покинул он польского короля, то принужден был снова идти старой дорогой через Мазовию, какой и пришел.

В Пруссии король раздал немало имений и деревень рыцарям и кнехтам, которые прежде сдавали и уступали ему замки и содействовали в овладении страной. Однако он отблагодарил их так, как они того заслуживали. Крупным городам же предоставил он особые свободы, которых прежде они не имели, и многие из них тем самым добровольно подчинились его приказу. И когда он возомнил себя властителем страны, но простоял восемь недель под Мариенбургом, тогда он оттуда и ушел.

БИТВА ПРИ КОНИЦЕ, 18 СЕНТЯБРЯ 1454 ГОДА

18 сентября герцог Людвиг Рудольф Заганский, господин Берндт фон Цинненберг и господин Ашпан и с ними около 5000 воинов подошли к городу Конницу, осажденному королем Казимиром Польским с такими большими силами, что на каждого немецкого воина приходилось человек по 6, а то и более поляков, как сообщил один пленный, богемский господин по имени Костка, который на день святого Михаила отправился в Мариенбург и побывал также у короля. От предводителей союза король слышал, что у немцев не осталось больше народа; ему и полякам говорили: «Король, немцы идут сюда, воинов у них мало, однако народ очень крепкий, обычно добрый и все как на подбор». Король отвечал им, что даже не стоит желать ему удачи, ибо и сражаться с ними он не намерен, а просто повелит затоптать их всех лошадьми. Вечером поляки тоже упражнялись в великом высокомерии; там, где сидели они друг подле друга, там они говорили:

«Сыграем в кости!» И спрашивали друг у друга, сколько кто из них желает поставить на кон германцев. Один ставил другому одного к шести, другой одного против десяти. И, услышав это, господин Костка, как сам он позже рассказывал в зале господина великого магистра, ответил полякам: «Вы теперь играете на них, что же, играйте, ибо вы их не знаете, а я знаю их хорошо. Их немного, однако они весьма бодры. Вот увидите, они будут стоять крепко и не побегут». На что поляки говорили ему, что он, наверное, просто труслив. Он же им в ответ: «Те, что замышляют против нас нечто, и в самом деле придут сюда. На поле брани я хочу стоять впереди, как подобает доброму воину, посмотрим, как будете стоять вы, поляки».

Немало еще похвалялись поляки в тот вечер. Однако всемогущий Господь и драгоценная мать его, пресвятая Дева Мария, взирали с глубоким милосердием на немцев, что во хвалу и к чести их пришли в землю пруссов, желая спасти орден Девы Марии; они придали им сил и мощи и благого мужества, дабы противостоять полякам. И подошли они к самому Коницу, и выстроились в полном боевом снаряжении, и нашли короля Польского тоже готовым сразиться.

И вот, завидев войско противника, поляки обернули дело в свою пользу, выстроившись на вершине холма, немцы же оказались на его склоне. Первая боевая линия польского войска состояла из 500 копий¹, как это признает и польский воевода господин Лукас, и прочие польские господа, у немцев же было не более 70 копий. Но Господь помог им таким образом, что с помощью данной Богом силы немцы мечами прорубили себе путь сквозь поляков и намеревались уже быстро снова перейти к оче-

¹ Одно копьё — 30 конных воинов. — *Прим. авт.*

редным ударам, и господин Ройс фон Плауэн, господин Фейт фон Шенберг, Георг фон Шлибен, Кунц Цедевиц и другие, что были осаждены в Конице, вышли из города на помощь немцам. Увидев это, поляки вскоре обратились в бегство, и многие при этом были взяты в плен и убиты.

БАРТОЛОМЕУС БЛУМЕ

(Наемники, которым великий магистр не смог заплатить золотом, потребовали взамен, помимо крепости и прочего, передать им еще город Мариенбург, который великий магистр освободил поэтому от принесенной им клятвы верности.)

Утром 24 июня 1456 года совет и вся городская община Мариенбурга собрались на церковном дворе, где присоединились к ним предводители и прочая верхушка наемников, чтобы договориться о клятве, которую они должны были принести последним. И бургомистр Бартоломеус Блуме ответил им от имени городского совета и всей городской общины: «Любезные господа, если, согласно вашему требованию, господин наш великий магистр освободил нас вчера от клятвы, то знаем мы и осознаем, что господин наш великий магистр вынужден был к тому, что должен был он освободить нас от клятвы, и Господь скорбит, что зашло дело столь далеко. Господин великий магистр волен освободить нас от клятвы, данной ему лично, но и тогда никому другому присягать мы не можем и не желаем, ибо известно и нам, и вам, любезные господа, что наши господа еще в стране. Потому не желаем мы приносить клятвы, как если бы мы знали, что наши господа все уже покинули страну, ибо Господь этого не допустил бы. Покуда мы знаем, что хотя бы кто-то самый незначительный из ордена остался в

стране, мы и желаем считать его нашим государем, и никому другому мы не присягнем. Однако случись так, избави Бог, что все они уйдут из страны и никого из них в стране не останется, тогда должны мы будем и не пожелаем по необходимости ничего иного, как принять сторону того, кто станет затем господином всей страны. На это кое-кто из предводителей заметил, что им придется это сделать, а потом уже они посмотрят, как с ними поступить. На это Бартоломеус Блуме ответил сразу за всех: «Мы на том стоим, и посему прежде умрем, чем сделаем это».

(Город Мариенбург остался верен ордену и не раз был осажден поляками и войсками Прусского союза.)

6 августа 1460 года часть мариебургских бюргеров, с ведома и согласия всей общины, однако без ведома и одобрения гауптмана в городе Мариенбурге господина Августина Трюссшлера и бургомистра его Бартоломеуса Блуме передала город Мариенбург их врагам, предводителям Прусского союза, и позволила впустить в город около двух сотен врагов. Те послали за господами Августином, гауптманом, и Бартоломеусом Блуме, бургомистром (оба были нездоровы), и повелели им сказать, что должны они придти к господам в ратушу. Те спросили, кто же эти господа; им ответили, что они это узнают; а были это господа из Данцига. Тут сказал господин Августин: «Помилуй Бог! Мы же всегда со всею преданностью любили вас, вы же предаете нас столь бесстыдно». И так пошли с ними в ратушу. Там Августина схватили и вместе с другими, кто был тогда от ордена в городе, бросили в темницу. Бартоломеуса Блуме они тоже схватили, и вскоре после того, 8 августа, их обоих четвертовали, двум же другим, что сбежали из тюрьмы в город, помилуй их Господи, отрубили головы.

ДОКЛАД ОРДЕНА ИМПЕРАТОРУ МАКСИМИЛИАНУ I И СОСЛОВИЯМ ИМПЕРИИ В 1512 ГОДУ

Во славу всемогущего Господа милостивый господин мой, досточтимый и высокородный князь (великой магистр ордена маркграф Альбрехт Бранденбургский), вступил в дворянский рыцарский немецкий орден, ища блаженства для души своей, с Вашего ведома и с милостивого позволения Вашего Императорского Величества, за что его княжеская милость покорнейше благодарит. Принял он после единодушного избрания княжеский по достоинству пост великого магистра, однако до сих пор в правление свое не посетил ни земель, ни людей своего ордена, вследствие мнимых недоимок и неподобающих обременений, кои некоторое время сохранялись между королевским достоинством и короной Польши, с одной стороны, и досточтимым и высокородным князем, господином Фридрихом, герцогом Саксонским, тогдашним великим магистром Немецкого ордена, недавно почившим предшественником моего господина, с другой. Смею коротко напомнить о следующем:

Непокорные подданные ордена, не имея на то каких-либо порядочных оснований, приняли сторону польской короны из-за третейского приговора императора (конец 1453), коему предшествовал допрос о недоимках, признавший правоту ордена. Этих подданных, позабывших о своей присяге и о своем обете великому магистру и ордену, как естественным наследным своим господам, принял король Казимир Польский, невзирая на договоры, которые связывали его тогда с орденом, и вступил с достоинственным орденом в страшную войну. Война эта длилась 14 лет и благодаря ей пришел орден к тлену и порче, когда его наемники, не имея на то порядочных оснований, продали королю Мариенбург, и дабы не покинуть Пруссию вовсе, орден

вынужден был принять договор с королем Казимиром в угодую ему и на его условиях.

Согласно этому договору (второй Торнский мирный договор от 19 октября 1466 года), орден вынужден был отказаться от лучшей части своих земель, а именно от города Мариенбурга, где находилась резиденция великого магистра, от трех городов — Данцига, Эльбинга и Торна, и, общим числом, от 70 замков и городов, больших и малых, и согласиться с тем ничтожнейшим местом, которое он пока еще занимает. Согласно тому же договору, великий магистр ордена является князем польской короны, и, кроме папы, лишь польского короля надлежит признавать ему своим государем. Далее орден в Пруссии обязуется всякий раз, как от великого магистра того потребуют, со всеми своими силами приходить на помощь короне для борьбы со всеми ее врагами без исключения. Более того, согласно договору половина братьев ордена теперь будут поляки, и с ними надлежит теперь братьям делить соответственно орденские должности, хотя папы и предки Вашего Императорского Величества, римские императоры, определили и утвердили устройство ордена лишь на основе немецкого дворянства высокого и низкого сословия. И чем бы впредь орден ни завладел, на себя то приняв, должно оно перейти к одной лишь польской короне.

В то время вынужден был великий магистр принять этот договор, хотя и не имел на то права, ибо ни папы, ни предки Вашего Императорского Величества, римские императоры, ни магистры Германии, Ливонии и итальянских владений ордена, ни сословия немецкой нации, на которых основан орден, до сих по не дали на то своего согласия, стало быть, договор этот ни к чему не обязывает, не имеет силы и ничтожен.

Посему предшественник моего милостивого господина, как князь, послушный воле Вашего Импе-

раторского Величества и верный Священной Римской империи, дружески просил польский королевский дом самостоятельно рассмотреть, как он мог бы умерить тягостные статьи договора. Ныне покойные достопочтимой памяти короли Альбрехт и Александр оставили это все без внимания, но, напротив, твердо стояли на том, чтобы заключенный договор полностью соблюдался и ничто в нем не было изменено, и чтобы другими князьями не выносилось об этом третейского приговора. По их стопам пошел и нынешний король.

И вот когда милостивый мой господин принял на себя орден и должность великого магистра и из своего дружественного расположения к ныне царствующему в Польше Его королевскому величеству, а также из соображений родства, почтительно сообщил ему об этом через своего посланника, последовал ответ: если мой милостивый господин будет выполнять по отношению к королю то, что надлежит ему, то король, вероятно, предоставит ему пост великого магистра и будет рад услышать, что тот его занял; если же он не будет этого выполнять и не пожелает принести присягу, подобно своему предшественнику, то надлежит ему знать, что в лице короля будет он иметь не друга, но врага, который со всей серьезностью намерен принудить его к этому военными мерами.

Из всего этого Ваше Императорское Величество, все Ваши княжеские милости и прочие милостивые и благорасположенные господа могли бы заключить, что ничего иного не обнаруживается, как только то, что противно основанию и устоям почтенного ордена, орден же обращен единственно ко всему дворянству немецкой нации высшего и низшего сословия. Вследствие еще и того, что давно уже польская корона всеми силами добивается того и над тем трудится, чтобы вытеснить, уничтожить и совершенно искоренить немцев в Пруссии, а затем

таким же образом вытеснить их из Ливонии; хотя, как известно, земли эти Священная Римская империя благодаря ордену за долгие годы, с большими потерями в людях и добре и с пролитием крови привела к нашей вере и нашему немецкому языку, так что в некоторых хрониках именуются они «Новая Германия». Простираются они на сотни миль в длину и ширину. Замки и города были основательно укреплены и обнесены внушительными, крепкими стенами, все находилось в полном порядке, так что достойно содержали себя в ордене две тысячи дворян высшего и низшего сословия.

Поскольку милостивый мой господин ясно осознает подобные намерения польской короны благодаря прошлым делам своего предшественника и благодаря тому, с чем он сам столкнулся, то, если хочет он сохранить родину и законность, унаследованную властью Вашего Императорского Величества, Священной Римской империи и всего дворянства немецкой нации (что признает он вместе со своим орденом своей прирожденной обязанностью), вынужден он ежедневно ожидать вооруженного нападения польского короля, которое он никак не может отразить силами одного лишь своего ордена.

Посему его княжеская милость покорнейше и почтительнейше просит Ваше Императорское Величество, чья доблесть превосходно известна и знаменита во всех державах, не подавлять и не уничтожать орден, но явиться в милости и вместе с сословиями дать моему милостивому господину возможность получить благосклонный, дружественный и утешительный совет и помощь.

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Свидетельства и повествования — отчасти с сокращениями — взяты из следующих источников:

Повествования о событиях заимствованы из хроники Петера Дусбургского, сообщение «De primordiis Ordinis Theutonici», хроники Иоганна Пофилгского, Старшей гохмейстерской хроники, сообщений о союзе, опубликованных в «Scriptores regum Prussicarum», тома 1–4. Оттуда же, из т. 2 — стихи (Николаус фон Ерошин и Петер Зухенвирт). Грамоты — в «Preußisches Urkundenbuch», Bd. 1, № 56 и 105, Bd. 2, № 388. Законы ордена: Die Statuten des Deutschen Ordens, hrsg. von M. Perlbach (1890); за основу были взяты немецкие тексты, поскольку с ними были знакомы орденские рыцари. Доклад 1512 г. помещен в: E. Joachim, Die Politik des letzten Hochmeisters in Preussen Albrecht von Brandenburg (1892), Bd. 1.

КНИГА II

ГОСУДАРСТВО
НЕМЕЦКОГО
ОРДЕНА.
ПОРТРЕТЫ
ВЕЛИКИХ
МАГИСТРОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Образы истории лишь тогда наполняются истинным смыслом, когда они становятся примером для подражания. Таким примером, символом, преисполненным непреходящего содержания, является для нас сегодня создание Немецкого ордена и его прусского государства. В истории ничто не повторяется, ничего из нее нельзя скопировать. Но то, что вот-вот обретет форму в наше время, глубоко сродни прежнему Ордену немцев по сути своей и назначению. Солдат и государственный деятель нынче снова едины. Снова из единения людей рождаются государство и народ. Снова господствует идея ордена, когда речь идет о том, чтобы дать германскому государству путем строжайшего отбора и глубочайшего сплочения правление его ведущего слоя, и чтобы он, связанный кровью и общим делом, поднялся в своей верности фюреру и народу до уровня аристократии глубочайшего служения и действительности, пополняясь грядущими поколениями и став в будущем гарантом жизни и величия народа на все времена. Таково политическое требование нашего времени, и ему отвечает лишь один исторический символ — Немецкий орден: офицерский корпус, служащий прусскому государству, руководящий политический слой, общность людей, объединенных одной идеей. С тех пор, как перестало

существовать орденское государство, ни одному поколению не был он так близок, как нашему. Наше время более других нуждается в осмыслении этого исторического явления. Вот почему так нужна эта история — история орденского государства и его великих магистров.

О СУЩНОСТИ ОРДЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Среди великих явлений немецкого средневековья особенное место занимает Немецкий орден и созданное им в Пруссии государство. Дело не только в том, что орден является одним из наиболее мощных проводников успешной немецкой политики периода упадка германской империи, что он принадлежит к тем силам, которые заложили отношения между немецким народом и востоком и своим усердным трудом обеспечили им будущее: в дополнение к этим историческим победам Немецкий орден — это единственный орден, построивший на основе немецкой общины собственное государство. Германская история не знала другого подобного братства, которое подчинялось бы столь суровым законам, образуя прочную структуру, которое следовало бы лишь своему обету, в ущерб иным союзам, и сохраняло бы верность единственной идее — основания и созидания государства. Объединение немецких дворян в общину мужей, их служение идее, сочетавшей в себе долг перед Богом и строительство государства, политическая воля, целиком направленная на достижение неизменной цели, — вот из чего складывался орден, способный формировать политическую волю немецкого народа и потому вошедший в историю. Все сословно-либеральные поколения в истории Германии пренебрегали этим

инструментом формирования политической воли своих сограждан, однако он активно использовался, когда необходимо было мобилизовать народ для дальнейшего созидания немецкого государства.

Служа вечной идее, Немецкий орден с большим размахом решал задачу своего времени. Появившись в наднациональном пространстве, орден по-настоящему развернулся именно в ареале жизни немецкого народа. И государство, которое он создал, было истинно германским, хотя сам орден был порожден общеевропейскими задачами.

Мир, в который пришел Немецкий орден, был миром крестовых походов. К XI веку христианской Европой владела идея, давно уже, впрочем, назревшая, — отвоевать у неверных сарацин гроб Господень и освободить Святую землю, в которой жил и страдал Господь. Первые отряды крестоносцев, увлеченных проповедью папы Урбана II, отправились сражаться за Святую землю из Франции в 1096 году. А идея продолжала привлекать на свою сторону все новые народы. Таковы были европейские христиане: они видели в этой битве свою общую и всех их объединяющую задачу. Смерть десятков тысяч крестоносцев, нужда, которую они терпели, не пугала сотни тысяч других, идущих по их стопам к той же цели. Никогда ничто не будоражило так умы людей, как эта идея, захватившая Европу от самых западных ее рубежей. Преданность этой идее, готовность пожертвовать собой ради христианской веры и земли, ее породившей, — вот что властвовало тогда европейцами, преисполняя души простых смертных и сердца правителей. Началось неслыханное движение народов, которое потянуло за собой массы, даже сорвав их с насиженных мест, на кораблях через Средиземное море или посуху — через Балканы и Малую Азию. Впервые Иерусалим был завоеван и освобожден от неверных в 1099 году, в следующие десятилетия надо было

оборонять завоеванные территории и противостоять нескончаемым угрозам со стороны сарацин. И еще десятки тысяч воинов включились в крестовые походы.

Движение это объединяло многие нации, однако во главе его стоял один народ, а точнее одна страна — Франция, именно во Франции первый призыв папы нашел столь горячий отклик. Дух тогдашней Франции определил общий характер и будущих крестовых походов, ибо их политические цели отвечали прежде всего интересам Франции. Государства крестоносцев, возникшие в Сирии, были по сути своей французскими колониями, поскольку итальянские торговые города — Генуя, Пиза и Венеция — не создали там надежных колониальных форпостов для своих экономических интересов. И хотя крестовые походы, по сути, были лишены национального духа и национальной завоевательной идеи, однако изначально тон им задавали романские народы, прежде всего французы. Средиземноморье было завоевано и заполнено только ими.

Французская культура, таким образом, проявляется и в том, что рыцари увязывали свой образ жизни и свои задачи с религиозными идеями и задачами крестовых походов: чисто мирские цели соединялись с религиозными установками, составлявшими сущность крестовых походов. Однако такой «симбиоз» был неизбежен с тех пор, как рыцарство начало с оружием в руках бороться за один из священных символов веры — гроб Господень, жертвуя ради этой борьбы решительно всем. В духовных рыцарских орденах этот сплав рыцарского образа жизни и жертвенности фанатичных христиан наиболее очевиден. Это были, по сути, монашеские ордена: они придерживались тех же правил, соблюдали обет целомудрия, послушания и бедности. Но при этом члены таких орденов хранили верность и своему рыцарскому предназна-

чению — войне, хотя и не могли уже праздно размахивать своим оружием, например, просто охотиться, красоваться на турнире или улаживать мирские междоусобицы.

Первые ордена такого рода были основаны иоаннитами и тамплиерами. В 1128 году у тамплиеров появились правила, определившие их образ жизни и порядок несения службы. Эти правила опирались на правила святого Бенедикта, сформулированные Бернаром Клервоским, пылким вдохновителем идеи крестовых походов, и устанавливали монашеские и рыцарские обязанности братьев с учетом практического опыта пребывания в Святой земле первых крестоносцев. В трактате «Похвала новому рыцарству» Бернар так охарактеризовал сущность ордена: «Сие, скажу я вам, есть воинство, донныне миру неведомое, что неустанно ведет двойную битву во имя Божие: с врагом во плоти и крови и с духом скверны...» «Двойная битва», о которой говорил Бернар, определяет всю историю средневекового рыцарства и первоначальную природу будущего государства Немецкого ордена. Ведь, с одной стороны, ордену надлежало вести войну с оружием в руках, как подобает рыцарству, и одновременно осуществлять строительство государства, а с другой — служить вере, ибо военные и стратегические задачи сами по себе не имели смысла, а были подчинены религиозной идее.

В отличие от тамплиеров, видевших свою изначальную миссию в военной защите паломников, орден иоаннитов возник на основе госпиталя. Первейшим долгом иоаннитов была любовь к ближнему, преисполненная жертвенности забота о больных и немощных, которые собственным здоровьем поплатились за свое пребывание в Святой земле. Служение ближнему с оружием в руках, как подобает рыцарям, добавилось к прочим обязанностям братьев позднее (и даже возобладало над ними). Однако

за рыцарскими обязанностями орден никогда не забывал о высочайшем «долге любви», и именно благодаря этому достиг своей европейской значимости и завидного благосостояния. Те же задачи первоначально ставил перед собой и Немецкий рыцарский орден: забота о больных и христианское служение в сочетании с монашеской жизнью и военной службой.

Германские народы, в том числе и немцы, вначале оказались в стороне от крестового движения (хотя среди участников первого крестового похода были фламандцы и паломники из Восточной Германии), поэтому и в создании двух крупнейших орденов немцы не участвовали. Но, в конце концов, Конрад III поддался «агитации» Бернара Клервоского, и в 1146–1147 годах немецкий народ тоже включился в крестовое движение. Однако по-настоящему ощутить тяготы этой наднациональной боевой миссии немецкому народу пришлось лишь тогда, когда во главе крестоносцев встал германский император Фридрих Барбаросса. Старый император скончался в 1190 году в результате поистине трагического несчастного случая вдали от родины, так и не решив многочисленных внутренних задач своей страны. Осиротевшее германское воинство, лишенное героического предводителя, продолжило путь в Иерусалим, которым еще в 1187 году снова завладели неверные.

Здесь, уже начиная с первой половины XII века, существовал госпиталь для германских паломников, но когда Иерусалим пал, крестоносцы лишились и госпиталя. Болезни одолевали обезглавленное германское войско в акконском лагере, и в 1190 году горожане из Нижней Саксонии — из Бремена и Любека — основали в Святой земле госпиталь, посвятив себя благому делу — уходу за больными. Сын императора, герцог Фридрих Швабский, возглавивший после смерти отца германское войско,

таявшее буквально на глазах, покровительствовал новому начинанию. Одобрил его и папа Климент III, взяв под свою защиту.

Через семь лет снова пробил печальный час для истории Германской империи, возвестивший о внезапной смерти императора Генриха VI, и уже новое императорское войско вынуждено было возвращаться на родину; тогда германские князья, собравшиеся в Акконе, решили преобразовать основанный в 1190 году госпиталь в духовный рыцарский орден (1198 год). Его первым магистром стал Генрих Вальпот. Таким образом, Немецкий орден повторил путь ордена иоаннитов; сохранились в ордене и правила иоаннитов, касавшиеся заботы о больных. А для нового круга задач — рыцарской борьбы — орден позаимствовал правила тамплиеров. Год спустя папа Иннокентий III подтвердил братьям Немецкого дома «учреждение ордена по образцу тамплиеров в части, касающейся духовных лиц и рыцарей, и по примеру иоаннитов в отношении заботы о больных и страждущих». Созданный по образу и подобию своих старших собратьев и ничуть не менее значимый, чем они, Немецкий орден, однако, уступал им численностью и силой.

Те же, в свою очередь, находились под непосредственным влиянием французов, и именно тамплиерам вскоре удалось установить связи с французской знатью. Однако по сути своей эти ордена не были национальными: члены их были выходцами из всех стран Западной Европы. Их богатства накапливались главным образом в самой Святой земле, однако орденские владения были разбросаны по всей Европе, и повсюду князья, рыцари и все, кто мог что-нибудь предложить, состязались в передаче ордену имущества или привилегий, которые надлежало пустить в дело в случае войны с сарацинами. Другое дело Немецкий орден. Конечно, он во многом следовал примеру старших орденов.

И ему досталось немалое имущество по всему Средиземноморью, и он принимал в свои ряды французских рыцарей, особенно в ранний период своей истории, а позднее — еще и потомков древних прусских родов. И все-таки он отличался от других орденов тем, что строился на национальной основе; это впоследствии и определило его сущность и место в истории.

Сама история создания ордена внесла эти «ограничения». Ведь крестовыми походами правил не только дух европейского и христианского единства, и далеко не во всех государствах, пославших на Восток своих крестоносцев, соседствовали между собой разные народности и расы. Теперь же столь тесное соседство представителей отдельных стран заставляло их острее чувствовать национальные различия, которые вскоре стали восприниматься как противоречия. И хотя летописец времен первого крестового похода сообщал, что «даже говоря на разных языках, были мы все братьями в любви к Господу и частицами единой души», различия между выходцами из разных стран ощущались все острее, в том числе духовные и культурные, чего не могли не заметить французы и немцы. Территориально представителей разных народов разделяли улицы и стены домов, в которых они располагались на постоя, а юридически — уставы. У них были собственные церкви и собственные госпитали. И Немецкий госпиталь не был исключением, даже наоборот, его национальное происхождение очевидно уже из названия — «Немецкий госпиталь пресвятой Девы Марии в Иерусалиме», как, впрочем, и происхождение аналогичных учреждений генуэзцев, французов и представителей других стран. Название госпиталя перешло и к ордену; так братья из дома немецкого госпиталя пресвятой Девы Марии в Иерусалиме сохранили название своего народа в имени

ордена, который в свое время назывался просто «Орден немцев».

Чисто формальное, на первый взгляд, изменение названия имело, тем не менее, глубокий смысл в силу конкретных обстоятельств, сопутствовавших появлению ордена. Он появился на чужбине, в тяжкую пору, когда немцы потеряли двух императоров, и с самого начала жил судьбами своего народа, которые тогда имели мало общего с международным сообществом крестоносцев. Сознательно или нет, но Немецкий орден выбрал иной путь, нежели два его старших собрата: благодаря своему немецкому названию он зашагал в ногу с историей собственного народа. Тамплиеры, или храмовники, получили свое название в честь храма царя Соломона, иоанниты — в честь Иоанна Крестителя, таким образом, в названиях обоих орденов присутствуют христианские символы; для братьев нового ордена этим символом стало имя Девы Марии, которую они особенно чтили. Но, кроме того, это был единственный орден, увековечивший в своем названии имя немецкого народа, породившего его основателей и братьев. Участие герцога Фридриха Швабского обеспечило новому ордену благосклонность и помощь дома Гогенштауфенов. Уже в самый час своего рождения орден был глубоко связан с судьбой Германской империи. Несмотря на обязательства перед папой (которые были у всех духовных орденов), Немецкий орден до самого конца хранил верность дому Гогенштауфенов, а позднее — и другим германским королям. Он служил вере и идеалам монашеской жизни вообще, но служил как германский орден, не утрачивая фактической связи со своим народом и империей. Давая обет при вступлении в орден, братья порывали иные связи с миром, лишаясь семьи, родины и имущества, однако имя ордена и его историческая миссия глубже и теснее связывали их с германским народом

и его империей, для которой им предстояло вскоре завоевать новые восточные земли. Так, благодаря первому превращению братства — из немецкого госпиталя в немецкий рыцарский орден — и начал складываться характер нового орденского государства. Где бы ни собирался теперь орден реализовать свою политическую волю, его государству, в отличие от государств крестоносцев, необходим был национальный характер как руководящее и созидающее начало. Подтверждение тому и Семиградье, и Пруссия.

Однако чтобы понять, как отношения между орденом и его государством выглядели изнутри, необходимо задуматься о структуре братства. Жизнь братьев протекала согласно правилам, перенятым у тамплиеров. Вскоре, очевидно, братья скорректировали эти правила, сообразуясь с собственным опытом, а с началом прусских завоеваний правила уже нуждались в новой систематизации. И все же по смыслу, а зачастую и по своим формулировкам, они повсеместно тяготеют к «оригиналу». Правила тамплиеров, в свою очередь, представляли собой развернутую формулировку старых правил святого Бенедикта, на которых основывалась вся монашеская жизнь Западной Европы. Собственно, весь образ жизни немецких братьев определялся положениями романского образца. Три монашеских обета — чистоты, бедности и послушания — заставляли братьев отказаться от любых связей родства и плоти. Семья и родина более ничего для них не значили. Они были готовы выполнять любую задачу, поставленную орденом, а вся их жизнь была сплошной службой, которая не предполагала отставки. Именно эта готовность к служению и сделала возможными дальнейшие победы рыцарского ордена; без нее не было бы и орденского государства в Пруссии.

Как глубока была пропасть, что отделяла братьев от внешнего мира, но как тесны были внутренние

связи! Радость и величие братства царили среди рыцарей, делая их жизнь богаче. Ибо жизнь эта состояла не только из внешних проявлений — ухода за больными и военной службы во исполнение христианского долга, основной в ордене была духовная жизнь, основанная на силе христианской веры. Подтверждением тому служит глава из правил ордена, озаглавленная: «Как братьям надлежит жить в братской любви». Она гласит: «Всем братьям надлежит относиться друг к другу так, чтобы добросердечие и лад, свойственные имени «брат», не обратились в жестокосердие, но должны они к тому прилагать усилия, чтобы жить согласно братской любви и благосклонно являть друг другу дух кротости, и чтобы по праву можно было сказать о них: как хороша и как радостна жизнь братьев в согласии». И при этом, по природе своей, это было суровое мужское братство. Права, определявшие уклад жизни, были у всех одни и те же (насколько позволяли те или иные должностные обязанности). И пища у всех братьев была одинаковой.

Понятие братского христианского служения приобретало особый смысл, как только оно переносилось на отношения между руководителями и подчиненными. Первые занимали определенные должности, а потому на них лежала высокая ответственность и гораздо больше обязанностей. Великий магистр «стоит над всеми прочими и должен подавать пример добрых дел всем братьям». Братья же, обремененные должностями, большими или малыми, «должны стараться быть добросердечными и скромными, давая другим братьям то, что им причитается, или отказывая в этом». Если сравнить правила тамплиеров и Немецкого ордена, то станет очевидно, что в Немецком ордене понятие «должностные лица» трактуется гораздо шире. Помимо христианского долга и монашеского служения в общепринятом смысле слова, это понятие по-

лучило вполне конкретное содержание, непосредственно приложимое к иерархии и административной структуре ордена. В главе «О скромности лиц, исполняющих должности» о них говорится, что «и самих себя им надлежит считать более слугами других, нежели их господами». Это звучит уже совершенно «по-прусски». Собственно, эта глава действительно имеет самое прямое отношение к прусскому государству: перед нами взлелеянный христианской, бенедиктинской традицией зародыш понимания службы и служения, перенесенный Немецким орденом прямо в государственную плоскость. Именно с таким пониманием службы орден строил свое прусское государство и создавал образец государственного поведения, которое в контексте истории точнее всего может быть охарактеризовано как «прусское».

В центре понятия службы, формулируемого орденом, стоит послушание. Оно является одной из трех составляющих монашеского обета, даваемого братьями-рыцарями. Глава «О послушании, к которому братьям надлежит стремиться» утверждала, что «братьям надлежит жить в смирении и во всем преломлять свою волю». В руке магистра были розга и жезл: жезл — чтобы поддерживать слабых, розга же затем, чтобы «карал он за всякое непослушание с усердием справедливости». *Modestia et disciplina* — скромность и послушание, как гласит закон ордена, должны исповедовать должностные лица. Однако в «послушании» этом не было ничего немецкого, а, скорее, что-то бенедиктинское или даже римское, это была «дисциплина». Здесь за норму был принят такой образец поведения, который мало общего имел с немецким пониманием верности и повиновения, а был порожден христианскими, а точнее, римскими, жизненными реалиями.

Лишенные каких бы то ни было связей с «миром», объединенные между собой чувством христианского братства и суровым послушанием, выполняли братья свою собственную задачу — с оружием в руках боролись за христианскую веру. Каждому, кто намеревался дать обет, вменялось в обязанность «защищать от врагов Святую землю и другие земли, подчиненные ордену». Наиболее ярко сущность ордена проявляется в преамбуле, предваряющей правила ордена. Братьев же она рисует наследниками благородных библейских воинов. «Наследуя традиции этой борьбы, Святой рыцарский орден госпиталя пресвятой Девы Марии немецкого дома немало позаботился о том, чтобы его украшали собой многие почтенные члены. Ибо они рыцари и избранные воины, что из любви к закону и отечеству сильной рукою истребляют врагов веры. Движимые безграничной любовью, они также и странноприимники гостей и паломников и бедняков. И служат они также с душевной пылкостью из сострадания к хворым, что лежат в госпитале».

Братья были «рыцарями и избранными воинами». А потому рыцарская служба, война против язычников была самой главной, самой насущной задачей. Именно ею и определялся «мужской» характер ордена. Благодаря ей обет послушания и приобрел столь важное значение. Преломление собственной воли не было для члена ордена некоей аскезой, но означало активность и усиление воли общины. «Ибо, щадя строптивых, ослабевает и сам орден», — гласили правила. И подобно тому, как обет бедности, даваемый каждым членом ордена, увеличивал богатство общины, так и монашеское послушание повышало военную мощь ордена, как можно понять из предписаний относительно военного похода, расположения лагеря и ведения боя. Отказ от личной воли означал максимальное усиление воли общины. Такого рода перераспределение волевой энергии

непосредственно вытекало из внутренней структуры ордена. Братьям недостаточно было просто служить идее, они желали, чтобы эта идея победила и обрела власть. Было бы странно, если бы толпа рыцарей, у которых ничего нет, кроме веры, готовности к жертве и служению и общей воли, подкрепляемой лишь послушанием, не имела еще и воли к власти. Служа идее, которой они принесли обет верности, братья добивались также власти своего ордена. Из самой сущности рыцарского ордена вытекала политическая установка, целью которой была власть.

Эта коллективная воля к власти была присуща всем рыцарским орденам, однако в наднациональных рыцарских орденах она выражалась иначе, нежели в Немецком ордене. Иоаннитам и тамплиерам удалось остаться в стороне от феодальной «пирамиды», выстроенной в Святой земле почти идеально, это уберегло их от ленной или духовной зависимости. То есть, эти ордена фактически выстроили свои государства; в Сирии, правда, государство так и не было образовано, поскольку даже для средневекового государства необходимо единство территории, населения и правовой системы, которого там никогда не было. Но орден иоаннитов нажил внушительную недвижимость и разросся до значительных размеров. На исходе средних веков, когда европейцы начали отступать под нажимом турок через Кипр, Родос и Мальту, иоанниты попытались взять эти отходные пути под защиту своего государства. У тамплиеров же были мощные финансовые связи, и с помощью этой набирающей силу державы — державы денег — они сами намеревались стать силой; они были скорее банкирами, чем рыцарями или монахами, и весьма преуспевали, пока король Филипп Французский, заручившись авторитетом папы, не возбудил против них судебный процесс, в результате чего деньги потекли уже в его карман. И лишь Немецкий орден, еще только делая первые

шаги в истории, уверенно и дальновидно направил сосредоточенную внутри него коллективную волю на создание государства. И коллективная воля не задохнулась в коллективном эгоизме, жаждущем власти, а взяла курс на государство.

Предпосылки к этому заложены в самой природе ордена. Национальные ограничения, существовавшие в ордене, с самого начала повлияли на его политические амбиции, подчинив их задачам Германии. Поэтому создаваемое орденом государство переместилось из Средиземноморья, охваченного крестовыми походами, в земли, максимально приближенные к ареалу жизни немцев. Таким образом, орден с самого своего основания служил империи. В рамках собственного государственного образования орден участвовал в продвижении немецкого народа на восток, направляя часть потоков в свои земли.

Едва появившись, Немецкий орден отделился от международных орденов, теперь же он устранял ненемецкие элементы своей структуры. Ибо все чуждое немецкому мышлению — отсутствие связей с родственниками и родиной, полное подчинение, безвольное послушание — настолько изменилось, соприкоснувшись с жизнью немецких переселенцев в процессе строительства государства для немцев, что, став конструктивными деталями этого самого государства, придало «конструкции» крепость и ясность, неведомые средневековой Германии. Потому прусское государство Немецкого ордена, как и норманнское государство Фридриха II, производит впечатление «современного», хотя вовсе таковым не являлось. Скорее, ордену удалось задействовать понятие службы и служения, нашедшее, в конце концов, применение внутри негосударственного сюзеренного владения ордена, и саму административную систему в качестве несущей конструкции своего государства. Сделавшись в Пруссии настоящим сюзереном и заручившись соответствующими правами,

орден должен был теперь лишь перенести собственный административный аппарат, созданный для обслуживания владений в Святой земле, а также германских и романских владений, в свои новые земли, наделенные уже государственными правами, чтобы он немедленно начал функционировать уже как «государственная администрация». Каждый комтур не только распоряжался орденской собственностью в своем округе, но и руководил окружной администрацией, повышал налоги и принимал доходы с регалий.

Зато непосредственно в отношении орденского государства это понятие службы было неприменимо. Служба имела ценность лишь внутри братства, ибо лишь здесь она была служением идее ордена: борьбе против язычников, врагов христианской веры. Этой задаче была подчинена вся орденская собственность, которая рассматривалась как средство для ее реализации. Крупная помещичья собственность ордена в Германии и других областях была призвана доставлять средства для ведения войны в Святой земле; владения, появившиеся в Пруссии, должны были служить христианизации языческих земель и народов, а государство, созданное орденом, стало миссионерским. Так идея ордена завладела и государством, став для него основной государственной идеей. Таким образом, братство вело себя в отношении этого государства как настоящий господин. Служба и служение относились к высшему долгу внутри братства, как гласили правила ордена, однако не имели отношения к подданным или «государству». Таким образом, отношение должностных лиц ордена к своим служебным обязанностям отличалось от того, что характерно для чиновничьего государства нового времени; оно целиком и полностью укладывается в государственное мышление средневекового немца.

Другое дело, как же функционировала в реальности четкая иерархическая конструкция ордена, включив в себя немецкий народ, проведя восточную

немецкую колонизацию, даже под влиянием жизни собственного народа. Отказ от собственных интересов и личного обогащения, строгое послушание, ежегодный отчет должностных лиц ордена в исполнении своих обязанностей, на время которого они слагали с себя полномочия, четко выстроенная иерархическая и административная система — все это орден на правах сюзерена применил в своем прусском государстве. Кроме покоренных местных народов, эта четкая и совершенная структура заполнялась и немецким населением, которое и придало прусскому государству его неповторимый немецкий характер. Без этой составляющей земли ордена никогда не стали бы немецкими. Коренное население Германии активно разрасталось, и, лишь прикинув к этому животворному источнику, орден направил прусские земли по уникальному пути политического развития и осуществил возложенную на него Германией миссию, к которой был призван с момента своего рождения.

При этом сам Немецкий орден был ограничен в своем историческом росте. Братьям удалось сформировать рубежи государства и путем колонизации заполнить его немецкой кровью. Но ордену не дано было разрастаться вместе с народом. Братья были оторваны от семьи и родины, и потомства, родившегося здесь же, в Пруссии, у них быть не могло; орден пополнялся за счет отпрысков дворянских родов, которые прибывали в Пруссию из старых германских областей; они так и оставались вне народа, вне этого немецко-прусского сплава, созданного самой жизнью. Братья могли искусно править своим государством, но служить ему непосредственно, как, впрочем, и своим подданным, они не могли, поскольку служили ордену, то есть идее, борьбе за христианскую веру, и не более того. Они так и не встали на путь чисто государственной политики, и, поэтому, не смогли удержать власть над своими прусско-германскими подданными.

Конец государства, созданного орденом, был пред-
решен уже в начале его существования.

Сущность прусского орденского государства определяется неким конструктивным элементом. Между моментом рождения и моментом смерти государство прошло три стадии: неслыханный рост, зрелость и неизбежная гибель. И если сравнить это государство с организмом, прожившим 300-летнюю историю, которую определяет неизбежный ход событий и творят не единицы, а целое братство, то возникает резонный вопрос: каков вклад отдельной личности в дело ордена? И действительно ли в истории ордена есть место лишь величию общины, или были в истории ордена и великие одиночки?

Уже сам характер средневековых источников загоняет ответ в определенные рамки. Новейшая история непосредственно и живо повествует о творцах исторического процесса, но при этом от нас, как правило, ускользают своеобразная индивидуальность средневековых образов и их неповторимая сущность. Виной такому фрагментарному пониманию не только временная дистанция и скудость дошедших до нас источников. Стандартный характер двух основных групп источников — летописей и документов — не позволяет нам рассматривать людей того времени во всей многогранности их бытия, их планов и поступков, со всеми их человеческими слабостями. Летописи сообщают нам чересчур многое, ориентируясь лишь на субъективное мнение своего составителя, словно пропуская историю через сито, а что в нем осталось, нам так и не узнать. Документы же, объективно фиксируя определенные факты, почти не оставляют места для личного взгляда. Тем не менее именно летописи и документы являются важнейшим строительным материалом нашего исторического повествования о государстве Немецкого ордена, а о более поздних событиях — начиная с XV века — рассказывает обширная письменная корреспонденция и подробные отчеты, сообщая в том числе и о более ин-

тимных событиях. Как, однако, хрупок материал, из которого складывается картина жизни! Это дела, по которым потомки узнают историческую личность.

Однако в Немецком ордене существовало лишь общее дело братства. Ведь не один-единственный человек создал орден, управлял его государством, определял эту общую судьбу, намечая развитие тех или иных областей жизни. Закон ордена, братские обязательства стояли над всеми, кто носил орденские одежды, отнимая у каждого из них часть его сокровенной сущности, чтобы он мог возвыситься над собой, включившись в дело служения ордену и его государству, в дело, над которым трудились сообща и которое было не под силу одиночке.

Правила ордена распространялись и на великих магистров, подчиняя их коллективной воле братства. В отличие от правил бенедиктинцев, которые оставляли главе ордена немало свободы для проявления лидерских качеств, устав тамплиеров значительно сужал полномочия магистра. Следуя уставу ордена тамплиеров, правила Немецкого ордена налагают ответственность не на великого магистра, а на конвент ордена, то есть на само братство. Обладая немалыми полномочиями, великий магистр, тем не менее, зависел от мнения конвента в вопросах собственности и трактовки устава. Необходимость заручиться согласием конвента категорически предписывалась орденскими документами не только великому магистру; аналогичная схема действовала и в комтурствах: комтуру необходимо было согласие местного конвента. При этом речь шла вовсе не о зависимости руководства ордена от парламентского большинства, а о том, что «совету лучших из всех присутствующих братьев должны последовать магистр и его заместители». Правила ордена предписывали магистру внимать советам «смотря не по множеству братьев, а по их благочестию, опытности, почтенности и благоразумию». А с другой стороны, великий магистр настолько зависел от капитула, что обязан был предстать

перед ним по первому зову. Один из законов конца XIII века так описывает случай троекратного неповиновения этому требованию: «Стал он непокорен, и никому не следует ему подчиняться».

Полномочия великого магистра ограничивались чисто внешне, но и внутренне он не был свободен в принятии решений. Законы жизни общины не укладывались в рамки отдельных судебных. Община постоянно обновлялась за счет тех, кто вступал в ее ряды, она менялась, потому что менялись времена и сменялись поколения. Однако она не намеревалась порывать со своим прошлым, даже если бы это могло послужить продлению ее жизни, предпочитая совершенствоваться согласно внутренним законам. По сложившейся традиции, каждое дело ордена складывалось из согласованных действий многих людей. Поступки одиночек ничего не решали. Эти внутренние законы и стали причиной краха великого магистра Генриха фон Плауэна.

История показывает, что эти черты были присущи всем общинам. Традиции курии и коллегии кардиналов не только ограничивали власть папы, но и формировали его волю. Каждый настоятель следовал внешним, формальным, и внутренним законам своего монастыря. История Немецкого ордена также ни минуты не определялась великим магистром единолично, но неизменно — сплоченностью всех сил, объединенных в общину.

От вас ускользнет сущность политического сообщества, если за внутренним законом его существования вы не увидите задач его вождей и того взаимодействия, благодаря которому вожди и сообщество формируют друг друга: в результате даже последний винтик этого сложного механизма оказывает свое влияние на процесс «обточки».

Насколько тот или иной магистр отвечал требованиям определенной стадии истории ордена, является ли он в полной мере выразителем этих требований в общеисторическом контексте — вот чем определяется его место в истории ордена в

целом. Великие магистры — это часть целого, называемого Немецким орденом, и одновременно наиболее яркие выразители этого целого. Они — воплощение общины, которая поставила их во главе. Закон не позволял им быть лишь самими собой, но и на более высоком уровне они представляли это целое, называемое общиной, над которым их возвышает только звание магистра. Все вышесказанное не относится лишь к одному великому магистру — Генриху фон Плауэну. Он — одиночка, и законы братства на него не распространяются. Но благодаря этому он даже еще глубже отражает сущность ордена, который возглавил в тот трагический момент истории, когда прусское государство находилось между жизнью и смертью.

Там, где царил закон общины, вожди ордена являлись ярчайшими выразителями его сути: Герман фон Зальца, направивший развитие только что появившегося ордена на создание государства; Лютер Брауншвейгский, направивший внутренние силы прусских земель на достижение величайшего расцвета; Винрих фон Книпроде, в полной мере представлявший внешнеполитическое могущество ордена; Генрих фон Плауэн, противопоставивший себя ордену во имя спасения государства; Альбрехт Бранденбургский, превративший государство духовного ордена в западное герцогство. Никто не будет отрицать величия и других великих магистров. Однако эти пятеро стояли во главе ордена в моменты принятия исторических решений. Поэтому более, чем остальные, они отражают в себе историю ордена и его прусского государства. Биография каждого из них складывается из того, насколько он связан с традицией, законом и братством и что сделал он для того высшего единства, которое он воплощает. История великих орденских вождей — это еще и великая история Немецкого ордена.

ГЕРМАН ФОН ЗАЛЬЦА

Старейшей областью во владении Немецкого ордена в Германии была Тюрингия, где находилась самая первая резиденция ордена и старейшее его комтурство — Галле. Со временем орден прирос еще восемью областями, каждая из которых, в зависимости от размера и значимости, делилась на определенное число комтурств. Но из присоединенных позднее областей ни одной так не обязан Немецкий орден своим расцветом, как Тюрингии, в состав которой входили и сердцевинные германские земли, и вновь заселенные — расположенные в среднем и верхнем течении Эльбы. Немецкий госпиталь, еще не ставший тогда орденом, уже имел свое отделение в Галле. Отсюда велись переговоры с герцогом Конрадом Мазовецким относительно Кульмской земли. Большинство братьев ордена, паломников и поселенцев, первыми включившихся в борьбу за языческую Пруссию, также были родом из Тюрингии и земель вдоль Эльбы. Ландграф Герман Тюрингский, как, впрочем, и другие саксонско-тюрингские светские и духовные правители, участвовал в создании Немецкого рыцарского ордена в Акконе в 1198 году; к тому же он активно способствовал возведению на германский престол «дитя Апулии», молодого Фридриха Гогенштауфена; его связывали родственные отношения с Андра-

шем II Венгерским. Таким образом, множество путей, на которых ордену предстояли в будущем первые большие успехи, проходило через Тюрингию.

А еще Тюрингия была родиной великого магистра Германа фон Зальца, который, судя по всему, принадлежал к аристократическому роду, проживавшему в Лангензальце. Однако никаких документов, подтверждающих это, до нас не дошло, как, впрочем, и каких-либо рассказов о его юности; а между тем именно этот человек, стоя у самых истоков ордена, поднял его до уровня великих исторических достижений. Впервые он упоминается в летописях 1209 года уже в должности магистра, которую он занимал на протяжении 30 лет, ведя орден через исторические перипетии своего времени. Он четвертый по счету глава молодого тогда еще ордена.

Длившееся два года путешествие по Армении, Кипру и Палестине позволило Герману фон Зальца, только что избранному тогда великим магистром, основательно углубить знание того географического пространства, которое орден в те времена еще считал своей единственной целью. Тогда же был сделан некий подарок, имевший далее для ордена принципиальное значение. В 1211 году король Андраш Венгерский передал ему местность в Бурценланде, в Семиградье, точно ее обозначив и снабдив рядом важных прав, за это братья взялись защищать границы от языческого народа из Валахии — куманов¹. Подаренная территория располагалась на восточной границе Венгрии — а через Венгрию крестоносцы шли транзитом на Сирию — и была нужна ордену для выполнения его задач в Святой земле и Средиземноморье.

Прежде всего, важно было занять надлежащее место среди двух старших рыцарских орденов и добиться от папы всех возможных привилегий, ко-

¹ Половцы. — *Прим. ред.*

торые облегчили бы военную жизнь ордена в Святой земле. Помощь светских и духовных властей молодому Немецкому ордену вызвала подозрения у тамплиеров и иоаннитов, которые сперва весьма дружелюбно были настроены по отношению к своему акконскому крестнику. Разразилась даже настоящая битва с тамплиерами за право носить белый орденский плащ. Иоанниты же, у которых было право надзора за немецким госпиталем пресвятой Девы Марии в Иерусалиме, считали, что то же право у них есть и в отношении нового рыцарского ордена. Но в качестве противовеса такому неприятию — которое к моменту похода опального императора Фридриха II вполне могло решить исход великого поединка между ним и папой — братьям удалось выхлопотать для себя у церкви особый правовой статус рыцарского ордена. Папа Иннокентий III весьма благосклонно отнесся к желанию братьев и в 1199 году подтвердил изменение статуса братства. Однако по-настоящему орден добился своего лишь при его преемнике, Гонории III (1216–1227 гг.), в правление которого орден, согласно 113 папским буллам, был наделен теми же привилегиями, что и старшие его собратья, а если верить многим другим документам, то и еще кое-какими правами. Эти привилегии еще крепче связали Немецкий орден с церковью и папой, но при этом и с домом Гогенштауфенов орден сохранял все те же близкие отношения, что и в момент своего образования. Вскоре после первой встречи великого магистра с молодым императором в Германии Фридрих II внял просьбам Германа фон Зальца и в 1217 году уравнил Немецкий орден с тамплиерами и иоаннитами. Так орден сразу же нагнал их на пути к власти и славе, по которому те продвигались уже довольно долго и успешно, вооруженные разнообразными связями на международном уровне. Лавируя между папой и императором (один был его духовным господином,

а другой — могущественным светским покровителем), орден укреплял свои позиции. Над этим и трудился Герман первые десять лет своей магистерской деятельности, пытаясь поставить орден наравне с тамплиерами и иоаннитами, чтобы он более не отставал от двух своих старших собратьев. Рубежи деятельности великого магистра определялись тесным, но постоянно расширяющимся жизненным пространством монашеского рыцарского братства. Однако, действуя успешно и приумножая тем привилегии и владения, а также и власть ордена, сам Герман фон Зальца подступал все ближе к большой политике, пока не оказался в главном фокусе событий. В те несколько месяцев, что прошли с момента избрания Генриха (VII), сына Фридриха II, до коронования на императорский престол в Риме 22 ноября 1220 года, Фридрих впервые направил Германа фон Зальца к папе в качестве посредника. Оправдывая избрание Генриха, подготавливая принятие императорской короны из рук Гонория III, Герман фон Зальца стал посредником и примирителем между молодым германским королем и седовласым папой.

Это было нечто большее, чем просто единовременная политическая акция: благодаря ей Герман фон Зальца сыграл весьма важную для того времени роль и, таким образом, вошел в историю. Итак, посредническую миссию было рекомендовано поручить главе ордена, образованного при содействии императорского дома и пользовавшегося несомненной благосклонностью папской курии. Но эта связующая нить между двумя правящими силами Европы возникла не случайно. Ведь орден соединял в себе светское и духовное начала: он был одновременно и монашеским, и рыцарским, и к тому же с германскими корнями. Поэтому, с одной стороны, ему приходилось держать последний ответ перед папой, а с другой — перед императором, ибо мнение

мира, которое представлял каждый из двух, было важно для ордена с его двойственной природой.

Такова была участь всех рыцарских орденов — стоять между духовной и светской властью. Но Немецкий орден особенно остро ощущал тяжесть этого положения, а для его великого магистра Германа фон Зальца оно стало поистине глубочайшей трагедией. Ведь монашеское и рыцарское сливались в ордене воедино, а единство это было невозможно без равновесия между духовной и светской властью в европейском христианстве. Это равновесие, основанное на глубочайшей многовековой связи между светской и духовной властью, впервые пошатнулось, когда началось противостояние между Генрихом IV и Григорием VII, и окончательно нарушилось в эпоху поздних Гогенштауфенов, похоронив и просуществовавшее несколько веков творение Германа фон Зальца. Власть духовная и власть светская вступили в одну из самых страшных битв в истории: у каждой был свой меч, и, служа разным целям, мечи эти были направлены друг против друга.

В 1220 году, осуществляя в качестве магистра Немецкого ордена посольскую миссию, Герман стал участником этой борьбы, которая поначалу велась лишь на ощупь. Вскоре он занял вполне осознанную позицию в споре двух сил; свою задачу он видел в сохранении и (если дойдет до разрыва) в восстановлении их единства. И, выполняя эту свою задачу, Герман постепенно превратился в большого дипломата, единственного, кто отважился оказаться между императором и папой, не боясь быть растоптанным в их поединке. Орден основывался на идее соединения духовной и мирской жизни, именно этой идеей руководствовался Герман на протяжении 20 лет, не жалея сил ради ее воплощения. Мирным путем вернув Иерусалим христианству, отвергнутый церковью император, по совету великого магистра, увенчал себя королевской короной Иерусалима;

тогда в одном из посланий Герман писал о себе, что он тот, «кто чтит церковь и империю и стремится возвысить и то и другое». Таким он и был, такими были его политические убеждения. Он воспринимал обе власти — империю и церковь — как единство и всю жизнь неустанно боролся за его сохранение. Борьба эта, которая в сущности уже была безнадежно проиграна, составляла для него — как следует из вышеприведенных слов, видимо, обращенных к единомышленнику кардиналу, — суть его жизненной задачи.

Однако с точки зрения конкретной политики это означало, прежде всего, борьбу за императора, верным сподвижником которого Герман всегда являлся. Ибо, как явствовало из происхождения самого магистра и его ордена, немецкого и по названию, и по сути, они принадлежали к лагерю императора и отсюда осуществляли поддержку системы, на которой базировался и сам орден. Герман никогда не сожалел о том, что принял сторону императора; о чистоте его убеждений и его большой человечности тем более свидетельствует то, что он снискал к себе доверие римской курии. В одном из немногих дошедших до нас писем Германа он невольно проговаривается о том, как ему удастся влиять на императора: «Я приводил ему множество здравых доводов, и это его убеждало...». Из этих слов понятно, почему при столь прохладной и ровной атмосфере, которая царила при дворе Фридриха II, именно Герман стал советником императора. К тому же это отчасти раскрывает природу великого магистра и его ордена, хотя нам по-прежнему не ясно, кто же на кого оказывал решающее воздействие: вождь — на свою свиту или свита — на вождя. Но, так или иначе, в великом споре между императором и папой Герман действовал с холодным политическим расчетом, каждый раз учитывая возможное развитие событий, — этим и был силен

трезвый, ясный рассудок, управлявший орденом и его прусским государством. Государственные взгляды сочетались в великом магистре со страстной и жертвенной преданностью идее и цели, не доступной простому пониманию. Неустанно трудился он ради того мира, целостность которого, по его мнению, заключалась в единении империи и церкви.

По мере углубления Германа в эти задачи, его отношения с орденом начали меняться. В 1220 году ему как великому магистру было дано разовое поручение, определившее дело всей его жизни. Чем больше он оказывался вовлеченным в великий спор между двумя правителями, тем влиятельнее становился он сам и тем полезнее для ордена, одежды которого носил. Дело было уже не в ордене с его двойственной духовно-светской природой, сделавшем Германа посредником между императором и папой, а в том, что его немаловажная роль в отношениях между двумя властями была полезна ордену. Герман употребил свое влияние на то, чтобы, пользуясь покровительством и императора, и папы, возвеличить Немецкий орден. Итак, его энергия служила единению церкви с империей, а его влияние — ордену. Впервые это стало очевидно во время переговоров 1220 года. Тогда Фридрих, в благодарность великому магистру за его труды, решил в день коронования себя императорской короной испросить у папы в качестве подарка разрешения для братьев Немецкого ордена на ношение белого плаща. На деле же благодаря привилегиям, дарованным Гонорием III, уже через несколько лет орден смог решить один болезненный для него вопрос. Впрочем, немалые привилегии, дарованные папой ордену в то время, были обусловлены тем, что великий магистр уже добился первых успехов в большой политике.

Суть этой политики сводилась к посреднической миссии. Однако деятельность Германа фон Зальца

этим отнюдь не ограничивалась. Он не мог довольствоваться лишь смягчением противоречий на благо общего мира, он жаждал единения власти духовной и власти мирской, чтобы мечи их, которым надлежит владеть землями, вместе стояли на страже. И если конечным смыслом этой политической концепции являлось единство мира, то для осуществления промежуточных задач требовались не посредничество и компромисс, а нечто совсем другое: борьба и власть. Герман прекрасно понимал необходимость власти, вот почему он дал вовлечь себя в эту борьбу между императором и папой. Мысль о необходимости власти просматривается в словах Германа о его стремлении «возвысить и то и другое». Стремление к господству стало определяющим и для тогдашней политики ордена, направив его усилия на создание автономного государства в Семиградье, а потом в Пруссии. Вот почему с 1223 года бурценландский вопрос принял такой оборот.

Великая миссия на какое-то время объединила императора и папу, чтобы потом окончательно развести их в разные стороны: планировался крестовый поход в Святую землю для освобождения в очередной раз утраченного в 1187 году Иерусалима. После коронации в Ахене Фридрих II, переполненный чувствами, принял крест, приговорив тем самым к гибели себя и свою династию. В последний момент еще оставалась некоторая надежда, что молодой король отправится в крестовый поход, и папа вынужден был придерживаться королевской политики. Но никто так не ждал выполнения королевского обещания, как великий магистр Немецкого ордена, жизнь которого тоже была отдана борьбе за Святую землю.

В вопросе о крестовом походе совершенно неожиданно появился другой важный аспект: граф Генрих Шверинский взял в плен датского короля Вальдемара, а те, кто стояли у руля Германской

империи, решили воспользоваться этим для ослабления датских позиций на Балтийском море. Но поскольку за датчанина вступился папа, желая получить его для крестового похода, потребовались многосторонние переговоры, вести которые был призван великий магистр Немецкого ордена. Выполняя поручения императора и посещая курию по тем или иным вопросам, Герман фон Зальца быстро и энергично — как выяснилось, даже слишком быстро — форсировал легализацию орденского владения в Бурценланде.

Король Андраш Венгерский, преподнося в 1211 году Бурценланд в дар ордену, рассчитывал, что орденское войско включится в защиту венгерских границ от язычников куманов; к тому же это был благочестивый дар, который приумножал владения ордена и служил, таким образом, Святой земле. И хотя ордену были даны широкие права и поставлены особые задачи по охране венгерской границы, эти земли по-прежнему оставались лишь даром, подобно прочим доставшимся ордену землям в Средиземноморье и Германии. Более десяти лет и сами братья относились к нему так же. Потом великий магистр решил придать этому владению несколько иной характер. Подобно другим рыцарским орденам, Немецкий орден обладал особым статусом в рамках церковной иерархии и юрисдикции. Вот этот особый статус и стал предметом его заботы. В результате экземиции¹ владения ордена перестали делиться на епископства и провинции, как предписывала церковь, а целиком перешли под власть папы; братья вышли из-под юрисдикции епископа, получив право самостоятельно проводить богослужение в орденских церквях и взимать десятину вместо епископа, — одним словом, церковная структура понесла серьезный ущерб, поскольку

¹ Лат. *exemptio* — исключение, изъятие. — *Прим. перев.*

орден разрастался и богател, упрочивая тем самым положение папы по отношению к епископату. Папа всячески поддерживал наступление ордена к их общей пользе.

Поначалу венгерское духовенство легко смирилось с этим особым статусом братьев. В 1213 году епископ Семиградский предоставил им право десятины. Он не слишком об этом задумывался, пока речь шла лишь об особом статусе братьев ордена, прежде всего священников, о некоторой части орденских церквей и не сулящих особого дохода землях. Но положение вскоре изменилось. В Семиградье орден включился в процесс германской колонизации: еще несколькими десятилетиями раньше мощная волна колонизации достигла восточных рубежей Венгерской державы. Орден тоже стал наводнять Бурценланд переселенцами из Германии. При этом братья лишь продолжили то, что уже было начато до них. Об этом свидетельствует и тот факт, что лишь через год после своего прибытия братья сообщают нам о «проживающем там немецком населении». Десять лет спустя германская колонизация, видимо, достигла уже немалых успехов. В 1222 году король Андраш повторно передал Бурценланд великому магистру Герману и его братству, адаптировав ранее заявленные привилегии к новой ситуации. Теперь братьям было разрешено строить уже не деревянные, а каменные города и крепости. И судью им надлежало теперь избирать не только для ордена, но для всего населения. К этим правам присовокуплялись и другие, в частности, право на чеканку монет и расширение орденских земель за счет язычников куманов.

Великому магистру показалось, что развитие бурценландской колонии набрало обороты, и теперь он может вплотную приблизиться к достижению своей цели. Еще в декабре 1222 года он просил папу утвердить документы, подписанные венгерским

королем. В начале следующего года папа поручил одному венгерскому епископу назначить в Бурценланд декана, поскольку орден напрямую подчинялся папе; ведь в стране, подвергавшейся опустошительным набегам язычников, которым теперь противостояли братья, было не так уж мало священнослужителей. К концу года папа запретил епископу Семиградья принимать Бурценланд под свою юрисдикцию, поскольку орден успешно противостоял набегам язычников и добился того, что число верующих в стране счастливым образом приумножилось, на страх неверным и на благо христианству.

Весной 1224 года был сделан решительный шаг. Послание Гонория III, обращенное к ордену, гласило: «Просите Вы, дабы Бурценланд перешел под власть Святейшего Престола, и обещаете, что верующие охотнее потекут в вашу колонию и что может так случиться, что земля, вовсе лишенная землепашцев, легко будет заселена, и число ее жителей счастливым образом приумножится, на страх язычникам, на благо верующим и к немалой пользе Святой земли». Согласно этой грамоте папа давал Бурценланду имя святого Петра и принимал его под особую защиту Святейшего престола.

Эта мера означала не что иное, как превращение бурценландской колонии в государство и фактический выход ее из-под власти венгерской державы. Теперь стало очевидно, чего хотел Герман для своего ордена. В отличие от многих других монашеских и рыцарских орденов в восточной немецкой области колонизации, Немецкий орден не мог довольствоваться ролью землевладельца, который сидел бы на подаренной ему земле вместе с немецкими колонистами, пополняя казну за счет податей. Он попытался использовать заселение восточных земель для создания орденского государства. Особый церковный статус ордена послужил стартовой площадкой для реализации этого намерения. И, разумеется,

орден намеревался строго следовать христианской идее и своим задачам, заселяя языческие земли немцами-христианами, что должно было служить укреплению христианства. Важно, однако, отметить, что это государственное образование в Семиградье опиралось на движение немецких колонистов, именно это и заставило орден задуматься о собственной государственности. Прусское государство Немецкого ордена возникло уже как миссионерское: немецкое население, которым заполнились его владения, никак не влияло ни на природу, ни на идею этого самого государства; здесь же немецкие поселенцы уже успели прижиться на новых землях ордена, что и навело братьев на мысль об образовании государства. Бурценланду надлежало стать самостоятельным немецким колонизационным государством, руководимым братьями, которое обладало бы несомненной ценностью для христианского мира в силу своего географического положения: Бурценланд граничил с языческим народом и, кроме того, мог служить перевалочным пунктом на пути в Святую землю. Эта попытка построения государства еще отчетливее, чем аналогичный прусский опыт, показывает, как глубоко Немецкий орден был связан с судьбой своего народа: с самого начала орден участвовал в великом продвижении Германии на восток, создав для него своего рода государственный людской резерв, которого так не хватало в восточных землях.

Это стремление к государственности, безусловно, было заложено в самой сущности ордена. Но лишь благодаря политической воле великого магистра оно нашло столь быстрое и решительное применение. Оказавшись участником великих политических событий, Герман начал целенаправленно расширять права ордена в Бурценланде. К этому времени он уже добился от курии, чтобы орденское имущество было подведомственно папе, что, в конце концов,

свелось к весьма незначительному контролю со стороны папы при фактической государственной самостоятельности ордена. Однако великий магистр несет и ответственность за провал своей политики, за то, что не смог уберечь земли, которым грозила опасность и, как сказано в послании Гонория III от февраля 1226 года, не нашел времени на поездку в Венгрию, потому что папа не отпускал его «по причине некоторых церковных и государственных дел, осуществление которых требовало его деятельного усердия».

Ибо если подчинение папе орденских земель ничего и не решало, а было скорее формальностью, то местные злоупотребления прямо указывали на намерения ордена, и о них мог догадаться даже венгерский король. Его весьма энергичный сын Бела IV сделал надлежащие выводы и весной 1225 года изгнал немецких братьев силой оружия. Напрасно папа пытался восстановить права ордена. Напрасно сам Герман фон Зальца еще в 1231 году, когда уже началось завоевание Пруссии, ездил в Венгрию, пытаясь путем личных переговоров с венгерским королем добиться возвращения Бурценланда. Для Немецкого ордена он был потерян. Земли, открытые тогда братьями для немецкого народа, еще и сейчас заселены немцами. Попытка создать здесь государство провалилась. Однако для Германа фон Зальца и его ордена это недолгое владение Бурценландом стало важной политической репетицией. Они извлекли из нее урок и применили свой новый опыт, создавая государство в Пруссии.

Теперь было ясно, что, ища применения своему властному и политическому потенциалу, орден не согласен был ограничиваться Востоком и готов был двинуться в любой уголок Европы: там он мог жить идеей борьбы с язычеством, выстраивая на этом свою власть. Это отнюдь не означало отказа от Святой земли. В своих письмах папа утверждал,

что население в Бурценланде приумножается на благо Святой земли. Это были не пустые слова: создавая государство, орден не забывал своих прежних политических ориентиров, в центре которых были Средиземноморье и Святая земля. Бурценланд защищал Венгрию (которая была одной из важнейших транзитных стран на пути крестоносцев на Восток) от язычников куманов. Таким образом, здесь орден тоже вел борьбу за христианские земли на Востоке. Герман фон Зальца, как любой другой его современник, вряд ли догадывался, что защититься от язычников невозможно и что еще до конца века падет последний оплот христианства на сирийском побережье. У Немецкого ордена, как, впрочем, и у двух других орденов, на Востоке не было будущего. Здесь он по мере сил наращивал свою мощь, теперь же она нуждалась в другом поле деятельности. Как раз в те годы, когда великий магистр начал отделение Бурценланда, в Сирии появился главный замок ордена Монфор, или Штаркенберг, под Акконом. Он задумывался как административный центр ордена. Еще тогда, когда многие землевладельцы-христиане в страхе продавали свои имения, орден систематически расширял свои восточные владения, выравнивая их границы. Сама история вывела его на путь настоящих побед и указала то дело, которому суждено было пережить время. Не слепая воля, а неизбежный ход истории возложил на орден его миссию — служение Германии.

Это становится ясно и в Семиградье, и в Пруссии, где едва начало образовываться государство. Опекая свое детище, Герман вплотную подошел к политике, которая касалась и Пруссии. Друг императора, доверенное лицо папы, активный сторонник крестового похода, Герман осуществлял переговоры между сторонами, одна из которых была заинтересована в пленении, а другая — в освобождении короля

Вальдемара Датского. Весной 1224 года переговоры вынудили Германа отправиться на север. С этого самого времени германская внешняя политика перестала ограничиваться для него Средиземноморьем, захватив и Прибалтику. И, радея со своей стороны об интересах империи, он по-настоящему заинтересовался этим регионом, где ордену еще предстояло сыграть свою собственную историческую роль.

Речь шла о необходимости покончить с датским господством на Балтийском море, о свободе германской торговли и о начале германской миссии в балтийских странах. В первом вопросе, однако, не посредническая политика Германа сыграла решающую роль, поскольку ему не удалось связать договором датского короля, а победа немецкого оружия в бою при Борнхёфде, недалеко от Киля, в 1227 году, позволившая Германской империи вернуть себе территорию от Эйдера до самой Померании. Возвышение Любека до статуса свободного имперского города в июне 1226 года стало ответом на датские притязания на область в устье Эльбы и заложило основы будущего величия ганзейских городов и их свободной торговли на Балтийском море. В одном из документов о присвоении Любеку привилегий Герман фон Зальца указан как свидетель, но для нас очевидно, что он сам причастен к этим важным шагам германской восточноевропейской политики. Пруссия уже получила от императора первые серьезные привилегии, когда благодаря возвышению Любека у орденских земель появилась возможность осуществлять связь со старогерманскими территориями по морю. В мае того же года Герман фон Зальца упоминается в качестве свидетеля в одном из императорских документов, подтверждающих наличие у ордена меченосцев земель в Ливонии, а также передачу этому ордену государственной монополии на добычу ископаемых,

таким образом, императорская политика на северо-западном направлении охватывает уже все прибалтийское пространство. Никогда император Фридрих II Гогенштауфен не уделял так много времени и внимания этому наиболее важному и успешному направлению национальной государственной политики, как тогда, в 1226 году. Как знаком нам этот голос, звучащий со страниц старых документов: великий магистр дает совет, а иногда и руководит императором. Следующий год заставил Германа, как и его венценосного друга, обратить взгляд на юг. Они оба оказались втянутыми в борьбу за Святую землю с городами Ломбардии и папской курией, во главе которой с 1227 года встала более значительная личность, чем Гонорий III, — папа Григорий IX. Впрочем, гораздо больше пользы, чем эти мировые битвы и планы, принесли те немногие распоряжения Фридриха, с помощью которых он закрепился в Прибалтике, снова сделав южное побережье Балтийского моря зоной германского влияния.

Главным среди этих документов была Риминийская золотая булла, в которой Фридрих II и Герман фон Зальца изложили программные основы прусского государства Немецкого ордена.

В Восточной Европе оставалось все меньше языческих народов, не захваченных пока ни восточной, греко-православной, ни западной, римско-католической, церковью, а на северо-востоке и вовсе жили лишь балтийские и финно-угорские народности, занимавшие земли на восточном и юго-восточном побережье Балтийского моря. Сюда и наступала христианская миссия. Успешная миссионерская политика восточной церкви продвигалась за счет князей и городов-государств. Шведы и датчане блюли свои церковные и политические интересы в Финляндии и Эстляндии. В Ливонии еще с XII века, из Бремена, миссионерством пыталась заниматься

немецкая церковь. В Пруссии уже со следующего века возобновилась миссионерская деятельность монахов из польских монастырей.

Вскоре, однако, стало ясно, что, как в Ливонии, так и в Пруссии, мирная миссионерская политика, действующая путем проповеди и культурного влияния, не достигнет успеха. Поэтому неудивительно, что формы борьбы за веру, доведенные до совершенства во время крестовых походов и в самой Святой земле подкрепленные идеей христианизации посредством меча, были заимствованы миссиями в Прибалтике. Третий епископ Ливонии Альберт Бременский (1199–1229 гг.) не без помощи папы воспринял идеи крестового похода ради христианизации народов на юго-востоке Прибалтики и поддерживал церковное строительство, основанное на мече крестоносца. Здесь, как в сирийских крестовых походах и духовных рыцарских орденах, акцентировался светский, военный и политический элемент «милитаризованной» христианизации по государственному образцу, и, основываясь на миссионерских идеях, епископ Альберт создал государство и как духовный государь возглавил его. Благодаря основанию Риги в 1201 году у этого государства появилось немецкое сердце (в 1202 году был учрежден орден меченосцев), которое, однако, вскоре забилось независимо от епископа, а глава государства и церкви Альберт принял меч для приумножения и защиты своих завоеваний; в 1207 году Альберт стал князем Германской империи, а Ливония, таким образом, вошла в ее состав, что существенно расширило границы империи на северо-востоке, сделав новый орден частью общегерманской жизни.

По своей идее, задачам и происхождению возникшее здесь государство можно охарактеризовать как миссионерское. В соседней Пруссии его взял себе за образец монах ордена цистерцианцев Кристиан из расположенного в Великой Польше монас-

тыря Лекно, которого в 1215 году, после первых его мирных успехов, папа назначил епископом-миссионером. Претерпев несколько неудач в своей мирной миссии, Кристиан, поддерживаемый польскими и восточнопомеранскими князьями, также пытался укоренить христианство в Пруссии с помощью меча крестоносца. Действуя по примеру Альберта Рижского и соперничая с захватническими планами польских князей, он также задумывался о создании государства. Папская курия принимала живейшее участие в миссиях, как в Пруссии, так и в Ливонии, с одной стороны, поощряя возникновение миссионерских государств, а с другой, — пытаясь сохранить свое прямое влияние на новообращенных путем закрепления своих политических прав. Весь северо-восток был вовлечен в глобальный процесс преобразований, целью которых было включение пока еще языческих народов в культурную жизнь христианской Европы. И в этот момент Немецкий орден был призван в Пруссию.

Миссионерская политика, проводимая Польшей (правда, под руководством немецкого духовенства) в отношении Пруссии, потерпела неудачу. Крестоносцы лишь подстегнули сопротивление пруссов. Те уже не ограничивались лишь храброй обороной своих исконных территорий, а совершали грабительские набеги на Польшу, опустошая польское княжество Мазовию, где особенно пострадала столица — Плоцк на реке Висле. Конфликты между местными польскими князьями и неспособность польского клира к осуществлению миссионерской задачи вынудили князя Конрада Мазовецкого искать помощи на стороне. Польский правитель поддерживал связь с королем Андрашем Венгерским, призвавшим в свое время орден в Бурценланд, к тому же он установил более тесные отношения с немецким духовенством в Галле, резиденцией старейшего округа Немецкого ордена в Германии, и еще кое-

какие контакты подобного рода; в результате зимой 1225–1226 года польское посольство предложило Немецкому ордену принять в дар завоеванную пруссами Кульмскую землю и другие территории, расположенные между Пруссией и Польшей, но при этом покорить и держать в узде живущих там пруссов.

В январе 1226 года Герман фон Зальца получил от Фридриха II ряд существенных привилегий для своего ордена. Два месяца спустя он лично рассказал императору о предложении польского герцога. Теперь у великого магистра были более серьезные планы. Через год после неудачной попытки основать государство в Бурценланде, появилась новая возможность, уже в других условиях. Куда более сложные и широкие задачи, открывавшие необозримые перспективы, предстояли теперь ордену: завоевать и обратить в христианство целый языческий народ; но возросли и возможности ордена, которые были заложены в его воле к государственности.

Теперь великому магистру надлежало применить урок, преподанный ему в Бурценланде самым ходом событий: установление правовых норм самостоятельного орденского государства должно не завершать его развитие, полное тягот и опасностей, а предшествовать собственно образованию государства. Торжественный, снабженный золотой буллой документ, выданный императором ордену по просьбе великого магистра, обозначил цель ордена, которую наметил сам Герман, получив предложение от Польши. Недостаточно было лишь подтвердить факт дарения, надлежало еще и заранее обозначить права и суть будущего государства. А будущее государство должно было обладать всеми признаками суверенности: независимостью, правом на развитие рынка, чеканку монеты и освоение земельных ресурсов и прочими изначально присущими королю правами, которых орден напрасно добивался в Трансильва-

нии, включая судебную власть, применимую ко всем жителям, в том числе и к покоренным пруссам, но и к остальным, то есть к немцам, прибывшим сюда, как и в Семиградье, по призыву ордена.

Вспомнив германские законы и законы Священной Римской империи, Фридрих II заключил, что будущее государство ордена непременно должно обладать всеми этими привилегиями. Не забыли и о старой ленной зависимости Польши от германского короля, перенеся ее на герцога Мазовецкого. Император охарактеризовал Пруссию как «подчиненную имперской монархии», а в обоснование своего императорского подтверждения прав ордена привел «издавна присущее империи право на владение горами, равнинами, реками, рощами и морем». Риминийская золотая булла торжественно гласила: «Для того и поставил Господь нашу империю высоко над королями мира и простер границы нашей державы на разные стороны света, чтобы направить наши неустанные заботы на прославление Его имени в этом мире и на распространение веры среди язычников, равно же как и Священная Римская империя была создана Им для проповедования Евангелия, чтобы более стремились мы к покорению и обращению язычников». В золотой булле говорилось о людях, которые брали на себя ежедневный труд по покорению варварских народов и обращению их в истинную веру, не жалея на то «ни живота, ни имени».

Такой виделась великому магистру Герману фон Зальца будущая Пруссия Немецкого ордена: независимая и свободная страна на границе христианской Европы, населенная покоренными пруссами и прибывшими сюда немцами, которые подчинялись бы лишь власти ордена; часть Римской империи, но тесно связанная с Германским королевством; возглавляя молодой рыцарский орден, великий магистр, конечно, не мог стать имперским князем,

однако пост он занимал ничуть не менее важный. Герман до глубины постиг двойственную природу ордена, его долг, одновременно духовный и светский: бороться за веру и против язычников. Для него это было сродни долгу империи «покорять и обращать» язычников. И будущее государство держалось не только на идее ордена и законах его рыцарского служения делу распространения христианской веры, составлявших духовную сущность рыцарского ордена и крестовых походов, а, главным образом, на высшем долге перед империей, которая была покровительницей христианской церкви и христианской веры. Вот откуда проистекала задача самого ордена и его государства. Миссия империи определила миссию будущего прусского государства. Не только история основания Немецкого ордена и чисто немецкий состав братьев связывали орден и его государство с империей; для Германа фон Зальца эта связь определялась идеей и миссией ордена. И три столетия спустя орден и его государство по-прежнему занимали это место при империи; право на принадлежность к империи орден не раз доказывал в практической политике, с тех пор как общность их идеи и миссии была документально признана в марте 1226 года.

Подчеркивая обязанность ордена покорять язычников и обращать их в истинную веру, империя наделила государственным смыслом и задачей, которую братству предстояло решить в Пруссии. Миссия должна прийти к власти посредством меча и слова, по воле императора и великого магистра, что означало: быть государству. Государству этому, связанному с духовным рыцарским орденом, надлежало поддерживать связь и с церковью; но еще прежде, чем был нанесен первый удар мечом в пользу орденского государства, это право церкви уже было ограничено правом империи и государственной сущностью орденского детища. С самого

начала оно должно было следовать собственным политическим законам.

Делая свое предложение, Конрад Мазовецкий рассчитывал на помощь в обмен на предоставление определенных прав, но никак не на образование самостоятельного государства у себя под боком. Если бы орденское государство изначально базировалось на четких правовых положениях, которых в свое время так не хватало орденским владениям в Семиградье, герцогу ничего другого бы не оставалось, кроме как соблюдать положения, зафиксированные в императорской грамоте. Понадобились еще четыре года, напор агрессивных пруссов и настойчивость Германа и братьев, чтобы убедить его в этом. Эти четыре года прошли для Германа под знаком большой политики. Даже при попытке создать государство в Бурценланде Германа прежде всего интересовали политические успехи императора в объединении европейского мира, а важнейшие привилегии были лишь следствием этих успехов; так и теперь весь он был поглощен борьбой за единение императорской и папской власти. Но, занимаясь общей политикой империи, он умудрялся добиваться успеха и в прусском вопросе.

В 1225 году папа снова позволил Фридриху II на пару лет отложить крестовый поход. Таким образом, крайний срок исполнения обета, данного императором в 1215 году, когда он принял крест, приходился на 1227 год. И император более не собирался уклоняться. Но злая судьба, долго поджидавшая своего часа, рассудила иначе. В войске крестоносцев разразилась эпидемия. Фридрих не смог начать поход и выслал лишь часть войска. В ответ папа отлучил его от церкви. Последовал разрыв между императором и папой, которого так стремился избежать великий магистр, используя все свое дипломатическое искусство.

Отлученный от церкви император все-таки отправился на Восток и, мудро проведя переговоры, добился того, чего не удавалось сделать ни одному войску крестоносцев — Иерусалим был сдан султаном без боя, — а потом Фридрих сам увенчал себя короной короля Иерусалимского, женившись на его наследнице. Однако успехи императора лишь усугубляли враждебность церкви. По возвращении в Италию летом 1229 года Герман оказался перед наитруднейшей задачей в своей жизни: ему надо было добиться примирения между Фридрихом II и папой Григорием IX. Примирение состоялось лишь в конце следующего лета. Примирительная трапеза двух противников, каждый из которых представлял свой мир, и заключительная беседа, при которой присутствовал лишь великий магистр как посредник между этими двумя половинами западноевропейского мира, положили конец открытой вражде двух предводителей христианства. Решилось и дело великого магистра, который жил, похоже, только для того, чтобы восстанавливать единство двух христианских вождей.

1227–1230 годы стали апофеозом политической деятельности Германа фон Зальца. Сразу после коронации в Иерусалиме опальный император писал о нем германскому князю: «Одно надлежит нам заметить, ничего по праву не утаивая, о магистре и братьях Немецкого ордена пресвятой Девы Марии: преданы они нам с самого начала нашего служения Господу и успешно нам в том помогают». Верно служа своему венценосному господину, Герман умудрился при этом возобновить никогда, впрочем, до конца не порывавшиеся связи с курией, а спустя год усердных трудов и вовсе восстановить их: к этому времени он уже рассчитывал на возможную долговечность союза между императором и папой.

В эти же годы были заложены основы будущего прусского государства Немецкого ордена. Великий

магистр был на Востоке, а тем временем в Польше в 1228 году комтур Галле продолжил переговоры и вскоре уже имел на руках подписанный князем Мазовецким документ, подтверждавший первоначальное дарение, при этом величина дара несколько увеличилась. Вернувшись из Сирии, великий магистр посвятил конец 1229 года подготовке переговоров между императором и папой; к тому же пришла пора решить и прусский вопрос. Осуществляя одно из своих многочисленных посольств, великий магистр имел возможность сообщить о положении вещей папе, Григорию IX. Ожидая, что папа подтвердит факт дарения, Герман готов был этим удовлетвориться и, наконец, возобновить борьбу: «Смело идите вперед, дабы оружием Божиим вырвать эту землю из рук пруссов, и пусть Святая церковь, коли натянуты канаты ее шатров и достаточно для них места, Божьей милостью и Вашим служением приумножается числом и заслугами своих верующих, и да воздастся Вам сто крат на пути Вашем и обретете Вы вечную жизнь в отечестве».

Но великий магистр рассчитывал на нечто большее; за высшим благом он не хотел забывать об орденском государстве. В начале 1230 года орденское посольство вернулось из Польши, так и не добившись продвижения. Тогда орден составил в Италии некий документ, адресованный князю Конраду, весьма доходчиво обрисовав его нелегкое положение и его возможные действия и сформулировав права, которые, по мнению ордена, гарантировали бы в соответствии с императорской золотой буллой независимость орденского государства. Вооруженное этой грамотой, орденское посольство вновь отправилось в Польшу, и еще прежде, чем император и папа за дружеской трапезой отпраздновали свое примирение, князь Мазовецкий в июне 1230 года

принял поставленные орденом условия и составил требуемый от него документ.

Орден был у цели, которую он наметил себе в 1226 году, вступив в переговоры с князем. Теперь можно было начинать борьбу за Пруссию. Это взял на себя Герман Балк, первый ландмейстер ордена в Пруссии. Поскольку орденское посольство 1228 года прибыло из Галле, то и сопровождали Германа Балка главным образом выходцы из Саксонии и Тюрингии. Осенью 1230 года, впервые за много лет, папа призвал к крестовому походу на Пруссию. И с тех пор вооруженные и жаждущие битвы паломники ежегодно отправлялись в поход. С их помощью братья год от года углублялись во вражеские земли, вынуждая покоренных пруссов принимать христианство и расширяя территорию своего государства на север и на юг.

Ибо сначала путь им указывала Висла. Крепость Торн возникла в 1231 году, Кульм — в 1232, а потом последовало стремительное наступление на исконные прусские земли, завершившееся основанием Мариенвердера. В конце 1233 года орден впервые заявил о себе как суверен, закрепив права граждан Торна и Кульма в Кульмском городском праве. Подобно тому, как в 1226 году Герман фон Зальца, не удовлетворившись одним лишь императорским подтверждением предложения князя Мазовецкого, добился документального закрепления основ будущего орденского государства, так и Кульмское городское право не сводилось лишь к перечислению прав двух городов. Императорский документ 1226 года касался внешнеполитических прав ордена, а Кульмское городское право столь же подробно определяло внутренний строй государства и жизнь немецкого населения, от которого в будущем зависела и сама природа этого государства: на Торн и Кульм распространялось теперь Магдебургское и Фламандское право, а также Фрейбургское и Си-

лезское горное право, устанавливался на будущее порядок чеканки монет, определялись единицы меры и веса.

Хотя в преамбуле Кульмского городского права и упоминается имя Германа фон Зальца, на самом деле он никогда не ступал на прусскую землю. В 1237 году братья Немецкого ордена, продвигаясь к востоку от Вислы и достигнув побережья, основали там Эльбинг и намеревались и далее идти на восток вдоль залива Фришес-Хафф, а Герман тем временем мог лишь на расстоянии заботиться о будущем государстве. Но он по-прежнему принимал все серьезные решения, что свидетельствует о его немаловажной роли в строительстве государства. Летом 1234 года император и папа одновременно оказались в Риети, в центральной Италии, и тогда Григорий IX взял орденское государство под власть и опеку курии. С политической точки зрения эта мера призвана была защитить государство ордена от прочих церковных властей, в особенности от епископа, а также от князя Конрада; этим образование государства и завершилось. По понятиям того времени, связь с курией ни в коей мере не противоречила императорскому документу 1226 года и, в частности, тому, что орденское государство входило в состав империи. В силу своей церковно-светской сущности государство духовного ордена подчинялось двум государям — императору и папе. Поскольку в момент составления документа они оба были в Риети, орден (а вместе с ним и его великий магистр) оказался втянутым в соперничество между церковью и государством, между императором и папой, и для утверждения своей власти нуждался в них обоих, хотя намерение папы создать в Пруссии епископство не могло способствовать независимости орденского государства. Важно то, что, в отличие от случая с орденским государством в Семиградье, присоединение прусского государства к собственности курии

не было началом государственного самоопределения. В Бурценланде самостоятельность орденского государства ограничивалась венгерским королем и венгерским духовенством. В Пруссии же государственная самостоятельность помогала ордену противостоять возможным внешним угрозам, однако она никогда не довлела над его политикой, затрудняя тем самым внутреннее развитие его государства, поскольку у него были обязательства перед империей и местные политические задачи.

Процедура образования государства была завершена, и теперь Герман фон Зальца попытался поставить на службу ордену германскую знать. В орден вступил ландграф Конрад Тюрингский, маркграф Генрих Мейсенский и герцог Оттон Брауншвейгский сражались за него. Герману удалось дополнительно расширить территорию орденского государства, и, помимо Пруссии, у ордена появилась еще одна балтийская колония. Основанный в 1202 году Орден меченосцев уже давно пытался воссоединиться с Немецким орденом. У братьев Немецкого ордена были свои внутренние и внешние причины медлить с принятием решения. В 1236 году меченосцы были наголову разбиты литовцами в сражении при Зауле, недалеко от курляндского селения Аа, — теперь на карту было поставлено существование молодого ордена и само христианство. Через несколько лет Орден меченосцев вошел в состав Немецкого ордена, ставшего его правопреемником в Ливонии. Архиепископ Рижский и епископы, а также сам город Рига, сдерживали развитие земель Ливонского ордена, однако сам характер владения по форме напоминал государство, с собственной, независимой от Пруссии, администрацией, во главе которой стоял магистр. Это серьезно осложняло задачу, которая стояла перед Немецким орденом в восточной части Балтийского моря. Но для Германа фон Зальца на первый план уже выступила большая политика,

отнимавшая у него все больше сил, как ни пытался он сопротивляться течению времени. Он вмешался в конфликт между императором и его сыном, германским королем Генрихом (VII), и одержал еще одну победу. Потом ему снова пришлось мирить императора и папу: эта задача потребовала немалых усилий. Фридрих собрался войной на Ломбардию, чтобы покончить с непокорным союзом городов, а это задевало интересы курии, боявшейся утратить последнего союзника в своем противостоянии императору. Между императором и папой начался открытый политический поединок, а церковные вопросы почти полностью отошли на второй план. Герман по-прежнему был верен своей миротворческой политике, хотя в ней не было уже прежней твердости и ясности.

Сам орден противостоял Герману фон Зальца на генеральном капитуле в Марбурге в 1237 году. По правилам ордена, великий магистр должен был согласовывать свои действия с конвентом ордена. А этого согласия он не получил. Теперь он вообще не имел права вмешиваться в ломбардский вопрос. Ведь братья ордена принадлежали к немецкой аристократии и тоже жаждали путем имперской войны заставить города Северной Италии повиноваться. Император, по выражению Германа, уже готов был «дать волю воинственности своих германцев», а князьям и дворянам просто надоело вести переговоры. И судя по тому, что императорское войско одержало победу над Ломбардией в ноябре 1237, они были правы. Именно теперь стала очевидна вся трагичность исторической роли магистра. Он сказал о себе однажды, что дорожит честью империи и церкви, и вот теперь Григорий IX настаивал, чтобы он вел переговоры о том, что напрямую затрагивало честь империи и церкви. Император еще четче определил позицию великого магистра по отношению к высшим властям того времени,

сказав, что «он всегда горячо любил общее благо церкви и империи». Такова была его сущность: он был предан и папе, и императору. Вот в чем была суть его политики. Хотя ни папе, ни императору уже не нужна была его преданность. Еще большее было для старого Германа слышать критику со стороны братьев. Ведь речь шла не о временной политической ситуации, а о деле всей его жизни. Ему пора было оставить тот мир, за единство которого он боролся, и ограничиться лишь участком великого строительства, над которым трудилась его политическая воля, — орденом.

Герман покорился неизбежному ходу событий. Два десятилетия на него опирался этот неустойчивый мир, и вот теперь силы покинули старого, страдающего от тяжелой болезни магистра. Он умер 20 марта 1239 года. В тот же день император Фридрих II был отлучен папой от церкви: Гогенштауфены навсегда разорвали свои отношения с папством. Жизнь Германа фон Зальца прервалась как раз в тот день, когда в ней не было уже никакого смысла.

Орден следовал политической линии своего покойного магистра, храня верность императору. С момента своего основания Немецкий орден был связан с домом Гогенштауфенов, но именно Герман фон Зальца придал этим отношениям исторический вес. С тех пор политика Германской империи стала политикой ордена. Фридрих II всегда признавал эту особую преданность Немецкого ордена Гогенштауфенам. С благодарностью вспоминая «честность и похвальную преданность» магистра и его конвента, он не скупился на эпитеты. Императорская канцелярия осознавала причастность Гогенштауфенов к основанию и развитию ордена и не в одной дарственной грамоте представила его историю соотнесенной непосредственно с главами императорского дома, Фридрихом Барбароссой и Генрихом VI; да

и Фридрих II рассматривал орден как «свое особое творение». В самом деле, на сицилийском юге ни одна немецкая община не была ближе императору из дома Гогенштауфенов, чем Немецкий орден. Молва, ходившая в Германии, была справедлива: император принимал решения, слушаясь совета братьев ордена да еще кое-кого. Эти отношения действительно были преисполнены глубокого смысла, который затрагивал в том числе и прусское государство. Оно создавалась вовсе не как противовес империи Гогенштауфенов: орденское государство должно было направить определенные силы, скрытый государственный потенциал тогдашней Германии, на плодотворную и успешную работу. В Центральной Европе раскололся целый мир, а эти самые силы все еще трудились над прежней задачей: строили на балтийском побережье государство, которому суждено было просуществовать века, хотя уже в тот момент, учитывая внутреннюю ситуацию в Германии, она в нем не нуждалась. А государство это, несмотря ни на что, еще долго и активно функционировало в тех краях.

Дело всей жизни Германа фон Зальца получило высочайшее «подтверждение» самой истории. Трудясь на благо императора и папы, он добивался значительных привилегий для своего ордена и принимал за него труднейшие политические решения. Так связывались воедино две величайшие политические задачи, составлявшие дело его жизни. Он, не раздумывая, отдал почти все свои силы на сохранение духовной и политической системы империи, воплощавшейся в императоре и папе. А в результате были потеряны годы и целый мир, восстановить единство которого было уже невозможно. Немногим доводилось вот так, как Герману, измерять глубину трещин, исполозовавших этот расколотый мир. А он считал необходимым их залечить. Верил ли он, что это возможно? Кто знает. Но

очевидно, что он считал своим неперменным долгом, насколько возможно, оттянуть момент краха. Это ему не удалось. Герман фон Зальца потерпел поражение в том, что считал главной задачей своей жизни. Но, трудясь над этой задачей, он оставил свое собственное завещание немецкой истории — немецкое государство и новые немецкие земли на востоке. Вот чего добилась германская миссия. А ведь это результат борьбы Германа фон Зальца за единство императора и папы. Трудясь на этом поприще, Герман открыл своему ордену путь к величию, а потом сам не раз ступил на него. Усилия, совершенно бесполезные сами по себе, однако для будущего в них заключается совершенно иной смысл: благодаря стараниям Германа, орден приобрел подлинно историческое величие; вращаясь среди сильнейших мира сего, Герман направлял свою волю на решение самой важной задачи, которая только могла встать перед общиной мужей, — на основание государства.

Благодаря недюжинному дипломатическому таланту Германа, эта цель была достигнута. Будущее прусское государство оказалось участником великого соперничества между империей и папством, был его участником и сам Герман, а суть этого соперничества отражала природу самого ордена. Герману не суждено было лично выйти на поле боя, на котором сложили головы три поколения братьев, строя свое государство. Но, руководя издалека, он сделал главное — выработал основы будущей государственности, указал прусскому государству его место в духовном и политическом устройстве Запада, которое то занимало до самой своей гибели, и определил закон, руководивший его судьбой. По своей конструкции новое государство едва ли напоминало какое-либо государственное образование Западной Европы. Для него были «заочно» определены основные законы, идея, задача

и путь развития, а оно само между тем уже включилось в мировые полюса времени. В прусском государстве мирская и духовная власть сливались воедино, на этом единстве и основывалось его существование. Основой государственной идеи по-прежнему была христианская миссия, оружие, служащее вере. Власть государства распространялась на германских поселенцев и на только что покоренных пруссов, но эта власть, а с нею и само государство зависели исключительно от ордена. Государство адаптировалось к новой местности и собственному историческому пространству, но оно подчинялось еще и своей судьбе, судьба его зависела от успеха прусской миссии. Таковы были основы ордена, поэтому гибель его была неизбежна. Созидание оставалось главным для орденского государства, которое является одним из величайших примеров чистого воплощения идеи. Прусское государство, закон жизни которого определил Герман фон Зальца, подпитывалось идеей рыцарского служения вере и следовало этому самому закону. Поэтому как только основополагающая идея утратила свою ценность, погибло и само государство. Являясь органическим порождением великой концепции, государство было подвластно и органическому закону смерти: согласно этому закону, орденское государство пало после трех веков великих исторических свершений.

ЛЮТЕР БРАУНШВЕЙГСКИЙ

Используя величайшие идеи своего времени, Герман фон Зальца подводил теоретический фундамент под здание прусского государства; тем временем в самой Пруссии братья развернули борьбу, благодаря которой эти идеи должны были воплотиться в жизнь. Это было настоящее колониальное государство, однако возникло оно в глубине материка и теперь разрасталось в сторону побережья. В 1237 году Немецкий орден основал город Эльбинг и включил в свой состав Орден меченосцев — так Пруссия начала превращаться в балтийское государство. Братья продвигались вдоль побережья на восток; в 1255 году был основан Кенигсберг. Теперь миссионерские государства занимали земли от Вислы до Даугавы, и сухопутный перешеек между ними охранял город Мемель. Он был основан Курляндией еще в 1252 году и лишь в XIV веке перешел от ливонской ветви ордена к прусской. Затем братья двинулись на восток от Вислы и Ногаты и на юг от побережья. Три восстания насильно обращенных в христианство пруссов каждый раз подчистую уничтожали то, что было достигнуто прусским государством.

Государство требовало от ордена жестких политических решений, орден должен был выбрать

между миссионерской деятельностью и государственными обязанностями; подавив уже третье восстание пруссов, орден решился на вынужденные меры: государство строилось на принципе силы, а развитие его должно было подчиняться определенным законам; этого требовали задачи ордена. Последнее восстание, разразившееся в 1260 году и окончательно подавленное лишь в 1283 году, не только разрушило административную систему, которая была создана для управления покоренными пруссами, но и нанесла непоправимый ущерб уже немецким колониям — стремительно развивающимся городам и открытым поселениям. К концу века Пруссия была полностью покорена, а население ее приняло христианскую веру.

Пока резиденция великого магистра находилась в Акконе, а сам он жил в Средиземноморье или в Германии, прусскую ветвь ордена и тамошнюю административную систему возглавлял ландмейстер. Роль главной резиденции ордена играл Эльбинг. В Кульмской земле, управляемой настоятелем-комтуром, орденом было образовано множество мелких комтурств, территории которых совпадали с прежним (действовавшим при польских правителях) делением. В самой Пруссии комтурства либо примыкали к Ногате, как Мариенбург и Кристбург, либо простирались от побережья до границы с Мазовией по всей ширине территории. Так, комтурства Эльбинг, Бальга, Бранденбург и Кенигсберг узкими и длинными полосами тянулись в глубь страны, а их административные центры располагались на побережье. Поэтому на юге понадобилось создать еще несколько комтурств. Наконец, и те комтурства, что были созданы на Мемеле — Мемель и Рагнит — обрели свою водную артерию. Сами комтурства, в свою очередь, делились на более мелкие территориально-административные единицы, подвластные фогтам, и далее (или параллельно) на

попечительские и лесные службы. В каждом комтурстве в замке была резиденция конвента, состоявшего как минимум из 12 братьев, по числу апостолов. Такие замки, весьма немалых размеров, выполняли одновременно две функции — крепости и монастыря; крепости поменьше предназначались для менее значимых административных задач и служили скорее военным целям.

И вот эта весьма четкая и ясная система, которая, конечно же, подчинялась уставу и основывалась на значительной децентрализации самого ордена и его административного аппарата, была нарушена образованием в Пруссии четырех епископств. В 1234 году ордену дано было имя святого Петра, и, как было обещано курией, в 1243 году папский легат разделил Пруссию на четыре епископства. Так появились: Кульмское епископство, занимавшее особое место, поскольку именно здесь трудился первый епископ-миссионер Кристиан; резиденция епископа находилась в Кульме, а кафедральный собор в Кульмзе; здесь же проходил соборный капитул; Помезанское епископство, названное так в соответствии с одной из областей Пруссии (к востоку от Вислы и к северу от Оссы), с резиденцией епископа в Ризенбурге¹ и кафедральным собором в Мариенбурге; Эрмландское епископство с кафедральным собором во Фрауэнбурге² и, наконец, Самландское епископство с кафедральным собором в Кенигсберге и резиденцией епископа в Фишхаузе-не³. Теперь внутреннее деление орденских земель определялось еще и тем, что каждый епископ получал треть епископства, в котором он нес службу, в качестве самостоятельного владения, отдавая в свою очередь треть своему соборному капитулу.

¹ Ныне Прабуты (Польша). — *Прим. ред.*

² Ныне Фромборк (Польша). — *Прим. ред.*

³ Ныне г. Приморск Калининградской области. — *Прим. ред.*

Столь монолитное внешне орденское государство внутри состояло из множества мелких владений, которые выполняли две основные государственные функции — внешнеполитическую и военную — и, разумеется, подчинялись ордену. «Монолитность» государства сохранялась еще и потому, что три из четырех соборных капитулов входили в состав ордена, а каноники и избранные ими епископы принадлежали к числу братьев. Из этой системы выпадало лишь Эрмландское епископство. Часть епископства, по форме напоминая клин, узким концом выходила на побережье залива Фришес-Хафф, а широким простиралась в глубь материка; эта территория представляла собой угрозу целостности прусского государства и в 1466 году действительно вышла из его состава. Таким образом, единство прусского государства основывалось не только на сплоченности ордена; как и на более поздних этапах, многое определялось неизменностью его установок, а также общностью интересов, благодаря которой в условиях изменившейся административной схемы сохранялось весьма эффективное (хотя более никак не закрепленное) внутреннее равновесие.

XIII век вошел в историю ордена как век завоевания и обращения Пруссии в христианскую веру. Главным образом тогда границы орденских земель к востоку от Вислы приобрели свои очертания, сохранившиеся позднее в германском государстве. Когда была выполнена та задача, ради которой орден начал борьбу за Пруссию, когда пруссы были обращены в христианство и устоялась структура орденского государства, потребовалось заполнить эту структуру изнутри немецким народом, а затем упорядочить ее отношения с соседями.

Вновь обретенное жизненное пространство заполнялось переселенцами из старых германских земель. Большинство городов было основано еще в

XIII веке. Но возникшие тогда же деревни и поместья серьезно пострадали от восстаний пруссов. Крестьянское население начало прибывать в Пруссию лишь к концу века, и уже через несколько десятков лет его численность достигла здесь своего максимума.

Завершая формирование и укрепление своих границ, а также внутреннее структурирование, орденское государство включалось и в окружающее его политическое пространство. Висла и соседние области поставили перед орденским государством первые внешнеполитические задачи; лишь в XIV веке Пруссия начала по-настоящему включаться в прибалтийские политические споры.

Согласно идее орденского государства у него не могло быть иной внешнеполитической задачи, кроме покорения язычников и обращения их в христианство. Но вполне естественно, что, как только оформились границы прусского государства ордена, главным для него стало собственное право на жизнь, которым оно и руководствовалось, развиваясь с учетом соотношения политических сил в окружающем его пространстве. Поэтому, кроме служения идее, для ордена важна была и его миссионерская политика, направленная теперь уже против язычников-литовцев, политика власти, которая ни в коей мере не противоречила сущности государства, а значит, и государственной конструкции орденских земель. В XIV веке обе формы внешней политики успешно сосуществовали, в значительной степени дополняя друг друга, однако так и не слились воедино. Вот эта двойственность политики ордена, в конце концов, и возымела свои трагические последствия. Следуя своему миссионерскому долгу, орден вел борьбу с Литвой, но одновременно включился и в политические споры с Польшей; в результате два столь разных врага орденского государства кинулись в объятия друг друга.

Конфликт с Польшей развивался постепенно. В XIII веке польское государство состояло из нескольких раздробленных, особенно в Силезии, феодалных княжеств, управляемых князьями из рода Пястов, которых связывали родственные узы и права собственности. Одним из таких мелких князей был Конрад Мазовецкий, обратившийся к ордену за помощью в борьбе с пруссами. К концу XIII века в Польше опять усилились объединительные тенденции. Владислав Локетек способствовал сплочению государства, в 1320 году он провозгласил себя королем и начал с завидным энтузиазмом и, кстати, весьма успешно восстанавливать великодержавность Польши, которую она и в самом деле обрела уже при его сыне, Казимире Великом. Правда, для этого Польше пришлось отказаться от силезских княжеств, ставших леном богемских королей, и от притязаний на Помереллию, которая в 1308–1309 годах была присоединена к орденскому государству.

Вначале орденское государство проявляло дружеские чувства по отношению к польским княжествам и весьма четкое неприятие по отношению к независимому княжеству Восточной Померании, или Помереллии, расположенному к западу от нижнего течения Вислы, с центром в Данциге, которое в штыки встретило оборонительные намерения Польши и к тому же нашло союзника в лице мятежных пруссов. На дальнейший ход событий повлияло то, что в это же самое время бранденбургские маркграфы стали усиленно расширять свои границы в восточном направлении и, преодолев реку Одер, подступили к Балтийскому морю. Последний князь из дома Самборидов Мествин II признал ленную зависимость от Аскании всей Восточной Померании, за исключением области вокруг Диршау, которую он затем передал в дар великопольскому князю Пшемыслу как своему наследнику, а его правопреемником был его сын Владислав

Локетек. Мествин умер, не оставив детей, и на его наследство претендовали Бранденбург и Польша. Польша втянула в эту борьбу и Немецкий орден. В 1308–1309 годах орден вступил с ней в беспощадную схватку за землю и выкупил права на Асканию, осуществив, таким образом, завоевание не без соблюдения формальностей.

Смысл этой покупки (надо сказать, никаких враждебных шагов против самой Помереллии не предпринималось) становится понятным лишь в контексте общей ситуации в области нижней Вислы. Река не разъединяла, а соединяла берега. Теперь крепнушему орденскому государству, подступившему к Висле с востока, надлежало двинуть свои силы на противоположный берег. Об этом свидетельствуют и другие, не столь значительные, мирные завоевания. Еще в XIII веке, завоевав область Меве к западу от Вислы и выровняв затем ее границы, орден вынужден был отказаться от дальнейших территориальных притязаний, но все-таки включился в политическую борьбу за Помереллию. Еще в те времена, когда орден начал завоевание Пруссии, германские переселенцы, жители Данцига и Диршау и прилежащей сельской местности, захватили области к западу от нижнего течения Вислы. Теперь же ордену принадлежала вся эта область, таким образом, был завершен целый этап в развитии государства, начавшийся еще несколько десятилетий назад. Теперь земли ордена имели прямое сухопутное сообщение с Германской империей, что благоприятно сказалось на экономических связях и способствовало притоку крестоносцев и наемников.

Пока прусское государство разрасталось и обретало все больший вес внутри Немецкого ордена, Запад утратил свои последние позиции на Востоке: в 1291 году Аккон перешел в руки мусульман. В обороне участвовали и братья Немецкого ордена. С большой неохотой орден навсегда распрощался

со Средиземноморьем и крестовыми походами в Святую землю. Вначале резиденция великого магистра была перенесена в Венецию, поближе к изначальной цели ордена и его обширным южным владениям. Но после завоевания Помереллии прусское государство оказалось в центре орденского бытия. Грандиозные задачи стояли перед братьями в Пруссии. Теперь сюда должны были хлынуть доходы с германских владений ордена (а распоряжался ими великий магистр), которые прежде тратились на завоевание Святой земли. Прусское государство представляло собой четкую структуру, поэтому и к выбору центра надлежало подойти взвешенно. Удобное расположение по отношению к Помереллии и всей Пруссии имел Мариенбург; он и стал теперь главной резиденцией ордена. Перенос резиденции стоил ордену немалых трудов, а осуществил его Зигфрид фон Фейхтванген. Первый великий магистр, который был избран уже после переноса «центра тяжести» ордена, Карл фон Трир, был встречен в штыки прусской ветвью ордена и по-настоящему признан только за пределами Пруссии. Лишь после его смерти в 1324 году исчезла должность ландмейстера в Пруссии. С тех пор во главе всего ордена, в том числе и прусской его ветви, стоял великий магистр; следующими по значимости были германский магистр, возглавлявший орден в Германии, и магистр в Ливонии.

Перенос резиденции великого магистра в Пруссию изменил и отношение великого магистра к прусскому государству. Теперь орден был сувереном в Пруссии. Осуществление высших административных задач и представительских обязанностей, особенно принесение присяги на верность при передаче власти, фактически превращало великого магистра в удельного князя. Столь независимое его положение сохранялась до тех пор, пока орден шел в гору. Но у великого магистра по-прежнему были обяза-

тельства перед конвентом, зафиксированные в статутах ордена: именно эти кандалы и сковали в XV веке административный гений великого магистра Генриха фон Плауэна.

Включение Помереллии в прусское государство серьезно осложнило его отношения с Польшей. Но дело было не только в этом: внутренне сплотилось и польское государство. Консолидация политических сил внутри орденового государства и аналогичные процессы в Польше усугубляли внешнеполитические трения. В XIV веке конфликт был уже неизбежен. И поскольку в это время укрепилась и литовская государственность, уже в первой трети XIV века сложилась некая политическая система, объединившая всю Восточную Европу, которая, в конце концов, включилась в историческое противостояние между императором и папой. Земли ордена объединились в союз с Богемией и Бранденбургом; Силезия, даже польское княжество Мазовия, сохранявшее относительную независимость до XVI века, а также Померания некоторое время тоже были по эту сторону фронта; на востоке он охватывал Красную Русь, которой угрожали и Литва, и Польша. По другую сторону фронта Польша и Литва объединились и на какое-то время захватили Померанию. Фоном для этой политической системы служило историческое противостояние папства и императора, которое в тот момент продолжили Иоанн XXII и Людвиг Баварский. Немецкий орден, прежде всего та его часть, что подчинялась германскому магистру, как и в момент своего основания, хранил верность императору. В решающий момент братья Немецкого ордена встали на сторону германского короля. По другую сторону была Польша, которую с курией связывали общие церковные, финансовые, а также чисто политические интересы. Таким образом, противоречия между

орденом и его духовным патроном серьезно усугублялись союзом между Польшей и папой.

К концу первой трети XIV века прусское государство оказалось в самой гуще этого мирового и одновременного достаточно локального, сосредоточенного в Восточной Европе, спора; внутренне же, благодаря непрерывному потоку переселенцев из Германии, оно превращалось в немецкую землю, перенимая культуру старых германских провинций. Вот в такую эпоху орден возглавил бывший траппье ордена и комтур Кристбурга герцог Лютер Брауншвейгский. Лишь несколько лет, с 1331 по 1335 год, он занимал должность великого магистра, пока его не забрала смерть. Однако он почти во всем воплощал сущность процветающего орденского государства. Мало кто из великих магистров, возглавлявших орден в XIII и XIV веках, обладал столь яркой индивидуальностью, весьма привлекательной для последующих поколений, какая была присуща сыну нижнесаксонского герцога. Немногим удалось вот так же употребить во благо ордена свои личные качества и достижения.

Словно из огромного сосуда, хлынула некогда из Нижней Саксонии немецкая кровь в земли ордена, а дом герцога Брауншвейгского был связан с орденом с самого начала борьбы за Пруссию. В 1240 году герцог Оттон Брауншвейгский, внук Генриха Льва и дед Лютера, одним из первых среди германских князей предпринял крестовый поход в Пруссию и участвовал в битве за Бальгу на заливе Фришес-Хафф. Отца его, герцога Альбрехта Великого Брауншвейгского, тоже привел в Пруссию крестовый поход. Было это в 1265 году. Кроме Лютера, еще двое представителей брауншвейгского княжеского дома были членами ордена в Пруссии: герцог Альбрехт, принадлежавший сначала к числу братьев в Кенигсберге, а с 1332 года ставший комтуром в

Меве и Кульмской земле, и герцог Иоганн, который примерно в это же время был рыцарем ордена.

Лютер Брауншвейгский, младший сын герцога Альбрехта Великого, родился около 1275 года, а возможно, и раньше. В 1279 году умер его отец, оставив после себя дочь и шестерых несовершеннолетних сыновей. Три старших сына поделили между собой отцовское наследство, а трое младших вступили в три крупнейших ордена того времени: один стал тамплиером, второй — иоаннитом, а самый младший присоединился к Немецкому ордену. Таков был удел младших сыновей дворянских семейств, даже младших сыновей из брауншвейгского княжеского рода. Но из всех сыновей брауншвейгского семейства, принявших обет рыцарей или братьев ордена, лишь Лютеру суждено было сыграть значительную роль в истории.

В его жилах текла кровь Генриха Льва, короля Лотаря Суплинбургского и святой Елизаветы. Похоже, он перенял от своих предков наиболее важные качества: склонность к искусству, сделавшую его поэтом и почитателем прекрасного, и колонизаторский талант, благодаря которому он особенно успешно руководил заселением Пруссии. Но то, что перенял он с духом и кровью своих предков, было не только его личным достоянием: он знал, для чего живет, знали это и его современники, повествующие о великом магистре. Святую Елизавету, особенно почитавшуюся Немецким орденом с 1235 года, когда она была канонизирована, он считал своей покровительницей. О том, что Лютер состоит в родстве со святой, хотя и разделен с ней поколениями, напоминал ему самландский каноник Тило Кульмский, посвятивший ему огромную поэму, а также поэт, сделавший поэтическое переложение на немецкий язык Книги Даниила, писал, что великий магистр добродетель свою унаследовал от Елизаветы. Не забыл он и о принадлежности Лютера к импе-

раторскому роду, в то время как хронист из Оливского монастыря тоже сообщал, что он «из благородного племени старого императора». Но, прежде всего, в его жилах текла императорская кровь его предка Лотаря Супплибургского (1125–1137 гг.), в честь которого он и получил свое имя. Поэтому среди предков Лютера были и Каролинги, и императоры из Саксонского дома. Этим объясняются и столь тесные отношения между Немецким орденом и германскими королями и императорами: орденские земли по сути пользовались родственными связями великого магистра Лютера. Свой светлый поэтический дар, внутреннее благочестие, перенятое от тюрингского княжеского дома, и реализм во внутренней и внешней политике, традиционные для Нижней Саксонии, — вот что привнес в жизнь ордена сын Альбрехта Брауншвейгского.

Неизвестно, когда Лютер облачился в орденские одежды. В декабре 1302 года он, простой рыцарь, впервые попал в Пруссию. Три грамоты, датируемые 1302 и 1304 годами, в которых он упоминается как свидетель, говорят о его принадлежности к конвенту Кристбурга. Таким образом, именно здесь, в одном из западных округов ордена, которые в числе первых начали принимать поток германских переселенцев, он начал свое знакомство с землями молодого государства и его возможностями. Первые две грамоты подтверждают наличие собственности у местных пруссов, а грамота от 1304 года присуждает деревенскому старосте Виганду 60 гуф земли для деревни, впоследствии получившей название Вейнсдорф. Таким образом, первые свои впечатления от Пруссии он получил при заселении округа Кристбург. Колонизация Пруссии только начиналась: уже были окончательно подавлены языческие бунты и предпринимались попытки документального оформления земельных отношений пруссов, а поскольку плотность прусского на-

селения была невелика, свободные территории занимались колонистами из Германии. Однако уже тогда было ясно, сколь огромные возможности сулят западные прусские земли, если они будут сохранены за орденом и заселены. То, что карьера Лютера в прусской ветви ордена началась именно с Кристбурга, определило ход его жизни на многие годы вперед. Связь с Кристбургом могла прерваться на какое-то время, но не навсегда. Он не раз возвращался сюда, но незадолго до смерти совет высших должностных лиц ордена избрал его великим магистром, и ему пришлось перебраться в Мариенбург. Однако лучшая часть его жизни, начало его служения ордену, когда он был рядовым рыцарем, и активные годы его жизни, когда он счастливо трудился на благо ордена, прошли в том административном округе, центром которого был Кристбург.

К началу 1308 года Лютер был комтуром в Голлубе, одном из небольших комтурств Кульмской земли. Завоевание Помереллии и перенос резиденции великого магистра в Мариенбург внесли некоторую сумятицу и в его жизнь, хотя он и не занимал тогда высокого служебного положения. В 1309 году он снова ненадолго вернулся в Кристбург уже в качестве хаускомтура, чтобы в 1310 году опять на пару лет возглавить округ Голлуб. Здесь он впервые принял активное участие в распространении немецкого права и немецкого образа жизни, подчинив Кульмскому городскому праву и деревню Плюско-венц (округ Бризен).

Его деятельность на юге орденового государства не могла остаться незамеченной в Мариенбурге. В 1313 году он был вызван в главную резиденцию и принял должность хаускомтура: в новой административной системе Прусского государства, после переноса резиденции великого магистра, эта должность значила немало. Хаускомтур являлся представителем комтура в остальных резиденциях ор-

дена, а также контролировал внутреннюю административную систему и представлял суверена в городском суде, а в главной резиденции ордена на него были возложены и общие задачи, главным образом, участие в управлении финансами орденских земель.

Эта новая должность при великом магистре стала трамплином для его дальнейшей карьеры. В июле 1314 года он уже был комтуром в Кристбурге и верховным траппье ордена. Спустя десять лет он в третий раз оказался в той же резиденции ордена, где начинал когда-то рядовым членом ордена. В феврале 1331 года он возглавил орден, но прежде ему предстояло провести здесь 17 лет, раскрыть многогранную природу своей личности, сочетая поэтическое творчество и колонизационную деятельность.

В этот кристбургский период Лютер занимал должности разного уровня. Будучи комтуром Кристбурга, он был сначала верховным траппье и в этом качестве, вместе с гросскомтуром, казначеем, маршалом и попечителем госпиталей, принадлежал к числу лиц, приближенных к великому магистру. Административная система орденского государства изменилась после 1309 года, и гросскомтур стал заместителем великого магистра, контролирующим финансы, торговлю и судоходство; казначей управлял казной ордена; оба были приближенными лицами великого магистра и выполняли свои должностные обязанности в Мариенбурге. Должность же верховного маршала, руководившего в ордене военными вопросами, была связана с Кенигсбергом, который находился в непосредственной близости от литовского фронта; попечитель госпиталей, заведовавший госпитальной деятельностью ордена, одновременно являлся комтуром в Эльбинге, а верховный траппье был комтуром в Кристбурге. Устав ордена гласил: в обязанности траппье входит забота о военном снаряжении братьев; траппье надлежит

выдавать братьям обмундирование и отдельные части вооружения и одежды, пояса и прочее; таковы его обязанности. Так определялось поле деятельности траппе в отдельно взятом конvente, главный же траппе ведал теми же вопросами в масштабах всего ордена, кроме того, ему вменялось в обязанность помогать великому магистру в координации деятельности ордена, при этом он обладал теми же полномочиями, что и четверо других высших должностных лиц ордена.

В 1318 году ссора между великим магистром Карлом фон Трир и прусской ветвью ордена переросла в открытый конфликт, и порядок назначения на ведущие административные должности ордена был нарушен. В эти годы и Лютер имел лишь один титул — комтура Кристбурга. Но в дополнение к своим прямым обязанностям он брал на себя и обязанности других должностных лиц. Документы, имена тех, кто их выдавал, место выдачи, а особенно список свидетелей, заверивших эти документы, — вот откуда многое можно узнать об административной системе ордена. Но история административной системы — это еще и встречи пяти высших должностных лиц ордена (а тогда к числу высших должностных лиц принадлежал и ландкомтур Кульмской земли) с великим магистром. Они проводились нерегулярно, но часто и, следовательно, были нужны. Нередко кого-нибудь из членов «большой пятерки» не было на встрече, особенно часто — комтура Кенигсберга. Лютер Брауншвейгский тоже присутствовал не всегда. Впрочем, круг участников не был так уж строго ограничен: по воле обстоятельств или если того требовало обсуждение какой-либо задачи, там могли оказаться и другие комтуры.

Место проведения таких заседаний менялось. Часто заседания проходили в Мариенбурге, иногда в Энгельсбурге или Кристбурге. Но явное предпоч-

тение отдавалось вовсе не новой столице ордена, а Эльбингу. Лишь только резиденция великого магистра была перенесена в Мариенбург, стало вполне очевидно, что административный центр ордена должен находиться именно в Эльбинге. Мариенбург же по-настоящему стал центром орденского государства лишь после присоединения Помереллии. Хотя «центром тяжести» государства по-прежнему оставался Эльбинг. Здесь и собирались на свои совещания высшие должностные лица ордена.

Как правило, и Лютер Брауншвейгский принимал в них участие. При этом задачи его не ограничивались территорией вверенного ему округа, поэтому уже тогда, еще не будучи главой ордена, он оказался в его администрации и попал в число высших должностных лиц. Мы вряд ли узнаем какие-либо подробности о его деятельности в качестве члена «большой пятерки». Для истории прежде всего ценна его деятельность на посту комтура Кристбурга. Найдя себе, казалось бы, более узкое поле деятельности, он стал тем не менее самой значительной фигурой среди братьев Немецкого ордена.

В своем комтурстве Лютер стал буквально образцом колонизатора. Он заново кодифицировал, расширив или дополнив, права уже освоенных земель, в особенности городов Кристбурга, Дойч-Эйлау¹ и Зальфельда². Было присоединено много новых территорий. При этом он следовал методам, которыми орден столь охотно пользовался вначале, включая в свою территорию первые крупные участки. Большие имения он передавал отдельным семьям или целым родам, справедливо полагая, что, переходя по наследству следующим поколениям, эта земля вскоре превратится в множество более мелких наделов. Надо сказать, что Лютер действо-

¹ Ныне г. Илава (Польша). — *Прим. ред.*

² Ныне Залево (Польша). — *Прим. ред.*

вал весьма смело, и при этом крупных землевладельцев и основателей деревень он тоже превращал в колонизаторов. Самое крупное имение, переданное таким образом во владение комтурством герцога Лютера, находилось в земле Зассен; в 1321 году ландмейстер Фридрих Вильденберг передал его Петеру фон Хезельхт и его родственникам, выходцам из Силезии, которые уже в XIII веке поселились в Кульмской земле. Это было большое имение, площадью в 4 квадратные мили; со временем на этой территории образовалось около 30 хуторов и деревень. Аналогичную процедуру не раз осуществлял и сам Лютер, правда, ему не доводилось передавать во владение столь крупных территорий.

Заселяя территории немцами, пруссами, а местами и русинами, он основывал немецкие деревни, и таким образом немецкими становились целые области. Часть документов, выданных старостам новых деревень, утрачена, реальные же масштабы деятельности Лютера куда шире, чем мы могли бы себе представить на основе сохранившихся источников. Но вполне впечатляет и то, о чем можно узнать из дошедших до нас документов. Заселение шло с запада на восток. В окрестностях Кристбурга, Дойч-Эйлау и в земле Зассен вокруг Остероде комтур основал множество деревень. В целом он приложил руку к основанию или развитию более чем 80 областей, городов, деревень и имений. Более 20 немецких деревень он основал, находясь на посту комтура Кристбурга.

Даже если бы Лютер Брауншвейгский возглавлял орден много лет, он едва ли существенно изменил бы историю его земель. Он писал стихи: они либо утрачены, либо не представляют особой художественной ценности. Но то, чего он добился своей колонизационной политикой как комтур Кристбурга и позднее, уже как великий магистр, в других частях страны, не забыто и не утрачено. И по сей

день процветают населенные пункты, основанные не без его участия. Потомки пруссов, некогда наделенные правами, давно стали немцами. Заселив эти земли, сын нижнесаксонского герцога воздвиг себе настоящий памятник. Однако, рассуждая о его деятельности и личных достижениях, следует оговориться: он был не первым и не последним колонизатором, а лишь звеном длинной цепи, соединяющей многие поколения. В конце концов, он осуществил лишь то, что задумал, еще будучи рядовым членом ордена, а те, что пришли после, продолжали великое дело, восполняя оставленные им пробелы. Когда поток германских переселенцев устремился в орденские земли, одним из первых было заселено комтурство Кристбург, видимо, в силу своего географического положения. Здесь каждый комтур невольно становился колонизатором. Так случилось и с Лютером Брауншвейгским.

Однако решения принимались в другой инстанции. О недюжинных способностях брата Лютера свидетельствует не то, что он был комтуром Кристбурга, а то, что именно в Кристбурге он стал комтуром. Возможно, и он сам, и орден, видели в этом его предназначение, поэтому в 1314 году, прибыв сюда в третий раз, он остался здесь навсегда. Не главная резиденция ордена с постом казначея, не Кенигсберг с его военными задачами, а Кристбург заключал в себе тот потенциал, реализуя который, он смог сослужить своему ордену добрую службу. Безусловно, он попал сюда благодаря своим способностям. И то, что он действительно раскрыл их, трудясь на благо ордена и равняясь лишь на пример своих предшественников, показывает, сколь ценен и значителен его вклад в колонизацию Пруссии и в строительство орденского государства. Все свои знания и таланты он вложил в великое дело, которое пережило его самого, — дело ордена.

Осуществляя заселение прусских земель, он не отступал от традиций своей родной Нижней Саксонии и отцовского дома — об этом свидетельствуют и его современники. Летопись, составленная через несколько лет после смерти великого магистра в цистерцианском Оливском монастыре под Данцигом, сообщает, что Лютер Брауншвейгский весьма благосклонно относился к духовенству и в особенности к ордену цистерцианцев. Летописец лично участвовал в переговорах относительно монастырского имущества, которые вел великий магистр, выступая при этом в защиту монахов. Собственно, поддержка ордена цистерцианцев тоже входила в задачи колонизационной деятельности, поскольку братья этого ордена, следуя своему обету, взяли на себя нелегкую работу: они выкорчевывали деревья и осушали болота. Тем самым они наиболее эффективно способствовали колонизации восточных земель. Не случайно Немецкий орден, который с большим недоверием относился к монашеским орденам, чувствуя в них близких по духу конкурентов, тем не менее покровительствовал цистерцианским монастырям Пельплину и Оливскому, которые в 1309 году вместе с Помереллией перешли в его подчинение. Этому во многом помогли немецкие воспитанники цистерцианских монастырей. А тот факт, что Лютер выступал в защиту цистерцианцев, прекрасно дополняет его колонизационную деятельность.

Летописец из Оливского монастыря сообщает и кое-что еще: это покровительство вере в определенной степени естественно для великого магистра, ведь его предки основали множество монастырей, не только цистерцианских, и сами немало послужили Богу. Но это не просто намек на происхождение Лютера и традиции его рода. Его семья действительно была связана с орденом цистерцианцев. Но и сами цистерцианцы не могли не ощущать этой связи между их орденом и домом ни-

жнесаксонских правителей, между двумя силами, преуспевшими в деле колонизации.

Связь между родом герцогов Брауншвейгских и цистерцианцами, подводящая из разных исходных пунктов к общей задаче немецкой колонизации, не была секретом и для Лютера. Об этом свидетельствует визит в Кристбург его родственника-цистерцианца. В документе, выданном Лютером в Кристбурге в декабре 1320 года, в качестве одного из свидетелей фигурирует брат Конрад, член ордена цистерцианцев и сын Генриха I Брауншвейгского. Неизвестно, что привело туда племянника комтура. Возможно, он просто воспользовался поручением одного из цистерцианских монастырей, чтобы навестить родственника. И вот в орденском замке встретились двое отпрысков рода герцогов Брауншвейгских — братья двух орденов, — каждый из которых, не жалея сил, трудился на благо немецкого востока. Это всего лишь мимолетная встреча двух родственников, но мы вдруг начинаем понимать, что какая-то внутренняя сила заставляла выходцев из Германии захватывать и заселять новые земли и привела тогда еще юных отпрысков герцогского рода в орден цистерцианцев и немецких рыцарей, где своим трудом и мечом они почти неосознанно служили германизации востока. Решающую роль здесь сыграла семейная традиция герцогского дома: именно она заставила Лютера Брауншвейгского посвятить себя главной миссии округа Кристбург — немецкой колонизации.

А вот деятельность Лютера на посту великого магистра уже не позволяет нам столь широко судить о его личности. 17 февраля 1331 года капитул в Мариенбурге избрал его главой ордена. Тогда над братьями все еще стояла тень недавнего убийства: великий магистр Вернер фон Орзельн был заколот одним из братьев, которого пытался призвать к порядку. Кинжал убийцы слишком рано оборвал еще одну честную и полную трудов жизнь, посвященную ордену. Впрочем, самому ордену никакой

опасности не грозило. Удачливый в битвах, погруженный во внутреннее созидание собственного государства и, несмотря на отдельные неудачи, объединенный силой веры, орден и не думал воспринимать свершившееся зло как признак своего скорого распада. Новый великий магистр избирался из числа самых достойных, среди них был и Лютер Брауншвейгский.

Нелегкое наследство принял Лютер от своего предшественника. Главным внешнеполитическим вопросом того времени были отношения с Польшей. Король Владислав никак не мог забыть о Помереллии и всем своим существом жаждал кровавой битвы. Некоторое политическое равновесие, сложившееся между восточноевропейскими государствами, могло лишь оттянуть на время возможное столкновение, но оно было неизбежно. В 1327 году орден напал на Куявию. Теперь давно существовавшее противостояние между орденом и Польшей переросло в открытую войну, лишь на время прерванную перемирием. Поскольку король Иоганн Богемский считал законными претензии своих предшественников, князей Пшемисловских, орден, вдохновленный победами богемского и прусского оружия, мог начать завоевывать новые территории и утвердить свое право на Помереллию. В 1331 году, вскоре после того, как новый великий магистр въехал в свою резиденцию, снова началась война. В сентябре войска сошлись в открытой битве, которая закончилась для обеих сторон большими потерями, однако ничего не разрешила. За переговорами опять последовала война. И лишь в сентябре 1333 года, когда умер польский король, ситуация начала меняться. Новый король, Казимир Великий (1333—1370 гг.), выбрал иной путь для достижения прежних целей и попытался установить мир. А летом 1335 года, когда в очередной раз было установлено перемирие, великого магистра не стало. Окончательный (как тогда казалось) мир был установлен лишь в 1343 году: по этому договору

польский король навсегда отказывался от своих притязаний на Помереллию, а король Богемии — от притязаний на Польшу.

Вряд ли можно судить о личности великого магистра, основываясь на его политических шагах. Слишком коротко время его правления; нужны десятилетия, прежде чем политическая деятельность принесет свои плоды. Лютер унаследовал от предшественника неустойчивую политическую ситуацию — состояние между войной и миром — такой он и передал ее своему преемнику. Его правление пришлось на самый смутный период в прусско-польских отношениях XIV века.

К тому же внешняя политика того времени характерна тем, что каждый член ордена, следуя традиции, определенной пятью высшими должностными лицами, всего-навсего представлял мнение ордена в целом. Конечно, и в этом случае была важна позиция отдельной личности; не раз история ордена приобретала тот или иной оборот благодаря удачной или неудачной внешней политике того, кто им руководил. Но такая личность, как Лютер Брауншвейгский, не могла ограничиться лишь политической деятельностью. Он делал то, чего требовало время, выказывая при этом личное мужество, а именно этого и ждали братья от первого рыцаря Немецкого ордена. Последующие поколения рисуют его умелым воином, который самолично нанес немалый урон неверным, однако это лишь собирательный образ покорителя язычников, характерный для тех времен. Убедительно звучат лишь высказывания его польских современников, сетующих на то, что миролюбие было чуждо великому магистру.

Но ни в войне, ни в дипломатических играх (переговорах и коротких поездках) не раскрылось все своеобразие этой личности, ориентированной на внутреннюю политику ордена — строительство государства, отвоеванного у язычников, распространение христианской веры, заселение земель не-

мцами, в чем и заключалось предназначение этого государства.

Поток немецких переселенцев двигался с запада на восток и от побережья в глубь материка. Уже в XIII веке в непосредственной близости от крепостей ордена возникло несколько городов; города продолжали возникать и в XIV веке, теперь этот процесс был непосредственно связан с колонизацией земель. Планировалось создать целую сеть германских поселений, более укрепленную с востока. Как раз в те годы, когда Лютер уже служил ордену, в прусское государство прибывали буквально толпы германских крестьян; именно они определили на все времена национальный характер этих земель. Но, кроме ордена, колонизацию земель осуществляли епископы, соборные капитулы и владельцы больших имений. А главными «поставщиками» переселенцев были Нижняя Германия, Саксония, Вестфалия, ганзейские города, восточные области Средней Германии, Тюрингия, а также территории по среднему течению Эльбы и Силезия, сама еще в XIII веке принявшая огромный поток германских переселенцев. Так в Восточной Пруссии появились области, в которых говорили только на средненемецком и нижненемецком диалектах немецкого языка; они существуют и сейчас.

Колонизация земель немцами была не только вопросом экономической и военной политики. Это был к тому же надежный путь укрепить христианскую веру в смешанном населении молодого государства; ведь недавно обращенные пруссы исповедовали ее лишь внешне. Но, главное, благодаря колонизации на этой некогда вражеской земле возникала часть немецкой жизни, и в ней рыцари Немецкого ордена уже не чувствовали себя завоевателями, говорившими на чужом языке, а напротив, повсюду находили своих соплеменников. В этой Новой Германии, как ее называли позднее, как раз во времена Лютера за стенами крепостей и городов началась почти такая же жизнь, что и

в Германии, и, наконец, спустя десятилетия после завоевания земель, возникла атмосфера для свободного развития духовного творчества. Теперь и во внешних, и во внутренних своих проявлениях это была жизнь на немецкий лад, хотя осознанно к этому никто не стремился, условия сложились сами собой. А задача состояла совсем в другом: жить и трудиться в христианской вере, для защиты и распространения которой и был создан орден. Глубоко близки задачам ордена были личные устремления самого Лютера: война, колонизация, поэтическое творчество, строительство и административная деятельность.

Основание деревень, а тем более городов влекло за собой строительство новых церквей. Поэтому духовный патронат как обязательное условие власти ордена напрямую был связан с заселением земель. Получив в Голлубе свое первое самостоятельное административное поручение, Лютер посвятил всего себя строительству церквей в городах и деревнях. Оливская летопись славila деяния предков Лютера в Нижней Саксонии, а орденский летописец второй половины XIV века Виганд Марбургский сообщает нам о том, что Лютер приумножал количество церквей; другая короткая летопись примерно середины века повествует о деятельности Лютера в стихах:

В городе Мариенбурге,
В Голлубе и Кристбурге,
И в городах иных
Приумножилось число церквей
Делами его благими
Во славу Господа.

Строительство церквей являлось прямой обязанностью Лютера, поскольку он всячески способствовал колонизации подчиненных ему земель, однако ему эта деятельность, несомненно, была гораздо важнее и ближе, чем другим должностным лицам ордена, иначе не восхваляли бы ее так современники и потомки. Строительство главной резиденции

ордена растянулось на многие поколения и ставило каждый раз новые технические и художественные задачи; но можно ли считать случайностью тот факт, что именно в правление Лютера была возведена часовня святой Анны, или то, что сам Лютер принимал активное участие в строительстве Кенигсбергского собора.

Но есть область, в которой еще ярче и глубже выразилась его неординарность: в поэтическом творчестве. Сын нижнесаксонского герцога, облаченный в орденские одежды, по-настоящему раскрылся в поэзии, показав свою душу и свой талант.

В одном из своих стихотворений на немецком языке Лютер Брауншвейгский описал жизнь святой Варвары и чудо обретения ее головы. Оно, к сожалению, не сохранилось. Текст утраченной рукописи весьма отдаленно опирался на латинское предание о святой Варваре. Ясно только то, что стихотворение написал сам Лютер, а предание о святой Варваре было использовано лишь как основа сюжета, видимо, потому что было особенно близко ему. Николаус фон Ерошин, который по просьбе великого магистра Лютера сделал стихотворный перевод латинского варианта орденской летописи, составленного Петром из Дусбурга, советует своим читателям:

Загляни в эту книгу,
которая порождена
светлым даром герцога,
брата Лютера из Брауншвейга,
отпрыска славного рода
тамошних государей.
Перевел он ее всю
совершенным немецким стихом.

Современник великого магистра просто сообщает, что тот пробовал себя на ниве поэтического творчества, а вот кенигсбергский летописец Пауль Поле, писавший свою летопись уже после реформации и умерший в 1532 году, пишет: «То, как

попала в Пруссию глава святой Варвары, подробно описано Лютером, пятнадцатым великим магистром, в особой книжице»; в другом месте он приводит кое-какие подробности из этой «*Libellum*», доказывающие, что текст он знал неплохо, и, значит, еще в XVI веке рукопись существовала.

Не случайно Лютер столь трепетно относился именно к преданию о святой Варваре. В 1242 году, во время войны с восточнопомеранским князем Святополком, орден взял крепость Сартовиц на Висле, и ему досталась голова святой Варвары, точнее, рака с частицей головы этой святой, умершей в Египте в III веке. Это восприняли как знак Божьего заступничества, и реликвия была перенесена в Кульм, где она особенно почиталась, как, впрочем, и во всей Кульмской земле. А Голлуб, в котором Лютер многие годы был комтуром, был одним из округов Кульмской земли. Должно быть, здесь он и услышал впервые предание о святой Варваре и историю о чудесном обретении в Сартовице ее главы; несомненно, уже тогда он размышлял об этом и, возможно, вынашивал замысел немецкой версии этого латинского предания. Однако когда появилась сама поэма, неизвестно.

Не так уж много известно нам о жизни людей в средние века, поэтому, как правило, непросто обозначить важнейшие вехи их внутреннего развития. Слишком мало знаем мы и о самом Лютере, чтобы сказать точно, когда в нем проснулся поэтический дар. По дошедшим до нас произведениям мы можем судить лишь о кристбургском периоде его творчества, причем в первые три года в Кристбурге Лютер, по-видимому, писал меньше. Вероятно, многое было просто утрачено, или на это были какие-нибудь внешние причины. Но по мере появления других документов мы сможем судить о росте и созревании личности, росте административном и творческом. Когда Лютер занял пост верховного магистра, с поэтическими опытами было навсегда покончено. Его высокое положение позволяло ему

лишь поощрять чужое творчество, собственная же литературная деятельность осталась в прошлом. Однако в столь продуктивный для Лютера период жизни, каким стали годы, проведенные в Кристбурге, вполне могла появиться поэма о святой Варваре, как, впрочем, и еще одно стихотворение, судя по всему, законченное в это же время.

Поэзия Лютера и иные его творения вовсе не являлись какой-то отдельной частью его жизни, ведь и его поэзия, и сама его жизнь были достоянием ордена. Уже будучи великим магистром, на одном из генеральных капитулов он узаконил празднование дня святой Варвары: день следовало начинать с чтения вслух «истории» святой; кроме того, «накануне надлежит позвать к вечерней трапезе двух нищих, и в день ее к утренней трапезе двух нищих, и к вечерней трапезе двух нищих».

Однако гораздо глубже на идеи ордена повлияло другое поэтическое произведение, тоже, по всей видимости, написанное Лютером. Это поэтическое переложение на немецкий язык двух книг Маккавеев. Ветхозаветное семейство Маккавеев, жившее во II веке до Рождества Христова, с их княжеством первосвященников являлось провозвестником рыцарских орденов: ради общего успеха Маккавеи тоже соединяли в своем служении религиозный и воинский долг. Поэтому папа Гонорий III мог приветствовать братьев как «новых Маккавеев в благие времена». И в книгах ордена Маккавеи символизировали его двойную задачу, являясь одновременно примером для подражания. Язык и образы были заимствованы из летописей немецкой миссии в Прибалтике XIII и XIV веков. Прочая немецкоязычная литература мало обращалась к книгам Маккавеев, вот почему ордену потребовалось перевести их: братьям необходим был пример воинства, объединенного религиозной идеей.

Этот перевод, вместе с другими переложениями Библии, был включен в роскошную рукописную книгу второй половины XIV века. Видимо, из скром-

ности автор этой книги себя не называет, сам текст тоже не дает никаких ключей к разгадке авторства. Ясно только то, что первое стихотворение, построенное на сюжете о Маккавеях, создано до 1331 года (когда уже появилось второе стихотворение), но, скорее всего, оно было написано гораздо раньше, поскольку в нем автор сожалеет об отсутствии законно признанного императора, а между тем в 1322 году Людвиг Баварский уже одержал победу над Фридрихом Австрийским. Но там, где упоминается «немецкий auctoris» и автор говорит о самом себе, начальная буква содержит герб великого магистра Лютера Брауншвейгского. Значит, произведение каким-то образом связано с Лютером. Возможно, автор посвятил его сыну нижнесаксонского герцога, занимавшему тогда пост комтура Кристбурга. А возможно, сам Лютер и был автором. Летописец второй половины XIV века сообщает о том, что великий магистр «сочинял немецкие книги». Итак, кроме легенды о святой Варваре он мог перекладывать на немецкий язык и другие произведения.

В Кракове хранится один том некогда трехтомного списка Библии, попавшего в Польшу в качестве военного трофея после битвы при Танненберге в 1410 году. Одна из миниатюр, содержащихся в этой книге, изображает рыцарей в белых плащах с черным крестом; таким образом, список изготовлен если не самими братьями, то, по крайней мере, по их заказу. В рукописи отмечено, что прибыла она в Кристбург в 1321 году по распоряжению комтура Лютера Брауншвейгского. Рукопись имеет непосредственное отношение к поэме о Маккавеях. Можно предположить, что именно в Кристбурге она и была написана в 1321–1322 годах, в таком случае автором ее является Лютер Брауншвейгский.

Это произведение сложно назвать изысканной поэзией. Тяжеловат язык, перегруженный вводными словами, к тому же слишком явно проступает латинский оригинал. Однако если говорить о том

значении, которое эта поэма, вероятно, имела в жизни Лютера, а тем более для ордена в целом, то критика здесь неуместна. Должность комтура в Кристибурге не исчерпывалась для Лютера лишь чисто практическими задачами — административной деятельностью, заселением земель и войной. Он жил и трудился во имя идеи своего ордена. Теперь эта идея прорисовывалась гораздо четче, чем сто лет назад, когда во имя нее же была начата борьба за Пруссию. Но и сто лет спустя братья не утратили глубокой связи с изначальной природой ордена. Однако теперь они начали задумываться о ней: жизнь ордена стала темой художественных произведений. В первой половине XIV века, как никогда прежде и никогда после, в Пруссии процветали поэзия и историография. Таково было веление времени: осознанный акт литературного творчества призван был отразить идеи монашеской и рыцарской жизни, борьбы с язычниками и вытекающую из этих идей необходимость миссионерских войн против пруссов и создания государства. Царил мир, страна активно развивалась в культурном отношении, и ей было под силу выполнить эту задачу.

Центральной фигурой этого культурного процесса стал Лютер Брауншвейгский. Он не был великим поэтом, однако то, что он реализовал свои яркие художественные способности, было несомненно важно и для него самого, и для ордена. Крепость Кристибург, возвышавшаяся над небольшим — чуть ли в одну улицу — городком, с видом на обжитые, процветающие земли была не только замком для комтура и его конвента и не только административным центром, руководившим заселением территорий. Здесь шла богатая духовная жизнь. Опытная рука переписывала ценнейшие рукописи, а в часы досуга комтур создавал поэтические произведения, призванные оживить и укрепить веру и мужество братьев.

Эта многогранная внутренняя жизнь была свойственна не только Кристбургу и не является уникальным достижением тогдашнего комтура. В первой половине XIV века так жило все орденское государство. Поэтому и в должности великого магистра Лютер мог не изменять своим увлечениям. Однако теперь ему приходилось ограничиться лишь поощрением чужих поэтических опытов. Он с радостью принимал все, в чем находил поэтическое искусство.

В лице нового великого магистра, который сам создал не одно поэтическое произведение, поэты справедливо рассчитывали найти своего покровителя. Лютер был избран главой ордена 17 февраля 1331 года, а уже 8 мая того же года каноник из Кенигсберга Тило Кульмский закончил поэму «О семи печатях». Посвящение гласило, что написана она во славу Господа и святой Марии и в честь братьев Немецкого ордена, а особенно в честь его великого магистра. Писал он очень быстро, это видно из текста: некоторые строчки присутствуют исключительно ради рифмы. Очевидно, Тило очень хотел первым представить Лютеру свое сочинение. Однако он рассчитывал поразить великого магистра не только быстротой, с которой он творил, но и необыкновенным латинским посвящением: искусный рифмоплет выстроил шесть гекзаметров таким образом, что читать можно было слева направо и снизу вверх.

По поручению Лютера неизвестный поэт создал еще одно духовное сочинение — поэтическое переложение на немецкий язык Книги пророка Даниила (поэтические переложения Библии были наиболее распространенным жанром в тогдашней литературе ордена), посвятив его братьям:

Они взяли за рыцарский меч
И изгнали с боем
Из Прусских земель
Идолопоклонников всех мастей.

Было, наконец, и историческое сочинение, написанное по заказу великого магистра. После того как кенигсбергский капеллан Николаус фон Ерошин сделал стихотворный перевод легенды о святом Адальберте, первом христианском мученике в Пруссии (ск. в 997 году), Лютер поручил ему переложить на стихи летопись ордена, составленную в 1326 году кенигсбергским священником и членом ордена Петром из Дусбурга. Это произведение было завершено уже после смерти Лютера, но если великий магистр дал такое поручение, он, несомненно, умел использовать таланты для поддержания главной идеи ордена и воспитания братьев в духе этой идеи.

С Кенигсбергом Лютера связывала общность духовных интересов, которая возникла, должно быть, еще в бытность его комтуром в Кристбурге. Однако то, что он принимал столь активное участие в жизни Кенигсберга, вовсе не случайность. Ведь именно в Кенигсберге собрались наиболее деятельные духовные силы. Бюргерство, маршал в орденском замке и самландский капитул в кафедральном соборе создавали трезвучие, которому вторило другое — города Альтштадт, Лебенихт и Кнейпхоф. В Кенигсберге велись летописи и писались стихи; на его площадях проходили духовные диспуты; здесь процветало книжное дело. Не в Кристбурге, с его ограниченным духовным пространством, и не в Мариенбурге, где жизнь великого магистра была слишком однообразна, а в Кенигсберге жили люди, близкие Лютеру по духу, и здесь была его духовная родина.

Поэтому он придавал такое значение своему путешествию в Кенигсберг, предпринятому в конце лета 1333 года. Оно отличалось от прочих рабочих поездок великого магистра. В иных замках он проводил по несколько дней, не более, а здесь, на востоке Пруссии, он задержался более чем на месяц. Первый документ был подписан им в Кенигсберге 28 августа, а последний — 18 сентября. В промежутке между этими двумя датами было совершено

путешествие в Побетем, в Самланде: необходимо было разрешить спор с самландским епископом по поводу строительства собора.

Епископ Иоганн и его соборный капитул планировали построить в Кнейпхофе церковный замок вроде тех, что и по сей день стоят в Мариенвердере и Фрауэнбурге. Орден же, разумеется, не мог допустить, чтобы прямо рядом с его замком появилась церковь, готовая в любой момент превратиться в боевую крепость. Поэтому он пытался всячески препятствовать уже начатому строительству. Великий магистр, обычно ратовавший за приумножение церковных служб, здесь настаивал на праве ордена, поскольку речь шла уже не о богослужении, а о политической власти. Когда соглашение, наконец, было достигнуто, в Лютере снова проснулся интерес к искусству. Оба документа, выданные 3 и 13 сентября, содержали точные, вплоть до мельчайших деталей, распоряжения по строительству. Кроме политического и военного, учитывался и художественный аспект. Всего себя отдал великий магистр этому плану.

А полтора года спустя Лютер дал указания насчет своего последнего пристанища: им должен был стать собор, в котором едва успели воздвигнуть клирос. На его могиле надлежало зажечь негасимую свечу, а саму церковь в случае его смерти ожидали щедрые пожертвования. Возможно, эти предписания призваны были несколько сгладить разочарование, которое, несомненно, испытывали в Самландском епископстве из-за срыва строительных планов. Хотя вряд ли Лютер Брауншвейгский стал бы руководствоваться такими соображениями при выборе последнего пристанища. Скорее всего, он был просто заинтересован в строительстве и, главным образом, в художественной стороне дела. А еще у Лютера существовали литературные контакты с Прегельштадтом и тамошним собором. Здесь был свой духовный мир, здесь повсюду царило творчество, весьма деятельное и плодотворное, и Лютер тоже при-

надлежал к этому духовному пространству; он желал сохранить ему верность даже после смерти. Поэтому своим последним пристанищем он избрал Кенигсбергский собор.

Предчувствовал ли он свою скорую кончину в начале апреля 1335 года, делая свои последние распоряжения? Еще 17 апреля в Штуме он подписал какой-то документ, а на следующий день умер по дороге в Кенигсберг, где и мечтал быть погребенным. Желание его было исполнено. Останки Лютера Брауншвейгского покоятся в небольшой нише в южной стене клироса. Там же находится деревянная доска, на которой отошедший в вечность великий магистр изображен лежа.

Немногих великих магистров потомство вспоминает со столь же глубоким почтением. Конечно, мужество его прославлялось, главным образом, в угоду традиции, и то, что его называли кладезем всех добродетелей, была лишь красивая фраза. Однако о его благочестии сохранились и вовсе не официозные свидетельства, благодаря которым становится понятно, на чем стояла эта личность. Он жил в ордене, как сказал об этом Тило Кульмский:

И на белом плаще
Он несет черный крест,
И несет в своей душе
Он великий свет
И не ждет за то награды.

Летописец, рассуждающий о приумножении церквей и о литературных произведениях Лютера, продолжает: «Частенько певал он в хоре, ибо умел выбрать правильную ноту, и особенным образом почитал он святую Елизавету как свою покровительницу». Вот каким человеком был брат Немецкого ордена и его великий магистр Лютер Брауншвейгский: он был предан вере и жил ради нее, он предпочитал «хоровое пение», неизменно оставаясь членом общины, внутри которой он трудился, движимый любовью к искусству, поэзии, строитель-

ству и благочестивым легендам. И братья были преданы своему великому магистру: «Тем более братья его во всем с ним соглашались и любили его».

Что касается внутреннего развития ордена, то здесь Лютер Брауншвейгский не только подавал пример истинного благочестия, переполнявшего орден. Он являлся творцом истории ордена, он помнил, с чего начиналось прусское государство и какую силу веры нес он в себе тогда. И как творец и участник этой истории, он попытался сделать ее совершеннее, насколько позволяла внешняя ситуация, и обогатить внутренне. При нем почти оформилась административная структура прусского государства, его политика, полным ходом шло освоение земель. Однако внешнего совершенства государство еще не достигло. Уже начала формироваться его новая сущность, а внешне оно по-прежнему объединялось силой веры. Лютер не отвергал волю к власти, которая была столь необходима прусскому государству. На какое-то время в государстве на равных действовали два руководящих принципа — власть и вера, — пока первая не начала превалировать над второй. При Винрихе фон Книпроде этот принцип руководства обрел свою полноту и уже не увязывался с изначальной природой ордена. Однако апогея в своем внутреннем развитии орден достиг прежде, чем своего внешнего расцвета. Лишь несколько десятков лет удивительным, неповторимым образом сосуществовали внешняя политика и внутреннее администрирование, военная и колонизационная политика, поэзия и архитектура. Подлинным представителем этой ярчайшей эпохи в истории ордена был великий магистр Лютер Брауншвейгский.

ВИНРИХ ФОН КНИПРОДЕ

Прежде чем закончился XIV век, успели смениться еще три великих магистра. Из них лишь преемник Лютера Брауншвейгского, бургграф Дитрих фон Альтенбург, достоин упоминания в контексте военной политики ордена (к тому же, будучи верховным маршалом в Кенигсберге, он активно покровительствовал всякому художественному творчеству). Наиболее важными событиями этого века были Калишский мир 1343 года, по которому польский король Казимир торжественно отказывался от Помереллии, и завоевание Эстляндии ливонской ветвью ордена, расширившее его владения в Прибалтике до самой Нарвы.

16 сентября 1351 года в Мариенбурге снова выбирали верховного магистра. Выбор пал на тогдашнего гротсскомтура Винриха фон Книпроде. Он стал во главе мощного и сплоченного ордена и богатейших земель. Свыше тридцати лет предстояло Винриху руководить орденом, вплоть до самой смерти 24 июня 1382 года. Ни один великий магистр со времен Германа фон Зальца не правил так долго. Время его правления характерно внутренней сплоченностью ордена, которая благоприятно сказалась на дальнейшем его развитии и на мирном строительстве прусского государства. Столь долгое пребывание у власти (1351–1382 годы), соразмерность

внутреннего и внешнего развития ордена и то достоинство, которое придавала ему сама фигура седовласого правителя, делают эти 30 лет чуть ли не самым блестящим периодом в истории государства.

Новый великий магистр был родом с нижнего Рейна. Его семейство именovalo себя по небольшому местечку Книпрат, что на правом берегу Рейна, в нескольких милях от Кельна. Нечасто выходцы из этих мест становились великими магистрами. Однако не случайно именно уроженец прирейнских земель представляет эту эпоху богатства и изобилия в развитии ордена.

Никаких сведений о юности Винриха не сохранилось, неизвестен даже год его рождения. Долго ли прожил он на благословенных берегах Рейна? Где принял обет Немецкого ордена и белый плащ? Возможно, уже на своей родине, а возможно, и позже. Впервые он упомянут в письменных источниках как брат ордена в Пруссии: тогда он был молод и занимал весьма невысокую должность. В 1334 году (впереди была еще целая жизнь — 50 лет) он — помощник попечителя Прусской Голландии, то есть занимает позицию адъютанта при незначительном должностном лице. Прусская Голландия же — одна из тех территориальных единиц, откуда заселение страны шло особенно интенсивно. Вот какую школу прошел будущий великий магистр.

Через несколько лет, в течение которых он, видимо, привыкал к новым для него отношениям в прусских землях, он начал стремительно подниматься по служебной лестнице и вскоре оказался в числе высших должностных лиц ордена. В 1338 году он стал комтуром Данцига. В 1341 году он покинул Западную Пруссию и занял пост комтура в Бальге, а двумя годами позднее включился в решение задач прусского государства на восточном

направлении, вселившись в маршальскую резиденцию в Кенигсберге.

В середине XIV века в западных землях прусского государства царил мир, а восточные комтурства все еще боролись с язычниками. Маршал стоял во главе орденского войска. Ему в обязанности вменялась защита границ, и ему подчинялось войско рыцарей, которые по-прежнему ежегодно прибывали на борьбу с язычниками. Однако боролись уже не с пруссами, а с их восточными соседями — литовцами, народом, который по языку был близок пруссам. Таким образом, решалась крупная военная задача, а ордену удавалось сохранять верность своему прежнему идеалу — рыцарскому служению церкви. Ордену нужно было оправдывать в глазах Европы свою изначальную сущность, к тому же его землям постоянно угрожали набеги литовцев — вот поэтому и велась эта безжалостная и кровопролитная война. Постоянные столкновения за пределами орденских земель доставляли преимущество то одной, то другой стороне. Однако эти мини-войны перерастали и в крупные военные действия; зачастую литовцы доходили до самого Самланда, как это случилось в 1370 году, когда состоялась битва при Рудау; но и орденские знамена не раз водружались над Каунасом и Вильной. Штабом всех этих военных действий был Кенигсберг, резиденция верховного маршала. То, что Винрих узнал в эти годы, занимая столь беспокойную и даже опасную должность, во многом определило его литовскую политику уже в должности великого магистра. Кенигсберг стал для него своего рода военной школой, а предыдущие годы, проведенные в западных землях ордена, подготовили его к решению административных задач. Годы учения не прошли для него даром. Он не только стал регентом молодой немецкой Пруссии, но и никогда не переставал быть ее первым рыцарем и воином.

Кенигсберг и должность маршала были для целеустремленного рейнца лишь промежуточным этапом. Уже в 1346 году он стал гросскомтуром и переехал в Мариенбург, где ему предстояло посвятить себя административным задачам, а их у активно развивающегося государства было немало. Таким образом, прежде чем занять пост великого магистра, он на протяжении нескольких лет принимал самое непосредственное участие в управлении орденом.

Пожалуй, никогда внешнеполитическая и внутриполитическая сферы жизни ордена и его государства не были настолько тесно связаны друг с другом, как в эти три десятилетия. Сельскохозяйственный расцвет орденских земель и развитие городов свидетельствовали о внутреннем сближении ордена и городов. Города и сам орден начали активно торговать на Балтийском море, затем в игру включилась большая политика: отстояв свое жизненное пространство, орден вскоре превратился в ведущее прибалтийское государство. И в Польше, и в Пруссии внутреннее строительство государства превалировало над чисто захватнической внешней политикой; на тот момент это позволило предотвратить серьезное столкновение, которое казалось неизбежным еще в первой половине века и впоследствии действительно произошло. Социальная и экономическая реорганизация Польши и непрекращающееся развитие орденских земель способствовали лишь мирной политике обоих государств. Что касается борьбы с Литвой, ордену, наконец, удалось увязать местные политические задачи с собственными идеями и внутренними законами своего развития. Это тесное переплетение внутренних и внешних задач прусского государства и сделало его столь весомой политической величиной, что и последующие поколения взирают на него с восхищением.

Однако главным все-таки оставалось внутреннее развитие, уже таившее в себе зерна будущей гибели.

Политическими отношениями с христианскими соседями Пруссии ведал великий магистр, хотя ничего для их урегулирования он так и не сделал. Великому магистру, который всю жизнь боролся с язычниками, ничего не стоило затеять какую-нибудь битву. Борясь против литовцев, он не забывал позаботиться о тыле, поэтому на других фронтах в это время поддерживался мир. К счастью, такая позиция великого магистра совпадала с установкам обоих королей, правивших тогда в Польше. Казимир Великий — в отличие от своего отца, Владислава Локетекса, который первым повел безжалостную борьбу с прусским государством и считал немцев своим главным противником, — был готов поддерживать «вечный» мир с орденом, отказавшись от притязаний на Помереллию, и посвятить себя более важным задачам на восточных и юго-восточных рубежах страны. В разрыве дружественных отношений с орденом не был заинтересован и венгерский король Людвиг (Лайош) Анжуйский, принявший наследство последнего Пяста. Таким образом, конфликты между Польшей и орденским государством, не дававшие им покоя несколько десятилетий, были улажены, и вплоть до начала следующего века орден мог бросить силы на решение других задач. И орден занялся торговлей.

Внутренняя административная система орденского государства была построена таким образом, что даже по мере развития и разрастания этого государства она успешно справлялась со своими функциями. При этом структура самого ордена, который выполнял официальные административные функции в каждой отдельной административной единице — комтурстве, продолжала развиваться: в течение XIV века шла централизация административной системы, образовывались и укреплялись цент-

ральные органы власти и высшие посты. Таким образом, в орденском государстве постепенно формировался центральный управленческий аппарат, характерный для современного государства.

В эту систему была включена и торговля ордена. Необходимо было экспортировать огромное количество зерна — урожай собственных имений и то, что поступило в виде податей, — сбывать янтарь, которым орден распоряжался в силу своих привилегий, и принимать ряд других экономических мер, и, соперничая со своими же городами, орден развернул самостоятельную торговлю. Для этого была создана центральная организация, возглавляемая двумя верховными управляющими в Мариенбурге и Кенигсберге. В отличие от остальной части государственной структуры, эта торговая администрация вовсе не способствовала поддержанию идей государства, а напротив, делала орден слишком «приземленным». Об этом свидетельствуют не только возникающие в результате конкуренции конфликты с городами, но и подделка документов о папских привилегиях: орден сам себе давал право вести торговлю, ссужать деньги и брать проценты. Но и в землях ордена материальное процветание грозило отходом от изначального замысла государства и утратой тех идеалов, на верность которым присягали все братья. Как и во всех орденах Западной Европы, внутренний упадок Немецкого ордена начался в тот самый момент, когда он достиг своего максимального расцвета. Но падение Немецкого ордена грозило к тому же и падением его государства.

Эта связь ордена с новой западноевропейской империей — империей денег, позволявшая развивать аграрную сферу, за счет которой существовали, особенно в эпоху колонизации, вплоть до середины XIV века, орденские земли, означала уход от истоков. Однако она же давала ордену возможность

шагать в ногу со временем, проявлять определенную гибкость, по крайней мере, в социальном и экономическом отношении, чего не хватало, например, цистерцианцам. Дух этой новой империи действительно глубоко проник в сущность ордена, затронув его военную стратегию и завоевательскую политику, а ведь именно в этом наиболее ярко выражался изначальный дух рыцарского братства. Некогда и военная стратегия, и сами завоевания служили идее ордена. Так были покорены язычники и распространена христианская вера. Война была особой миссией, а завоеванные языческие земли включались в христианскую правовую систему. Однако и ведение войны, и жажда завоеваний воплощали в себе волю к власти, которая вытекала из мужской природы рыцарства. В любом случае, и ведение войны, и завоевания в равной степени, шла ли речь о службе или о власти, требовали от братьев полной личной отдачи, их жертвы, их крови. Однако вне ордена о такой жертвенности речи не шло. Большим подспорьем была военная служба населения, однако военнообязанными были лишь те, кто жил согласно германскому праву. Другую большую группу в войске братьев составляли крестоносцы, воевавшие за веру, и рыцари, сражавшиеся ради славы. Все они несли военную службу согласно внутренним законам орденского государства. Став империей денег, орден стал платить за военную помощь, вербуя наемников. Впервые ему пришлось так поступить в 1331 году: тогда орден просто не смог выставить крестоносцев против христианской Польши. Аналогичная история повторилась уже после смерти магистра Винриха. Хотя подготовлена эта ситуация была как раз теми тремя блестящими десятилетиями его правления. Казалось бы, орден следовал своему предназначению, ведя военные действия. Однако, используя наемников, он перестал

быть верен себе и отказался от собственной установки: война ради идеи.

Деньги были поставлены и на службу внешней политике. Орден ссужал деньги, беря в залог территории. Он выкупал чужие права, чтобы гарантировать свои собственные. В конце концов, присоединение неязыческих территорий целиком строилось на деньгах: их просто покупали. И хотя формально орден греха не совершал, поскольку не вел завоевательных войн против христианских правителей и стран, но политика экспансии теперь строилась не на войне, а на деньгах, и тем самым орден еще более грешил против закона собственного бытия.

А тем временем начался истинный рост прусского государства, затронувший, главным образом, города, развитие которых продолжалось уже при новых условиях. Торговые связи, в которых главным статьей экспорта было зерно, а главной статьей импорта — ткани, достигали Англии, Испании, Португалии и охватывали всю Прибалтику. Объем торговли непрерывно рос. Данные того времени свидетельствуют о постоянном росте налогов, который сопровождал мощному росту товарооборота. В Данциге действовало свыше 30 различных мастерских: горожане успешно занимались различными ремеслами.

Но благодаря торговле возникли и новые политические связи. Первыми объединились шесть ганзейских городов — Данциг, Кенигсберг, Торн, Кульм, Эльбинг и Браунсберг¹. С одной стороны, этот союз представлял интересы всех орденских земель, и сам орден защищал права ганзейских городов, однако, когда это было на руку ордену, он делал вид, что непричастен к их внешней политике. В 1368 году дело дошло до войны Ганзы

¹ Ныне г. Бранево (Польша). — *Прим. ред.*

с датским королем Вальдемаром IV Аттердагом; кроме вендских и нидерландских городов, в этой борьбе участвовали и прусские города, принадлежащие к союзу, орден же при этом сохранял нейтралитет. При всей четкости внутреннего построения орденового государства, политические отношения между орденом и населением его земель, между сувереном и сословиями, были недостаточно отрегулированы, они просто сосуществовали в едином географическом пространстве благодаря совместному росту и процветанию. Победа Ганзы, зафиксированная Штральзундским миром 1370 года, была также и успехом Пруссии. Она вступила на свой собственный путь к политической власти, проложенный благодаря торговле. С тех пор как братья из Любека и Бремена основали в Иерусалиме немецкий госпиталь, с тех пор, как Любек стал свободным имперским городом и начал завоевание Пруссии, связь между орденом и его нижнесаксонским государством не потеряла своей важности. Однако теперь прусское государство занимали уже экономические и политические отношения в масштабах всей Прибалтики, о чем свидетельствовала победа над Данией. Пруссия стала одной из величайших прибалтийских держав, но не потому, что сама выбрала этот путь: такова была воля ее больших городов. А их внешняя политика была бы невозможна, если бы не сохранились основы орденового государства, поэтому то, что Пруссия стала влиять на торговлю в Прибалтике, является одной из побед правления Винриха фон Книпроде.

Эти экономические и политические победы прусских городов не только способствовали их расцвету, но и во всех отношениях обогащали их внутреннюю жизнь. Городская культура заметно потеснила рыцарскую. Наравне с орденовыми замками, в которых теперь царил дух предпринимательства, самостоятельными центрами духовной жизни стали города:

к середине XIV века поэзия начала угасать, историография измельчала как жанр, и в городах всю мощь расцвело духовное творчество, но уже на здоровой материальной основе. Бюргерские идеалы заменили рыцарские, верх взяло денежное хозяйство — это были общеевропейские тенденции, однако в Пруссии они накладывались на сущность ордена и основы его государства, которое, несмотря на всю реальность своего существования, жило вне времени. Эти тенденции обрели силу лишь в следующем веке, однако, подобно любым историческим процессам, зарождались еще тогда, когда их исторические оппоненты начали обретать чистоту формы. Ибо когда деньги уже заняли в Пруссии свои прочные позиции и крупные города полной грудью вдохнули воздух свободы, совершив ряд внешнеполитических побед, в землях ордена в последний раз наступил расцвет рыцарства.

На северо-востоке перед рыцарством стояла конкретная задача, все та же задача ордена — борьба против язычников. Действия ордена против литовцев повлияли на политическую ситуацию в его восточных землях, однако иначе, нежели на юге, западе или на побережье Балтийского моря. Походы ордена против жемайтов и литовцев преследовали две цели. Прежде всего они призваны были продемонстрировать неизменную верность братьев своему долгу. Пока за воротами орденских владений стояли язычники, ордену надлежало с ними воевать, если, конечно, он всерьез воспринимал свой долг по отношению к христианской церкви.

Но борьба с литовцами преследовала еще одну цель. Орден постепенно осваивался в своем политическом пространстве, и его внешняя политика все более определялась отношениями отдельных политических сил. Это вынудило орден пойти на конфликт с Польшей и пытаться восстановить территориальную связь с Германией. Таким образом,

потребности реальной политики государства несколько изменили миссионерский характер борьбы, который еще присутствовал в войнах против пруссов, заставляя направлять силы против литовцев. В Ливонии, хотя и не так стремительно, как в Пруссии, на месте миссий и поселений постепенно появлялись немецкие государства. Все они складывались в единую систему орденского государства. Однако территориально они были, как правило, разделены. Узкая полоска земли, Куршская коса, связывала между собой Самланд и Курляндию и в любой момент могла быть перекрыта литовцами. Необходимо было более надежное сухопутное сообщение вдоль Куршского залива, нужен был широкий мост через жемайтские территории, который навсегда бы соединил орденские земли. За это и боролся орден в XIV и даже еще в XV веках. Ко времени правления великого магистра Дитриха фон Альтенбурга орден с помощью императора Людвига Баварского документально закрепил свои притязания на жемайтские и сопредельные с ними территории. На бумаге снова возродились старые идеи о праве Римской империи, высказанные некогда Фридрихом II в его Золотой булле от 1226 года. Однако времена изменились, стала другой и политическая ситуация на востоке. Литвой теперь управляла сильная династия. Во времена Винриха фон Книпроде и его преемников на востоке Литва упиралась в русские территории, а на западе и на севере зорко охраняла свои границы от государств ордена. Столь необходимый ордену мост между Пруссией и Ливонией мог быть только временным. Орден уже не в состоянии был защищать его, даже мобилизовав все силы: последняя серьезная внешнеполитическая задача, поставленная перед ним всем ходом его развития, оказалась ему не по плечу.

Литовцы не оставляли в покое прусско-ливонский перешеек, и великий магистр вынужден был пред-

принимать чуть ли не ежегодные «путешествия». Во время этих путешествий решались различные задачи, из которых и складывалась борьба ордена за его территории, и борьба эта шла по всей Европе. В эти годы папа писал императору Карлу IV: «Какой любви, какой милости и благосклонности заслуживает Немецкий орден, этот самый надежный оплот христианства, трудолюбивый сеятель христианской веры и славный покоритель неверных, в глазах правителей и всего христианского мира, то Твоя Светлость прекрасно поймет, узнав о великих делах членов этого ордена, и какие-либо советы с нашей стороны здесь были бы излишни». Как в былые времена, император и папа, власть мирская и власть церковная, простерли руку над орденом. Однако величайшей миссией братьев, о которых узнали правители и дворяне Европы, было не столько сеяние христианской веры, сколько сама борьба, ибо она только и могла послужить вере. В Европе культура рыцарского служения давно исчерпала себя, от нее остались лишь внешние атрибуты. В XV веке, подобно короткой вспышке, она на какое-то время появилась в Бургундии, однако настоящие рыцари остались лишь на востоке, под знаменами ордена. Там было поле боя, достойное рыцарского служения, где могли бы найти применение все мужские добродетели. Там еще можно было найти настоящее рыцарство: это было нечто большее, чем внешняя форма и игра.

Вот что манило многих в дальние прусские земли и заставляло правителей разных земель отправляться на восток. Французские вельможи и английские принцы оказывались при дворе великого магистра в Мариенбурге и в орденском войске. Для немецкого дворянства величайшей честью было посвящение в рыцари в литовском походе. В Европе рыцарство как образ жизни почти перестало существовать или утратило свой глубокий внутренний смысл, а в

главной резиденции ордена, стены и шпиль которой возвышались над Ногатом, неожиданно начался его расцвет.

Теперешние рыцари предпринимали свои походы ради иных целей, нежели крестоносцы, боровшиеся вместе с орденом против язычников-пруссов. Изменился и сам орден, сформировавшийся из немецкой знати и по-своему отражавший ее умонастроения. Дело не только в том, что орден вынужден был больше, чем ему бы того хотелось, подстраиваться под своих добровольных помощников, чтобы не лишиться ежегодного притока сил, просто и внутри него совершалась некая эволюция. Среди братьев теперь преобладали рыцари. По сравнению с рыцарским образом жизни, монашеская жизнь теперь казалась бессмысленной. В двойном предназначении ордена сиюминутное одержало победу над потусторонним. Поэтому и борьба с литовцами постепенно теряла свой религиозный смысл, превращаясь в рыцарскую забаву. Язычник уже не был врагом веры, подлежащим безжалостному уничтожению, как сказал бы летописец первой половины века. Язычник был боевым противником, он не был хуже братьев или крестоносцев. Теперь летописец уже мог позволить себе похвалить литовского главаря за удачный набег, а ведь прежние летописцы только сожалели бы о поражении христианской веры. А сами походы против язычников были теперь для германских рыцарей не более чем веселой охотой. Они углублялись в земли жемайтов, насколько позволяла погода и прочие условия, грабили, жгли и преследовали врага:

Не унывай! Гони да нападай!
Представь, что это лисы или зайцы.

Поистине блестящим рыцарским упражнением можно назвать путешествие молодого герцога Альбрехта III Австрийского, который в 1377 году при-

был в Пруссию в сопровождении 2000 конных воинов и поэта Петера Зухенвирта, поскольку

По зову сердца прибыл он сюда,
Он в рыцари желал быть посвященным.

Теперь в военный поход отправлялись ради посвящения в рыцари. Пребывание в Пруссии началось с пышных празднеств в Торне и Мариенбурге. Затем в Кенигсберге для самых прославленных рыцарей накрывали «почетный стол»: на праздничной трапезе их удостаивали чести сидеть выше остальных воинов, за особом столом великого магистра, и щедро одаривали. А потом начинались и сами военные действия; рыцари шли

в страну Позора и Стыда,
на свадьбу — дорогие гости.
Пришли непрошенно, и кости
нашли языческие в танце,
и шестьдесят их полегли,
потом деревню подожгли,
и пламя встало в облака¹.

Во вражеских землях юный герцог получил «почетный удар» мечом, что и сделало его рыцарем; кроме него еще 74 молодых дворянина были посвящены в рыцари. Цель похода была выполнена. Взяв нескольких пленных и подустав на марше, во время которого, как утверждает поэт, лошади по самые седла увязали в грязи литовских дорог, рыцари вернулись в Пруссию. В Кенигсберге началась новая серия празднеств, потом великий магистр поблагодарил юного князя за то, что он «поистине благопристойно» выдержал это испытание, и Альбрехт, воспетый поэтом, вернулся на родину.

Рыцарский элемент ордена обрел ко времени правления Винриха фон Книпроде свой благородный

¹ Перевод А. Прокопьева.

чеканный профиль. Господствовала культурная форма правящего слоя, который, приняв обет Немецкого ордена пресвятой Девы Марии, управлял страной. Именно теперь на небывалую высоту поднялась архитектура ордена, характерная своей монументальностью и богатством формы, а поэтическое искусство, процветавшее в первой половине века, напротив, угасло. Внутренний пыл, творчество, идущее от самого сердца, царившие во времена Лютера и в поэзии, и в колонизационной политике, исчезли под тяжестью внешних форм. Так выглядит эпоха Винриха. Давно проросли зерна немецкой культуры, брошенные в свежую прусскую почву. Созревал урожай. Благодаря стараниям самого ордена, политическая и культурная жизнь государства приняла окончательные и совершенные формы. Казалось, богатству и власти не будет конца. Уже позднее появились рассказы о зажиточных крестьянах, отличавшихся небывалой заносчивостью: якобы они посадили великого магистра на сундук с золотом, а самих так и распирало от чванства. В Германии сообщалось о переполненной орденской казне в Мариенбурге. Похоже, Пруссия никогда не была так богата и так счастлива, как теперь, когда пост великого магистра занимал убеленный сединами Винрих фон Книпроде.

Однако не стоит искать в этом заслуги самого Винриха: он не более причастен к этому, чем его великие предшественники и последователи. Эпоха богатства и изобилия не могла быть порождением воли отдельной личности. Великий магистр был скорее выразителем своей эпохи. С истинным мужеством и мудростью, присущей старости, он руководил наиболее важной частью рыцарского бытия. К тому же он как государь твердой рукой направлял и упорядочивал разнообразные силы подвластных ему земель. Он способствовал развитию городов. А когда летописец ордена сообщает о нем:

И с особенным почтением
Относился он к крестьянам,

то становится ясно, что великий магистр проявлял заботу о крестьянстве, о чем свидетельствуют и решения капитула насчет хорошего обращения с крестьянами на орденских землях.

Блеск богатства и высшей власти озаряют образ седовласого магистра. Еще не закончился рост ордена, и продолжала развиваться немецкая культура орденских земель. А ведь предстояли и новые задачи, и новые успехи. Дворец верховного магистра в Мариенбурге, великолепное произведение искусства ордена, был закончен лишь к концу XIV века. Винрих фон Книпрوده умер 24 июня 1382 года, оставив после себя полную сил и окончательно сформировавшуюся страну. Летописцы его времени с похвалой отзываются о его рыцарских добродетелях, заботе о крестьянах, вдовах и сиротах. В его лице миру предстало орденское государство во всем его блеске и величии:

Повсюду славно его имя
И знает его целый свет.
Такого не было доныне.

Однако так ли хороша была жизнь, которую воплощал Винрих? В его правление уже перестал бить источник, некогда питавший поэтическое и административное вдохновение Лютера Брауншвейгского. И поздний расцвет рыцарства в новых немецких землях не мог длиться долго. Величественный образ магистра Винриха и его время предстают перед нами во всем их блеске. Но, подобно бабьему лету, это великолепие вот-вот должно было исчезнуть под натиском скорых холодов.

ГЕНРИХ ФОН ПЛАУЭН

Политическая система, которая развивалась на востоке Центральной и в Восточной Европе в первой половине XIV века и окончательно сложилась при Винрихе фон Книпроде, начала выкристаллизовываться к концу века. Теперь заложенные прежде политические тенденции развивались как бы по инерции, а при малейшем сдвиге в этом планомерном движении государства оказывались втянутыми в конфликты, решить которые можно было только с помощью силы. Орденское государство продолжало разрастаться, насколько позволяло его географическое положение. Напряженность в отношениях с польским соседом усиливалась, и если орден намеревался сохранить целостность своих земель по нижнему течению Вислы, ему следовало не спускать глаз с этого естественного рубежа. Вот почему орден выразил готовность за немалую сумму выкупить у князя Ладислава Опольского княжество Добжинь на Висле. В 1402 году он приобрел у Сигизмунда Венгерского Новую Марку лишь для того, чтобы она не досталась Польше; орденские территории начали разрастаться к западу и уже вскоре могли слиться с германскими землями, в то время как территории вдоль рек Нотец и Варта соединялись с землями по нижнему течению Вислы. Новое приобретение, как и покупка Добжиня, было

чревато увеличением трений в отношениях с польским соседом. Успешно развернутая в середине века политика ордена в Прибалтике, которая складывалась из участия в мирном соперничестве и военных конфликтах, и здесь переросла в покупку территорий: в 1398 году орден приобрел остров Готланд, чтобы положить конец пиратским налетам; десять лет спустя остров снова был продан королю Норвегии и Швеции Эрику, но в течение десяти лет орден мог серьезно влиять на ситуацию в Балтийском море. Договор 1384 года с князем Витовтом Литовским, наконец, закрепил право владения жемайтскими территориями, которые являлись сухопутным мостом между прусскими землями ордена и Ливонией; однако это был лишь подготовительный шаг: далее предстояло выяснять отношения с восточными и южными соседями.

Главное же событие произошло за пределами орденского государства: в 1386 году литовский князь Ягайло, женившись на королеве Ядвиге, наследнице польской короны, принял христианство и польский королевский престол, вслед за ним приняла христианство и вся Литва. Вскоре страна в качестве княжества, где остался править двоюродный брат Ягайло, Витовт, вошла в унию с Польшей, а новый польский король, принявший имя Владислава, оставался великим князем литовским. Теперь с юга и востока орденские земли оказались захваченными в клещи, которые в любой момент могли сомкнуться. С появлением польско-литовского союза прекращала свое существование целая система других союзов, которая начала складываться на востоке еще в первые десятилетия XIV века; война была неизбежна. И прусская, и польская стороны всячески пытались ее отсрочить. Однако предотвратить ее было невозможно. Мирных средств уже было недостаточно, чтобы привести в порядок затвердевший геополитический рельеф.

Тем временем внутри орденового государства оформились политические группировки, и прежнее равновесие между орденом, епископами, городами и рыцарством сменилось некоторым внутренним напряжением, которое при определенных внешних обстоятельствах могло вылиться во внутренний кризис. Еще в 1390 году великий магистр мог написать об орденовой политике в отношении городов: «То, что они удалены от городов общины и не принадлежат к общине, нашим городам невыгодно и неудобно». Однако в начале нового века эта политика приобрела унитарный характер. Сложно сказать, оставались ли еще тогда у орденового государства общие политические и экономические интересы с крупными городами, но их весьма независимая политика, в частности, основание в 1397 году Союза ящериц (объединения рыцарей Кульмской земли), говорит о том, что внутренние отношения между государством и сословиями, представлявшими население земель, становились все более напряженными.

Таким образом, по мере развития, как внутриполитического, так и внешнеполитического, неизбежно назревали решения, затрагивающие основы орденового государства. А оно по-прежнему, как и 200 лет назад, исходило из того, что лишь орден и его великий магистр являются носителями власти. Построение ордена определяло и структуру государства. В уже сложившуюся конструкцию был включен народ, сама же структура ордена оставалась неизменной, и орден рассчитывал, что столь же неизменной будет и структура населения, состоящего из пруссов и немцев, а оно, между тем, уже начало срачиваться в единый народ. Любое изменение этого порядка означало не только внутреннюю перестройку государства, но и являлось предательством по отношению к закону ордена, который распространялся лишь на братьев. Орден вовсе

не желал перестраивать свою внутреннюю политику, как, впрочем, не желал отказываться и от своей внешнеполитической идеи, на которой строилось его государство. Ведь главным и во внутренней, и во внешней политике была борьба с язычниками. Соседство с язычниками было необходимо, чтобы с ними бороться (таков был долг христианина). Нельзя было допустить, чтобы христианство пришло с другой стороны. Христианизация Литвы выглядела несколько неправдоподобно; братья, не без основания, видели в польско-литовском союзе не только внешнеполитическую опасность, но и серьезную угрозу самому существованию орденского государства, которое в отсутствие боевой задачи теряло всякий смысл. Ведь не только ради мнения Европы, которая по-прежнему поставляла ему в помощь своих рыцарей, орден продолжал выполнять свой долг. В существовании государства должен быть определенный смысл, и братья, пытаясь сохранить идеи и задачи своего государства, поддерживали в нем жизнь. Теперь крах был неизбежен: идея, в XIII веке покорившая и наполнившая жизнью восток, больше ничего не значила.

Итак, братья стояли перед выбором: закон ордена или закон государства. И лишь один человек был готов отказаться от идеи ордена и предпочесть государство — великий магистр Генрих фон Плауэн. Так он и поступил, хотя братьями поддержан не был. Вот почему его ждала неудача. Мнению братьев он противопоставил свою сильную волю. Он был один против целой общины. Судьба его отличается от столь похожих между собой судеб целой вереницы великих магистров, ибо она определяется законами трагедии. Единственной трагедии, разыгравшейся внутри сплоченных рядов ордена.

Генрих фон Плауэн был родом из тех же краев, что и Герман фон Зальца и еще кое-кто из великих

магистров и братьев Немецкого ордена. И в нем жил дух тех мест: как истинный тюрингец он был склонен к размышлениям, и одновременно, как и всем жителям восточногерманских земель, ему были присущи прямолинейность и суровость. Многие связывало родину Генриха с Пруссией, и выходцу из Тюрингии не так уж сложно было попасть в орден и его прибалтийское государство. С XIII века, когда предпринимались частые крестовые походы и вовсю велась борьба с язычниками, фогты из рода Плауэнов были связаны с орденским государством. С этого времени братья из рода Плауэнов то и дело упоминаются в истории ордена. Все они были Генрихами. И все, по крайней мере, те, о ком нам что-нибудь известно, отличались той неудержимой, грубой силой, которая так и рвалась наружу. Трое из Плауэнов были братьями ордена на момент битвы при Танненберге. Четвертый слишком поздно прибыл с подкреплением с их общей родины. Но из всех Плауэнов лишь один смог достичь служебных высот и войти в историю.

Генрих родился в 1370 году. Впервые он попал в Пруссию в возрасте 21 года, приняв участие в походе крестоносцев. Многие, пройдя через такое испытание, становились братьями ордена. Он действительно вступил в орден через несколько лет и второй раз прибыл в Пруссию уже в белом орденском плаще. В 1397 году он был компаном, то есть адъютантом комтура в Данциге. Год спустя он уже занял должность хаускомтура, которая заставила его окунуться в многообразные связи с органами самоуправления этого гордого ганзейского города; полученный в эти годы опыт явно сказался впоследствии на отношении великого магистра к Данцигу. Проведя много лет в Кульмской земле в качестве комтура Нессау, в 1407 году он был назначен тогдашним великим магистром Ульрихом фон Юнгинген комтуром Швеца, небольшого округа

в южной Помереллии. Никаких особых успехов и головокружительных побед не было в его карьере. Он спокойно продвигался по служебной лестнице, подобно многим другим братьям. Ничто не говорило о том, что комтур Швеца, многие годы скромно выполнявший свои служебные обязанности, вознесется на небывалую высоту в момент крушения государства, достигнув поистине трагического величия. Генрих фон Плауэн был бы человеком с обычной судьбой, не будь столь необычным само время. Он жил под покровом обыденности, пока судьба не призвала его; с тех пор он повиновался лишь ее зову, противостоя закону, по которому жил прежде, времени и людям, посвятив себя полностью своей новой задаче и тому пути, который желал пройти до конца — к победе или поражению.

С тех пор как образовался литовско-польский союз, наступление на Литву, которая для ордена по-прежнему оставалась языческим государством, означало и наступление на Польшу. Великий магистр Ульрих фон Юнгинген, пытавшийся, покуда у ордена хватало дыхания, развязать эти вражеские узы, не видел теперь для этого иного способа, кроме войны. Война началась в августе 1409 года, однако вскоре установилось перемирие, и важный шаг опять был отложен. Переговоры и решения третейского суда призваны были уладить то, что можно было уладить лишь с помощью меча. К 24 июня 1410 года, когда истек срок перемирия, стороны уже жаждали битвы.

Местом сбора орденского войска великий магистр назначил замок Швец, резиденцию Генриха фон Плауэна. Как один из юго-западных форпостов орденских земель он как нельзя лучше подходил для этих целей; здесь ожидали польского наступления из Великой Польши, сюда же должны были прибыть собственные войска ордена и наемники из империи, а также из Померании и Силезии, и как

можно скорее воссоединиться. Таким образом, Швец, в отличие от большинства других крепостей ордена, был прекрасно подготовлен к обороне орденских земель с юго-запада. А вражеское войско между тем собиралось в другом месте. Своей целью оно избрало главную резиденцию ордена, Мариенбург, однако, обходя бассейн реки Древенц, войско вынуждено было двинуться на восток и 13 июля взяло Гильгенберг, начисто разорив его. 15 июля 1410 года два вражеских войска выстроились лицом к лицу между деревнями Грюнфельд и Танненберг. Небольшая немецкая армия не решалась начать первой, но объединенные польско-литовские войска тоже чего-то ждали, а между тем солнце на горячем июльском небе поднималось выше и выше. Тогда великий магистр направил к польскому королю с герольдами два меча, приглашая сразиться, как подобает рыцарям. Ягайло принял вызов. Вскоре началась битва. Поначалу прусским воинам сопутствовал успех: сам великий магистр трижды врезался во вражеские ряды во главе своих рыцарей. Однако позднее войско ордена было обойдено с флангов, к тому же рыцари из Кульмской земли оказались предателями: они позорно бежали по сигналу своего знаменосца Никкеля фон Ренис (тот опустил знамя). Это решило исход битвы. Великий магистр, почти все высшие должностные лица ордена, 11 комтуров, 205 рыцарей ордена пали в битве, а войско ордена разметало на все четыре стороны.

На поле боя при Танненберге сошлись не просто два вражеских войска, а два мира. Против четких и благородных форм западного и немецкого рыцарства поднялся неоформившийся мир Востока, разрушительно нацеленный на Запад. И этот мир победил. Логичнее было бы, если бы он не смог победить.

Оставшиеся в живых братья сдали свои крепости польскому королю. Иные выносили «оттуда какое

могли имущество и деньги. Часть братьев, утратив все, ушла из страны; другая часть подалась к князьям и господам Германии и сетовала на тяжкие беды и страдания, ниспосланные ордену». Летописец того времени не мог не сожалеть об этом. Однако он не осуждает орден. Куда тяжелее была жертвенная гибель 200 братьев на поле брани при Танненберге. Пока такие люди, как великий магистр Ульрих фон Юнгинген и его воины, погибали за орден, ни у кого не было права сомневаться в нем. Конечно, они боролись уже не за миссионерские идеи. Но жизни их были принесены в жертву ордену. Мужественные воины и не могли поступить иначе. Однако костяк ордена не был поражен в Танненбергской битве. И когда Генрих фон Плауэн выразил желание спасти Мариенбург, те, кто остались в живых, возложили на него эту миссию.

Поражение при Танненберге неожиданно вскрыло внутреннюю ситуацию в государстве. Не было столь необходимого государству внутреннего единения между братьями и народом орденских земель. Структура государства и его население, форма и содержание, соединенные в силу необходимости, продолжали существовать независимо друг от друга. Сначала их связывал общий рост и становление, потом, однако, их интересы разошлись: теперь у сословий, местной знати, городов, даже епископов, была собственная корысть, которая не совпадала с притязаниями ордена-суверена. И все они, даже «не выдавшие ни щита, ни копья», присягнули польскому королю в надежде на имущество разбитого (как они полагали) ордена. Генрих фон Плауэн мужественно воспринял это известие, оказавшись достойным преемником воинов, павших при Танненберге. Однако непростая задача по спасению государства целиком и полностью ложилась на его плечи. Несокрушимое мужество воинов ордена вы-

звало его к исторической миссии. Но едва взошла его звезда, начал неумолимо приближаться его крах.

Теперь, когда больше не существовало старого порядка, открылся путь величию отдельной личности. Плауэн долго находился в тени, прежде чем настал его час. Судьба уберегла его от битвы «для особой славы и милости», как выразился один летописец. Известие об ужасающем поражении при Танненберге, подобно ветру, ворвалось в страну, угрожая смести остатки государства, а братья, вместо того, чтобы спасти то, что еще можно было спасти, начали разбегаться; тогда-то и наступило время Генриха фон Плауэна — он был уже не просто комтуром среди нескольких уцелевших братьев. Пришло время взять власть и употребить свою жестокую волю ради великой цели.

Генрих поднял оставшиеся войска и поспешил в Мариенбург. Важно было удержать главную резиденцию ордена, которая была изначальной целью вражеского войска. Двоюродный брат Генриха, не успевший принять участие в битве, поджидал его неподалеку со свежими силами; этот «мужественный и добрый воин» (как его именует летописец) тоже был готов включиться в борьбу. 400 данцигских «корабельных детей», как тогда называли матросов, составили желанное подкрепление. Город Мариенбург был предан огню, дабы не послужил он приютом для врага. Приказания теперь отдавал комтур Швеца. Братья, оставшиеся в крепости, избрали его штатгальтером великого магистра, хотя это было лишь чисто формальное подтверждение уже и без того принятых им на себя полномочий.

Прошло десять дней после битвы при Танненберге; подойдя к замку, польско-литовское войско нашло своего противника во всеоружии. На месте города осталась лишь груда пепла, но и она служила обороне. 4000 человек, в том числе и жители Мариенбурга, ожидали битвы. А ведь поляки и здесь

рассчитывали одержать скорую победу. День за днем продолжалась осада, и каждый новый день означал моральную и военную победу немцев. «Чем дольше они стояли, тем меньшего добивались», сообщает летописец ордена о врагах. Осажденные предприняли вылазку, и возглавили ее матросы; «когда выбежали они из крепости, немало труда стоило вернуть их обратно», рассказывает летописец об этих отважных головорезах. Каждый день осады работал на немцев и против поляков. На западе фогт Новой Марки собирал прибывших из Германии наемников, с северо-востока двигалось ливонское войско ордена. А тем временем осажденные смело наносили удары по полякам, литовцам и татарам из ворот крепости. В ордене пересказывали слова польского короля: «Думали мы, что осаждаем их крепость, однако же сами оказались в осаде». В лагере перед замком свирепствовали эпидемии. Военного братства поляков и литовцев как не бывало. Великий князь Литовский Витовт со своим войском ушел, в конце сентября вынужден был снять осаду и польский король Владислав Ягелло. Мариенбург отважно оборонялся больше двух месяцев и был спасен. Это была первая победа твердого и решительного характера Генриха фон Плауэна. 9 ноября 1410 года в освобожденной столице ордена Генрих был избран великим магистром. Эта церемония утвердила его право на власть, которую в тяжкие времена взял он в свои руки.

Он был единственным человеком, у кого достало мужества продолжить борьбу после поражения прусской ветви ордена; лишь он один знал, как должен дальше развиваться орден. Теперь речь шла уже не о боевом мужестве, выказанном его предшественником Ульрихом фон Юнгинген на поле брани. Здесь требовалось мужество иного рода: нужно было день за днем отдавать свою жизнь службе, нужно было быть беспощадным к себе и к тем, кто еще может принести пользу, следовало отказаться от стариков, в которых не было проку,

и все ради единственной цели — спасти орденское государство.

В феврале 1411 года был заключен Торнский мир, условия которого определила победа ордена в Мариенбурге. Прусские владения остались за орденom. Жемайтия, сухопутный мост между Ливонией и Пруссией, отходила Ягайло и Витовту, однако лишь в пожизненное владение. Кроме того, необходимо было выплатить 100 000 коп¹ богемских грошей. Судя по всему, великий магистр не отдавал себе отчета в том, что эти выплаты окончательно обескровят и без того ослабевшее орденское государство.

Постоянные доходы обедневших земель никогда бы не составили требуемой суммы. Генрих решился взвалить это тяжелое бремя на плечи братьев. Теперь он воспользовался правом магистра, и, выражая свое повиновение, братья должны были передать ордену все деньги и серебро, которые были в замках и которыми владели рыцари. Генрих был тверд в своих требованиях к братьям, однако и для себя не делал исключения. Но, поскольку страдали господа, жертвы требовались и от подданных. Генрих выдвигал доселе неслыханные требования: чтобы осуществить лишь первую долю выплат, он считал необходимым ввести особый налог. Представители сословий, то есть представители городов, дворян и духовенства, признали его необходимость и, собравшись 22 февраля 1411 года в Остероде, одобрили это предложение. Для внутренней политики верховного магистра это была серьезная победа.

Он чуть ли не силой вынуждал страну к жертвам. Лишь Данциг отказался выплачивать новый налог. Ведя во время войны ловкие переговоры и с польской, и с прусской стороной, этот целеустремленный ганзейский город пытался обрести независимость, которой обладали другие прибалтийские ганзейские

¹ Коп — мера в 60 единиц. — *Прим. ред.*

города. Торнский мир обманул их ожидания. И теперь, отказываясь платить налог, Данциг пытался хотя бы ослабить власть орденского государства. Но переговоры закончились катастрофой.

Став великим магистром, Генрих назначил комтуром Данцига своего младшего брата. И он тоже носил имя Генрих фон Плауэн. Казалось, трения между орденом и городом несколько уладились. Ситуация едва разрядилась, как комтур совершил абсолютно бессмысленный поступок. 6 апреля 1411 года, вызвав на переговоры данцигских бургомистров Лецкау и Хехта и члена городского совета Гросса, он велел схватить их прямо в замке, и на следующую ночь они были казнены. Лишь через неделю горожане узнали об их смерти. Да и сам великий магистр оставался в неведении несколько дней. Потом, однако, он взял на себя ответственность за действия комтура — не как брат, а скорее как представитель государственной власти — и далее действовал очень решительно: произошли серьезные изменения в составе совета города — туда были введены представители цехов, призванные противостоять махинациям данцигского патрициата.

Все это еще более сблизило братьев. Вскоре комтур Данцига стал единственным доверенным лицом великого магистра. У них были не только одинаковые имена, но и слишком похожие характеры. Разница была лишь в том, что комтур был моложе, и потому жесткость и грубость его характера сразу же находила выход, а великий магистр умел себя сдерживать, направляя энергию на великие цели. Однако и великие качества, присущие магистру, были не чужды его младшему брату. Конечно, им не хватало главного — глубокой морали, и деятельность старшего брата слишком страдала от этого. И пока не совершилась трагедия его жизни, младший брат оставался лишь его злой тенью, таким демоном, обретшим плоть, черной силой, ворвавшейся в его судьбу.

Различие же между братьями проявилось тогда, когда понадобилось пролить кровь подданных, дабы очистить государство. Не прошло и месяца со дня той казни в Данциге, как были схвачены комтур Редена, Георг фон Вирсберг, и несколько дворян; они обвинялись в том, что готовили убийство великого магистра, место которого должен был занять Георг фон Вирсберг, и собирались взять в плен комтура Данцига, а земли передать Польше. И здесь магистр действовал решительно. Николаус фон Ренис, предводитель объединявшего рыцарей Кульмской земли Союза ящериц, который во время битвы при Танненберге подал сигнал к бегству, и еще несколько дворян закончили свою жизнь на эшафоте. Комтур Редена был приговорен капитулом ордена к пожизненному заключению.

Тем заговор и закончился. Однако для великого магистра это послужило сигналом опасности. Он был обеспокоен этим даже больше, чем сопротивлением Данцига. Ведь Георг фон Вирсберг тоже был членом ордена! Значит, враги были не только среди поляков. И налаживать отношения надо было не только с прусскими сословными представителями. Враги были и в самом ордене. Как он был неосмотрителен, требуя от братьев стольких жертв. Ведь братья вовсе не желали идти по тому пути, который он считал единственно возможным. Он чувствовал, что скоро окажется в полном одиночестве.

Однако он продолжал идти тем же путем. Возможно, он возлагал какие-то надежды на решение третейского суда Римского короля в Офене. Чтобы расплатиться с поляками, нужно было вводить еще один налог. Причем взиматься он должен был со всех: с мирян и священнослужителей, с батраков и домашних слуг, вплоть до самого последнего пастуха. Конечно, это могло повлечь новые волнения и протесты со стороны представителей сословий и самого ордена. Генрих понимал, что прежде чем требовать чего-то от сословий, нужно было наделить

их правами. И он принял решение: государство не должно больше основываться на одном лишь ордене. Осенью 1412 года, заручившись согласием высших должностных лиц ордена, он учредил совет земель из представителей дворянства и городов, которым, как сказано в летописи, «надлежало быть посвященными в дела ордена и по совести помогать ему советом в управлении землями». Каждый из них торжественно поклялся, что будет «давать верные советы по лучшему моему разумению, опыту и знанию, что Вам и всему Вашему ордену и Вашим землям принесет величайшую пользу».

Совет земель (ландесрат) вовсе не был демократическим учреждением, с помощью которого сословные представители могли влиять на суверена. Члены совета назначались великим магистром на довольно длительный срок и, главным образом, лишь для того, чтобы доводить его волю до населения. Это вовсе не сословно-парламентское представительство, а орган, с помощью которого великий магистр осуществлял руководство народом. Однако этим функции Совета земель не ограничивались. Ведь ему еще надлежало «по совести помогать советом в управлении землями». Правда, представителям предлагалось не говорить о «нашей земле», а, согласно клятве, давать надлежащие советы ордену и землям верховного магистра. Тем не менее сословные представители уже несли свою долю ответственности за судьбу орденских земель. От них ждали не только жертв, но и деятельного участия.

Создавая Совет земель, Генрих фон Плауэн преследовал еще одну цель. В государстве, которому угрожал враг, необходимо было упорядочить расстановку сил. Перевес какой-либо из групп с ее частными эгоистическими интересами вредил государству в целом. А привлекая на свою сторону Совет земель, Генрих мог несколько ограничить полномочия «большой пятерки». В Данциге он

сломил главенство городского патрициата, политика которого была направлена против ордена, введя в городской совет представителей цехов и мастерских. Он поддерживал мелкие города в противовес крупным, прусских свободных людей в Самланде наряду с рыцарством, как, впрочем, и низшие сословия, которые были наделены немаловажными привилегиями в рыбной ловле и добыче древесины. Минувя городской совет, он обращался непосредственно к общинам, предпочитал иметь дело не с сословными представителями, а непосредственно с самими сословиями. В интересах большой игры он сталкивал между собой ее невольных участников (надо сказать, этот метод у него переняли более поздние орденские правительства), а потом с помощью обдуманных действий пытался восстановить равновесие, как это делалось в прошедшие, более счастливые и богатые времена.

При этом в корне изменилась сама сущность орденского государства. Жизнь немцев в Пруссии пошла по-другому. Теперь, когда этим землям, до недавнего времени процветавшим, грозила ужасная опасность, Генрих фон Плауэн иначе определял для себя понятие орденского государства. Служение, жертвенность, борьба больше не исчерпывались для братьев лишь обетом, а для мирян их правовыми обязанностями; теперь это была общая судьба всех жителей Пруссии, у которых был и общий враг. Великие жертвы ради спасения страны, которых требовал великий магистр, — если не теоретически, то фактически — приравнивали верноподданнический долг жителей орденских земель к рыцарскому или монашескому служению братьев. Ведь жертва требовалась и от тех, и от других. Они служили одному укладу жизни, и у них был один общий враг — по ту сторону границы. И подданные ордена тоже чувствовали теперь свою ответственность за общее бытие, разделив с братьями историческую судьбу. Поэтому изменилась сама основа взаимо-

отношений между орденом и населением; после двух веков великой истории изменился характер орденского государства: иначе нельзя было защитить то совместное бытие, которое сама история заключила в прусские границы. Вот этому новому государству и предназначались все великие жертвы ордена и народа. И речь теперь шла уже не только о независимости ордена, но и о политической свободе.

Лишь у Генриха фон Плауэна хватило мужества, по примеру погибших братьев, продолжить борьбу и после битвы при Танненберге, он единственный из всех братьев был готов — ибо таково было требование времени — покончить с прошлым ордена и его прусского детища. Впервые за двухвековую историю прусского государства во главе ордена стоял человек, который, повинувшись обету, служил не только ордену, но и самому государству. Ради этого государства он заключил мир с Польшей и готов был к новой войне во имя свободы этого государства. Ради этого государства братья должны были проявлять ту же самоотверженность, что и он сам, отказываясь от некоторых своих прав, если права эти не служили свободе этого государства. От сословий, проживающих в орденских землях, он требовал огромных материальных жертв, но при этом впервые давал им возможность принять участие в управлении землями и повлиять на собственную судьбу. Понятие служения ордену теперь означало долг перед государством, который несло на себе и население земель, — так изменился внутренний строй Пруссии. Генрих по-прежнему не собирался отказываться от идеи ордена и его государства, которая не утратила своей значимости и после битвы при Танненберге, от идеи борьбы с язычниками, но он к тому же считал, что прусскому государству необходимо самоутвердиться, обрести власть и собственные права, объясняя это борьбой за существование. Это был действительно веский аргумент, и действия орденского государства уже

не нужно было оправдывать миссионерской борьбой; таким образом, впервые идея Немецкого ордена была сформулирована как поддержание жизнеспособности и господства немецкого прибалтийского государства под его властью. Эта идея прусского государства, которое Генрих пытался восстановить из обломков после битвы при Танненберге, стала почти навязчивой, это она толкнула его к предательству и стала причиной провала.

Плауэн неотступно следовал к своей цели и все больше отдалялся от братьев. Теперь он не скрывал от них, что смирился со своим одиночеством. Отдавая распоряжения, он уже не мог сдержаться, и повышал голос. Его брат называл жителей Данцига «вероломными тварями» и «сукиными детьми». Великий магистр тоже иной раз давал волю своему бурному темпераменту, употребляя крепкие выражения. Ливонский магистр настоятельно просил его в своем письме: «Будьте добры и приветливы, как прежде, дабы постоянно крепили меж нами согласие, любовь и дружба».

Тяжким бременем легло одиночество на великого магистра в Мариенбурге. Однако если бы он продолжал соблюдать правила ордена, ничего не предпринимая без одобрения братьев или высших должностных лиц ордена, руки у него были бы связаны. А потому он предпочитал ограничиваться советом низших чинов. И когда приходило время заключительных обсуждений, его парадные покои были закрыты для высших руководителей ордена, двери же охранялись вооруженными слугами. Он никого не впускал, кроме родного брата и мирян. А в замке между тем шептались орденские братья, подозревавшие, что великий магистр окружил себя астрологами и предсказателями, и они советуют ему в вопросах войны и мира и решают судьбу страны.

Но, несмотря на все эти тяготы, немало угнетавшие Плауэна, он думал лишь о своей цели —

о спасении Пруссии, об освобождении орденского государства от бремени непомерных выплат. Ибо слишком скоро выяснилось, что напрасны были все эти жертвы, на которые шла страна, чтобы выплатить в рассрочку сумму в 100 000 коп богемских грошей. Великий магистр переживал, что из одной ловушки они угодили в другую, гораздо большую, из которой освободиться будет куда труднее, и «придется им плясать под чужую дудку». Так ему виделось положение ордена. Прошел уже год с тех пор, как был создан Совет земель. Генрих решил, что сам он и его государство, которое набралось свежих сил, готовы к битве: иначе никак нельзя было избавиться от польско-литовского ига. И осенью 1413 года битва началась. Было выставлено три войска: против Померании, Мазовии и Великой Польши. Одно войско он передал под командование своему родному брату, второе — своему двоюродному брату, который встал на его сторону еще при обороне Мариенбурга, хотя и не был членом ордена. Больше никому великий магистр не доверял. Сам он был болен и остался в Мариенбурге, а войска ордена, пополнившиеся наемниками, вступили на вражескую территорию. Но тут маршал ордена Михаэль Кюхмейстер, который ведал военными вопросами в землях ордена, вернул войско данцигского комтура, которое уже успело напасть на Мазовию.

Братья уже открыто не повиновались своему магистру. Маршала и высших руководителей ордена Генрих призвал к ответу на орденском капитуле в Мариенбурге. А в результате был осужден сам. Магистра, который еще не оправился от болезни, посадили в темницу. Его лишили ключа и печати, знаков его высокой должности. Обвинитель превратился в обвиняемого и был смещен со своего поста. 7 января 1414 года Генрих фон Плауэн официально отказался от должности великого магистра. А два дня спустя великим магистром был избран маршал ордена Михаэль Кюхмейстер. Теперь Генрих должен

был принести присягу своему злейшему врагу. Согласно его собственному желанию он был назначен в маленькое комтурство Энгельсбург в Кульмской земле. Не прошло еще и четырех лет с тех пор как малоизвестный комтур Генрих фон Плауэн, покинув замок в комтурстве Швец (кстати, недалеко от Энгельсбурга), спас от поляков Мариенбург и занялся перестройкой государства, которое он тогда только что возглавил. Он неожиданно поднялся на невиданную высоту, где ему суждено было парить в одиночестве, и так же неожиданно был низвергнут.

Выдвинутый против него иск — это не что иное, как отражение мелочной ненависти братьев и их суеверного страха, который испытывают дети, уложив старшего на обе лопатки. Им знакома была его природа, «буйство его сердца», как они выражались, называя его неисправимым человеком, который «желал жить лишь своим умом». Им было не по душе это обретенное силой величие, которое они не желали поддерживать даже ради общего государства, и потому мстили Генриху неверностью за его превосходство. Все его сумасбродные поступки были упомянуты весьма кстати, и при этом обвинение братьев ничего не стоило. Лишь один пункт действительно попал в цель: братья обвиняли поверженного магистра в том, что он искал совета у мирян «противно уставу нашего ордена», на верность которому он присягал.

Обвинение касалось всей политики Генриха, в том числе и создания Совета земель. Учредив этот совет, Генрих фон Плауэн действительно пошел против духа и буквы ордена, нарушив верность братьям, которым некогда поклялся служить. Они были по-своему правы, объясняя в письмах к германским князьям свои действия тем, что «все мы без исключения не могли и не желали более, вопреки законам нашего ордена, выносить такого человека на посту великого магистра». Но в тот момент, когда всему государству грозила опасность,

жить, как прежде, лишь по законам братства означало ставить личные интересы общины превыше задач, выдвигаемых временем. В жесткой командной власти Плауэна братья видели лишь его деспотизм (по их мнению, он просто не желал согласовывать свои действия с конвентом, как предписывали законы ордена); они и не подозревали, что это суровое правление и было его собственным служением, поэтому им казалось, что они сами все еще служат ордену, а между тем орден давно стал всего лишь орудием в их руках.

Где им было понять, что в глубине души магистр не изменил ни себе, ни орденскому государству, что он по праву ставил страну и народ превыше эгоизма братьев. Создавая Совет земель, великий магистр желал, чтобы неизрасходованный потенциал немецкого населения Пруссии тоже был вовлечен в управление страной; эта ответственность должна была выработать в нем готовность к жертве и помочь осознать свой долг. Безусловно, Генрих виновен перед орденом и его законом, однако истории следует отдать ему должное: из всех рыцарей Немецкого ордена он единственный видел тот путь, который предстояло пройти орденскому государству; он не только понял, в каком именно направлении должно оно развиваться, но и собирался формировать этот процесс и руководить им.

Проведя несколько месяцев в маленьком Энгельсбурге, еще недавно могущественный человек лишился и скромной должности комтура. Снова за ним встала мрачная тень его брата: то великое, что было заложено в обоих Плауэнах, превратилось в их проклятье. Когда старший брат был смещен с поста верховного магистра, младшего назначили попечителем в Лохштедт на заливе Фришес-Хафф. Как некогда в Данциге, беспокойный характер, присущий всем Плауэнам, который постоянно жаждал деятельности и управлял их судьбами, опять вовлек его в очередную бессмысленную аферу. Вступив в сговор с врагом, он собрал сторонников поверженного великого ма-

гистра и втянул брата в скверную историю, которая и стала причиной его трагического конца. Письма младшего Плауэна перехватили. Под покровом ночи и тумана он бежал в Польшу, переправившись через Нейду, а бывший великий магистр тем временем попал в тюрьму по подозрению в измене (которую, впрочем, и не нужно было доказывать). Семь долгих лет он провел в заключении в Данциге, потом еще три года (с 1421 по 1424 год) в Бранденбурге на заливе Фришес-Хафф, пока его не переправили в соседний замок Лохштедт.

Был ли Генрих фон Плауэн предателем? Даже если предположить, что он собирался заполучить в руки орден с помощью поляков, а потом вместе с братьями пойти против Польши, это ничего не доказывает. Однако поверженный магистр определенно рассчитывал вернуться в Мариенбург. Не случайно он выбрал для службы именно Энгельсбург, который, в силу своего географического положения, прежде всего оказывался в зоне наступления поляков (а наступление, несомненно, ожидалось). Возможно, он надеялся здесь отсидеться и повторить весь тот путь, который всего несколько лет назад привел комтура Швеца в главную резиденцию ордена.

Пока Генрих сидел в темнице, его самый большой враг и одновременно его преемник Михаэль Кюхмейстер добровольно отказался от поста великого магистра, поняв, что ничего другого ему не остается, кроме как продолжить политику своего предшественника (а ведь именно она и стала причиной отставки Плауэна). Однако Плауэн отдавал ей всю свою страсть, а слабовольный Кюхмейстер следовал ей вяло и нерешительно, лишь подчиняясь обстоятельствам, поскольку не умел подчинить их себе. В результате он покинул пост, с которого в свое время изгнал более сильного политика.

У Пауля фон Русдорф, сменившего Михаэля Кюхмейстера на посту великого магистра, не было причины ненавидеть лохштедтского узника. И он по

возможности заботился о нем. Однако стоит нам узнать, что это была за забота, и мы поймем весь трагизм положения бывшего магистра, который, достигнув зрелых лет, был огражден даже от самой скромной деятельности стенами замка своего же собственного ордена. Он был рожден для власти, а между тем в Лохштедте он вынужден был писать унижительные письма великому магистру Паулю фон Русдорф, сообщая об элементарных бытовых нуждах. Ему нужна была новая сутана, потому что старая совсем износилась. Он просил, чтобы при нем был усердный слуга и еще один слуга, которому он мог бы полностью доверять. Он жаловался великому магистру: «Вынуждены мы посетовать на то, что не властны мы ничем распоряжаться, что маршал со своими гостями и холопами выпил все наше вино и лучший мой мед и хотел забрать у нас бочку меда, которую нам дал епископ Хейльсбергский, и намеревался ограбить наш погребок».

Таковы были теперь хлопоты бывшего магистра. Десять лет он провел в заточении в Данциге и Бранденбурге и еще пять просидел перед своим окном в небольшом замке Лохштедт, праздно глядя на волны залива и на кромку лесистого берега. В мае 1429 года его назначили на весьма незначительную должность попечителя Лохштедта, только что было теперь в том проку? Это был учтивый жест, наверное, даже приятный для усталого человека, но он уже не мог вернуть его к жизни. В декабре 1429 года Генрих фон Плауэн умер. Мертвый Генрих был безопасен, и орден воздал ему почести, которых он был лишен при жизни. Тело Плауэна было погребено в Мариенбурге вместе с останками других великих магистров.

Читая о ничтожных заботах великого человека и его тихой кончине, мы понимаем, что значило это поражение. Немецкий историк Генрих фон Трейчке, который первым осмыслил и восславил немецкое заселение прусских орденских земель во всей его глубине, пишет своему другу, размышляя о

сущности и становлении ордена и о Генрихе фон Плауэне, что «сила, единственный рычаг государственной жизни, ничего больше не значила для его рыцарей, а с падением Плауэна послужила и моральному поражению ордена». Братья уже больше не были способны на подвиг, поскольку у них не было больше той силы — «рычага государственной жизни», с помощью которого можно было бы придать орденскому государству новый смысл.

Лишь Генрих решительно надавил на этот рычаг, пытаясь изменить государство и тем самым спасти его. Отважившись противопоставить свою собственную сущность целой общине, он порвал с прошлым ордена и распахнул ворота в последний этап его истории: превращение орденского государства в светское герцогство. Возможно, он и не ставил себе такой цели, а лишь желал создать государство, живущее согласно своему внутреннему закону и за счет собственных сил. Генрих фон Плауэн — одна из тех исторических личностей, которые существовали по законам будущего, и поэтому современниками воспринимались как предатели.

В отличие от прежних великих магистров, он, конечно, не является воплощением немецкого ордена и тогдашнего мира. Великие магистры в первую очередь были братьями ордена. Он же всегда оставался прежде всего самим собой. Поэтому он, в одиночку взваливший на себя груз неизбежной вины, — единственная в истории ордена трагическая фигура. На фоне мощного эпоса, каким является эта история, выделяется лишь его судьба — судьба-драма. Как страстно он восставал против слепого сплочения своих братьев, и при этом почти не помышлял о собственной свободе! Он не принадлежал самому себе, как, впрочем, и ордену, бывшему ордену, он был достоянием будущего государства. Поистине трагическая для него потеря власти неизбежно делает его виновным в глазах его братьев, однако навсегда оправдывает его перед историей.

АЛЬБРЕХТ БРАНДЕНБУРГСКИЙ

Тщетно пытался Генрих фон Плауэн подчинить орден и сословия единому государству, добиваясь его высшей сплоченности путем более строгого и жесткого руководства. Братья крепко держались за первоначальный закон ордена и его политического детища, и прусское государство сохраняло прежнюю конструкцию. Оно оставалось неизменным с точки зрения организации и духа, пополняясь за счет братьев, которые вступали в орден еще в Германии; как всякая государственная модель, это государство росло, приближаясь к гибели, а народ, который она вобрала в себя, не оказывал никакого живительного воздействия на ее развитие. Когда попытка Плауэна окончательно провалилась, орден и население Пруссии пошли каждый по своему пути, и под ороговевшим панцирем орденской власти политическая жизнь народа начала принимать новые формы. Это главный процесс для прусской истории XV века. Он просматривается уже в дуализме сословного государства, появлению которого всеми средствами препятствовал Генрих фон Плауэн. Жизнь государства определялась противостоянием между сувереном и сословиями, которые жаждали прибрать к рукам власть суверена или хотя бы ограничить ее. Начав выплачивать налоги, сословия получили право влиять и на другие сферы государственной жизни. Они нашли лазейки в судебной власти ор-

дена: в результате было разрушено все, чего орден достиг в этой области за два столетия, пока действовала созданная им правовая система прусского государства. В конце концов, и внешняя политика государства была подчинена сословиям.

Те, в свою очередь, руководствовались собственными частными интересами, главным образом экономического характера (особенно в крупных городах). Экономический эгоизм одержал верх над нуждами государства; особенно ярко это проявлялось в Данциге. Однако помимо экономического политика сословий имела и другое направление. Пруссия была колониальной страной. Существо ее определялось не коренным народом — пруссами, права которых были установлены орденом, а немецким населением, прибывшим сюда по зову ордена, как только началась борьба за эти земли. Поначалу это немецкое население включилось в предложенную орденом просторную конструкцию и продолжало жить согласно некогда установленным нормам. Но, пустив корни в местную почву, предварительно удоблив ее своей кровью и возделав собственной секирой, переселенцы обрели в Пруссии родину, перестав быть колонистами; пришлое население Пруссии превратилось в местное германское племя и начало развиваться как всякий живой народ. С этого момента прусское население жило уже как часть народа Германии, и, воссоединившись с ним в результате своего развития на протяжении XIV века, оно восприняло от нее как хорошее, так и плохое. Борьба же прусских сословий за «свободу» свидетельствует о том, что прусские земли по обе стороны нижней Вислы стали к этому времени частью Германии, а их население жило теми же заботами, что и германский народ. Но, в отличие от восточных земель, высокоразвитое немецкое население западных земель, для которого было характерно сильное расслоение, пошло дальше в своей борьбе против власти суверена.

Как раз это-то и стало причиной гибели орденского государства, которая замаячила на горизонте уже в XV веке. Устойчивость внешнеполитических позиций народа и государства зависит не только от количества усилий, вложенных в их поддержание, но и от прочности ядра страны. Политическая эволюция, приведшая к появлению сословного государства, ослабила центральную власть суверена и государство в целом, поскольку в процессе этого превращения именно на него и была направлена вся политическая энергия. Для внутренних германских областей это было не так болезненно. Но если еще и прусское государство, оплот германской внешней политики, начинало бороться за существование, это могло привести к катастрофе. Величайшей исторической несправедливостью было вовсе не превращение Пруссии в сословное государство, а то, что, борясь за собственную свободу, прусские сословия принесли в жертву его свободу и величие.

Сначала орден, хотя это не отвечало даже намерениям Генриха фон Плауэна, поддержал притязания сословий, и, таким образом, уже тогда в политической жизни Пруссии возникла опасность дуализма. Как раз в те дни, когда великий магистр был смещен, сословия в числе прочих прав получили и еще одно — право на гражданство, одну из основных сословных свобод: было разрешено, чтобы великий магистр и высшие должностные лица ордена «соблаговолили взять на службу детей этих земель и жителей этих земель», но не чужеземцев. Еще несколько десятков лет орден так и не смог окончательно определить свою позицию по отношению к сословиям, а те в свою очередь неотступно шли к цели. Их задача во многом облегчалась конфликтами внутри самого ордена: зачастую конвенты восставали против орденского большинства; структуру государства необходимо было менять. В 1440 году дошло до создания Прусского союза, объединившего города и рыцарство ордена. Члены союза поклялись «плечом к плечу стоять за свою

правоту». Изначальной задачей Прусского союза было противостоять злоупотреблениям суверена, однако вскоре он начал действовать как государство в государстве. При этом были существенно подорваны основы государства. И хотя Прусский союз нарушал привилегии ордена, дарованные ему императором в 1226 году, и положения канонического права, распространявшиеся на государство духовного ордена, ни император, ни папа не могли добиться роспуска союза. Он исполнял обязанности верховного суда и устанавливал налоги. В 1454 году он, наконец, отделился от ордена, перейдя в подчинение к польскому королю. В результате тяжелой тринадцатилетней войны, в которой орден противостоял сословиям и Польше, в 1466 году ему пришлось отказаться от западной части своего государства в пользу польского короля.

Сословия одержали победу. Но поражение ордена позволило ему понять, в чем состоит его историческая правота, которую он отстаивал в этой битве. Эгоизм, проявляемый сословиями, был эгоизмом молодого территориального государства. Предводители Прусского союза не предполагали, что не пройдет и ста лет, как сословия «Королевской Пруссии», перешедшие под власть польской короны, будут лишены всех своих прав и войдут в состав польского государства. А ведь они мечтали о государстве, построенном по территориальному признаку, которым правили бы они сами.

Орден же представлял интересы империи. Конечно, теперь это была лишь тень Германии Гогенштауфенов, да и орден уже не был похож на общину Германа фон Зальца. Но даже когда идеи универсализма стали призраком и вокруг Германии возникли независимые национальные государства, и Германия, и орден продолжали оставаться воплощением идеи империи, поскольку немецкая нация по-прежнему была реальностью. Немецкий орден, основанный императорским домом и возмужавший в борьбе германских императоров за империю, был

тесно связан с немецким дворянством, жил за счет высшего единства империи, оберегая его в своем прусском государстве. Право империи, которое он отстаивал, было выше права территории. Когда дело ордена обсуждалось на рейхстаге в Регенсбурге (орден к этому времени уже вступил в войну с Прусским союзом и Польшей), кардинал Николай Кузанский считал своим долгом предостеречь немцев, что раздор внутри немецкой нации может сделать ее предметом насмешек и добычей других народов.

Еще живо было сознание, хотя уже ничем не подкрепленное, что земли ордена — это земли империи. С другой стороны, эти земли были отвоеваны орденом для немецкого народа, поэтому орден представлял здесь и его права. Сословные представители, перешедшие на сторону польского короля, изменили не только германской империи и немецкому народу, но и самой немецкой сущности орденских земель; пожалуй, они и сами это осознали, услышав от своих собратьев, сохранивших верность ордену: «Удалось нам не смешаться с вендской народностью и негерманцами, ибо хорошо нам известно, что плохо живется в тех землях, где правит негерманец, и видно то в Литве, Польше и далее». Точнее, пожалуй, и нельзя охарактеризовать историческую недалекость изменников. Они внесли свой губительный вклад и в мирный договор, заключенный на озере Мельно в 1422 году, по которому орден отказался от Жемайтии и крепости Нессау на Висле, земель, переданных князем Конрадом Мазовецким тогда еще молодому орденскому государству, и в Брестский мирный договор 1435 года, который поставил крест на литовской политике ордена. По примеру польских и литовских дворян они дали дополнительные гарантии договоров. Так ради собственных интересов они разрушили орденское государство.

По второму Торнскому договору 1466 года империя лишилась своих прав не только в отношении

отторгнутых земель ордена. Договор также требовал, чтобы великий магистр признал верховенство польского короля и принес ему присягу. Теперь лишь папа сохранял права сюзерена на этих землях, у императора таких прав уже не было. Кроме того, был уничтожен и национальный характер ордена: теперь половину братьев должны были составлять поляки. Это предписание никогда не соблюдалось. Однако сам факт его существования показывает, что и после поражения ордена враг по-прежнему видел в нем воплощение немецкого образа жизни. Несмотря ни на что, орден навсегда остался Немецким орденом.

По обе стороны границы, безжалостно проведенной вторым Торнским мирным договором, по-прежнему жили люди, ощущавшие себя пруссаками и гордившиеся этим. (Позднее Фридрих Великий вновь объединил эти земли. Однако это произошло уже на другом этапе истории и не имеет отношения к Западной Пруссии, находившейся под властью польского короля.) Прусские земли, оставшиеся под властью ордена, включились в дальнейшее историческое развитие.

Однако орден уже не принимал в нем деятельного участия. Он не мог пожаловаться на отсутствие мужественных людей. Пока существовало орденское государство, всегда находились люди, готовые подняться против превратностей судьбы и попытаться побороть ее. До самого конца орден боролся в Пруссии за государственную свободу, желая сбросить кандалы второго Торнского мирного договора. Каждый раз вновь избранный великий магистр до последнего оттягивал момент принесения позорной присяги польскому королю, пока его к тому не принуждали. Мужество и воинская доблесть по-прежнему были присущи братьям, но не потому, что они входили в понятие монашеского послушания, а потому что германские дворяне, пополнявшие

собой ряды ордена, впитывали это с молоком матери.

Однако жизненные силы, которые могли бы повести братьев к новым целям, заметно поослабли. Орден словно оцепенел, а жизнь братьев лишь бессмысленно двигалась по кругу:

Разоблачиться, облачиться,
Поесть, попить и сном забыться —
Так тяжко рыцарям приходится трудиться.

Так думал народ, здраво оценивая внутреннее настроение в ордене. Он пополнялся за счет сыновей германских дворян, у которых не было иного выбора. Чем тяжелее жилось дворянам позднего средневековья, тем больше был приток новых братьев, пока и сам орден не достиг предельной черты. Юноши, что с таким настроем облачались в белые орденские плащи, не могли соблюсти три основных обета, государственная же задача тем более была им не по плечу. Сам орден уже не считал прусское государство своим высочайшим достижением, по отношению к которому ему надлежало соблюдать определенные обязательства, теперь это было весьма обременительное дело, требующее денег и жертв, от которых орден по возможности старался уклониться. Пруссия превратилась в место ссылки неудобных братьев.

Воюющие и окруженные врагами прусские земли ордена уже не разрастались. Ведь над орденом тоже довели интересы его социального слоя, и у него была своя «сословная» позиция. В ордене царил дух, вообще владевший тогдашним германским дворянством. Дворянство, поставлявшее ордену новых братьев, жило обыкновенной мирской жизнью, которую уже не сдерживали ни монастырские стены, ни обеты, и вместе с тем испытывало отвращение к уже непривлекательному образу жизни предыдущих поколений, душевный непокой, жажду чего-то

нового, как и весь народ. Откуда было взяться политической воле и мужеству на опасном рубеже Германской империи в столь противоречивые времена!

Пруссия стала частью Германии. Орден и народ жили теперь единой жизнью. Это была жизнь тогдашней Германии, Германии переходного периода. Империя ослабла; сословия служили лишь своим частным интересам; дворянство, благополучию которого угрожали города и денежное хозяйство, томилось без дела; народ же утратил глубину веры. Такой была тогда Германия, и именно она ответственна за гибель орденского государства. Однако не стоит сваливать всю ответственность на представителей прусских сословий. Виновных всегда бывает несколько. А невинные не погибают. Достаточно взглянуть на внутреннее положение в ордене, чтобы понять, почему он погиб. И здесь старое отступило под напором нового. И уже не предательство сословий по отношению к орденскому государству, приведшее к утрате западных земель Пруссии, а само внутреннее развитие ордена сделало конец государства неизбежным и привело к превращению его в светское герцогство.

Ганс фон Тифен (ск. в 1497 году), великий магистр, которым завершается XV век в истории ордена, руководствуясь лучшими побуждениями, сам начал реформирование ордена, хотя хлопоты его оказались тщетными. Ордену по-прежнему не удавалось освободиться от власти Польши: все попытки, предпринимавшиеся последними великими магистрами, оказались тщетными. Сил для этого было бы недостаточно, даже если бы подключились и германские владения. Заметного участия в судьбе ордена уже не принимали ни император, ни князя. Новый век был веком сословной и княжеской власти. Ордену на собственном печальном опыте пришлось убедиться, что сословия способствовали лишь

разрушению единства государственной власти. По отношению же к княжеской власти у ордена был более узкий интерес. Орден рассчитывал установить более тесные связи с одним из наиболее значительных правящих домов в надежде на его покровительство и помощь.

Еще сам Ганс фон Тифен обратил внимание на молодого герцога Фридриха Саксонского, представителя альбертинской ветви династии Веттинов. После смерти великого магистра решено было поставить герцога Фридриха во главе ордена. Как, однако, изменились времена! Прежде, если дети князей вступали в орден, как произошло, например, с Лютером Брауншвейгским, то они занимали весьма незначительные должности, не рассчитывая на иные награды, кроме Божьей, и поднимались до более высоких постов лишь благодаря личным заслугам. Ныне же юный герцог получал герцогское содержание, готов был принять обет и облачиться в белый плащ с черным крестом. Доходы, которые он получал от орденской администрации в Пруссии и Германии, строго регламентировались; другим высшим должностным лицам ордена и братьям мало на что приходилось рассчитывать. Фридрих был посвящен в рыцари, принят в орден и осенью 1498 года в Кенигсберге был избран великим магистром.

Слишком скоро выяснилось, что ордену не удастся поправить положение с помощью громкого имени члена герцогского дома, более того, юный герцог со своими территориальными интересами оказывал на орден куда большее влияние, чем сам орден и братья оказывали на него. Он вовсе не был великим магистром, озабоченным задачами ордена, он оставался герцогом, который держал свой двор и управлял своим государством. Советники, которых Фридрих привез с собой из Саксонии, заняли места в администрации ордена, потеснив братьев; обязанности комтуров сводились теперь лишь к сугубо административным функциям в рам-

ках земель, и не имели существенного отношения к конвенту ордена. Была изменена оборонная структура орденового государства (все земли были поделены на пять оборонных «округов»); финансовыми вопросами ведала теперь казначейская палата, заменившая должность орденового казначея; был также введен новый судебный порядок по саксонскому образцу. Таким образом, изменилась сама природа административной системы государства.

Орденский плац оставался лишь внешним атрибутом Пруссии. По сути же, с тех пор, как во главе ордена встал Фридрих Саксонский, в особенности же с наступлением нового века, орденовое государство постепенно превращалось в герцогство. В кенигсбергском замке, ставшем резиденцией великих магистров еще во время тринадцатилетней войны, теперь размещался герцогский двор. Это был уже не монастырь, в котором братья молились и готовились к походам на литовцев; за стенами замка жил образованный правитель-аристократ. Кто стал бы думать теперь о борьбе с язычниками или о тех временах, когда перед нехитрой трапезой братьям читали вслух старинные легенды, если в замке теперь играли свирели, а великий магистр, как территориальный князь, устраивал свадьбу юной знатной пары?! Кто вспомнил бы теперь ту благочестивую и суровую атмосферу миссионерской борьбы, если светские советники, убежденные гуманисты, и духовные лица в научных беседах обсуждали вопросы нового времени?!

Все говорило о переменах. Орден до последнего держался за то, что некогда определяло его суть. Государственная структура, которую он представлял и которой он пытался ограничить политическую жизнь, стала совсем хрупкой, ведь она никем не обновлялась. Изменения, происшедшие в XV веке, стали возможны лишь благодаря победившему тогда дуализму сословного государства и были привнесены кардинально отличавшейся от политики ордена политикой сословий. Орден уступил. Западная часть

Пруссии скинула с себя его власть и отмершую государственную структуру, словно старую кожу. Но орден не изменился. Изменения начались лишь с наступлением XVI века. Заключив союз с германскими князьями, орденское государство стало более походить по своей форме правления на государство, построенное по территориальному признаку. Ход истории предлагал новые возможности, наполнял жизнь новым содержанием, и для всего этого требовалась новая структура. Все эти перемены произошли не в одночасье, а назревали постепенно. Однако можно назвать точное время кончины орденского государства, вплоть до дня и часа, когда последний великий магистр снял с себя орденский плащ и уже как глава герцогства принес присягу польскому королю. Но прежде чем наступил этот час, сменилось целое поколение. Становлению и расцвету орденского государства, как всякому органическому росту, присущ была умеренный ритм; перемены, приведшие к смерти орденского государства, тоже не были порождением лишь мига истории.

В 1510 году Фридрих Саксонский скончался, однако на внешнеполитическом положении Пруссии это вряд ли могло как-нибудь сказаться. Он пользовался поддержкой германских князей, к тому же император Максимилиан предостерегал его, что негоже герцогу империи приносить присягу польскому королю, в результате, начиная с 1466 года, он стал первым великим магистром, которому удалось избежать этой церемонии. С 1507 года он трудился на благо ордена уже в Германии. Однако и ему не удалось добиться освобождения от польского гнета. Но именно его правление ознаменовало собой начало новой эпохи и создало предпосылки для окончательного превращения орденского государства в светское герцогство.

Нет ничего удивительного в том, что Немецкий орден вновь остановил свой выбор на германском князе. На этот раз он охотно откликнулся на предложение дома Гогенцоллернов и в феврале 1511 года

принял в свои ряды молодого маркграфа Альбрехта Бранденбургского, который вскоре стал великим магистром. Маршал ордена в письме гросскотуру Симону фон Драэ так характеризует его: «В столь молодые лета, хвала Господу, щедро одарен он любовью, благоразумием, достоинством, хорошими манерами и прочим, что украшает человека». Однако, восхваляя его человеческие качества, он не забывал и о политическом значении: ибо многие желали помочь ордену осуществить этот выбор, так что ордену нечего было бояться ни клятв, ни высокомерия Польши. Маршал же рассчитывал, что теперь орден сможет противостоять давлению поляков: «По слепоте своей сами они не знают, что лишь приумножают тем несчастья, делая своим врагом всю немецкую нацию».

Молодой князь родился 17 мая 1490 года в Ансбахе, во Франконии, и до вступления в орден вел обычную для княжеского сына жизнь. Альбрехт был третьим сыном в большой семье, и потому на его родителей лежала весьма обременительная обязанность — найти для него подобающее его происхождению место. Это было не так просто, если учесть, что, кроме Альбрехта, у маркграфа Фридриха Ансбах-Байройтского было еще семеро сыновей и пятеро дочерей. Высокий церковный сан по-прежнему оставался для младших сыновей благородных фамилий гарантией материального достатка. В монастырях и соборных капитулах они могли вести вполне благополучную жизнь за счет приходов или пожертвований, к немалому негодованию многих верующих. И вот, ступив на путь, который уже отвергло жаждавшее реформ германское население и с которого самому великому магистру предстояло сойти 15 лет спустя, Альбрехт Бранденбургский возглавил Немецкий орден и, таким образом, прусское государство. Неплохой приход нашел для него отец! Орден же в свою очередь надеялся, что уважаемый дом князей Бранденбургских поможет ему заручиться поддержкой императора и империи,

когда дело дойдет до решающих действий в отношении Польши. Таким образом, это был расчетливый союз, построенный на общности интересов, тем более удивительный, что он послужил скорому расцвету, ознаменовавшему собой новую эпоху.

Лишь после некоторых колебаний Альбрехт сделал решающий шаг и принял должность, на которой ему предстояло добиться собственных исторических успехов. Вообще, можно, наверное, сказать, что молодой князь, в 21 год возглавивший один из наиболее значительных европейских орденов, скорее следовал велению времени, нежели трезво и уверенно, как подобает великим, определял его дорогу. Человек, привлечший в Пруссию целый ряд высокообразованных гуманистов и реформаторов, ставший основателем немецкого университета, вовсе не был так уж образован: много ли мог позволить себе небогатый и многодетный княжеский двор? Альбрехт очень плохо владел латынью и, судя по всему, не был перегружен литературными познаниями. Однако он умел произвести впечатление образованного человека, что было его величайшим достоинством: везде он чувствовал себя свободно, это помогло раскрыться его естественному потенциалу, в управленческой и в церковной деятельности он уверенно пользовался богатством родного языка и всю свою долгую жизнь был открыт новым мыслям.

Та же свобода и непринужденность помогли ему, в конце концов, принять и важные политические решения, вызревавшие несколько лет. Став великим магистром, он ни в коем случае не должен был разочаровать братьев в их надеждах, которые они связывали с вступлением в орден германского князя. Борьба с Польшей была его обязанностью, которую он унаследовал от своего предшественника. Уже через месяц после своего избрания в послании к императору Максимилиану I и к светским и духовным правителям он изложил свое видение задач великого магистра. Он напомнил, что Польша уг-

рожает землям ордена, и «всякого, кто говорит по-немецки, сие не может не печалить». Ведь опасность, нависшая над орденскими землями, волновала не только сам орден, но и весь христианский мир, однако, главным образом, императора, князей, представителей сословий империи и всех германских дворян, которые когда-то проливали кровь, создавая орден и вырывая его из лап язычников, орден, который и «ныне служит излечению германских дворян». Таков был тогда общий сословный интерес, которым по-настоящему проникся молодой великий магистр, пытаясь пробудить его и в других. Орден был «госпиталем», детищем, достоянием германского дворянства и предметом его забот. Однако речь шла не просто о материальной связи ордена с Германией, но об их общей судьбе в самом глубоком смысле этого слова; разделяя эту судьбу, прусские земли и после второго Торнского мира по-прежнему оставались идейной составляющей Германской империи. Взывая к империи, Альбрехт обращался не к пайщику дворянской богадельни, он желал напомнить германским князьям и германскому дворянству об их ответственности за судьбу орденских земель. Их гибель стала бы «потерей для всех германцев» и вызвала бы «великое презрение» к ним.

Императору понравилось такое толкование борьбы за свободу Пруссии и, посоветовавшись с великим магистром, он изложил «свою» позицию нескольким германским князьям. Теперь второй Торнский мир представлялся «невыгодным и ненадежным» для «нас и Священной империи и подвластной нам германской нации, которая есть наше и всех германцев отечество и честь и по праву унаследовала свои привилегии от предков, ибо дались они им ценой тяжкого труда и крови, пролитой в борьбе с язычниками за святую христианскую веру»; поведение же польского короля характеризовалось как «весьма капризное и ни в коей мере не допустимое». Острее всего, однако, орден ощущал, что

сама история предала эти земли немецкой нации; не прошло и месяца, как на рейхстаге в Трире представители великого магистра выступили против намерения Польши сделать в скором времени польского короля великим магистром ордена и присоединить Пруссию к своей территории. Они напомнили о становлении орденских земель, «каковые, как известно, Священная Римская империя благодаря ордену за долгие годы, с большими потерями в людях и добре и с кровопролитием привела к нашей вере и нашему немецкому языку, так что в некоторых хрониках именуются они “Новая Германия”».

Орден по-прежнему чувствовал себя посланником христианского мира, и в нем все еще были живы миссионерские идеи, от которых отступилось орденское государство. Ведь по отношению к восточному миру эти идеи пока не утратили своей актуальности. Однако во главе всего стояла идея империи, которая, как и прежде, именовалась Священной Римской империей, но уже успела утратить свою универсальность и стала Империей германской нации. То, о чем в XV веке вспоминали лишь время от времени, не делая никаких выводов, стало основной мыслью этой речи в поддержку орденских земель: они были частью империи, а значит, у них была общая с Германией судьба. Действуя как посланник империи, орден не только обратил в христианство языческую Пруссию, но и сделал ее ареалом немецкого языка, ареалом обитания немецкого народа. На протяжении почти трех столетий германская миссия ордена и его прусского государства придавала его существованию конкретный исторический смысл, но орден осознал это лишь теперь, когда его история вступила в свою заключительную фазу: он не только служил христианству, универсальным властям средневековья, императору и папе, еще он создавал «Новую Германию». А теперь эта Новая Германия была в опасности. Юридически она уже давно была отделена от империи,

однако теперь эти земли вполне могли утратить и свою германскую сущность. Этим землям, говорившим на немецком языке и вопреки всему остававшимся частью Германии, нужно было помочь. Чтобы подвигнуть на это германских князей и дворянство, заставив их послужить империи, молодой Гогенцоллерн и встал во главе Немецкого ордена. Однако выполнить эту задачу ему так и не удалось: в то время он слишком полагался на свои силы и слишком верил в императора и империю. Вскоре он узнал, что Максимилиан утратил интерес к защите Новой Германии, поскольку дом Габсбургов занялся матримониальными делами. Однако для великой истории Немецкого ордена важно, что именно в момент гибели его государства братьям, наконец, открылось назначение их восточной миссии и величие того, что было создано. Орден трудился над этим почти три столетия, но братья осознали это лишь сейчас, лишившись его завоеваний и уже не ощущая своей причастности к великому делу своих предшественников. Однако Альбрехт Бранденбургский и позднее не переставал чувствовать свою связь с судьбами Германии и ответственность перед ней: он уже не был облачен в белый орденский плащ, когда в его герцогстве нашло приют учение немецкого реформатора Мартина Лютера.

Хотя Альбрехт и приходился племянником польскому королю по материнской линии, выборы были проведены в большой спешке и без соблюдения необходимых формальностей, чтобы избежать обострения возможных протестов со стороны Польши по поводу назначения на пост великого магистра германского князя. Первый этап удался. И Альбрехт продолжил игру, успешно начатую его предшественником, всячески оттягивая церемонию принесения присяги, в конце концов, она стала вообще невозможна. Сначала его отъезд был отложен из-за болезни и смерти матери, это позволило ему на некоторое время задержаться в Германии, где он

пытался найти поддержку ордену среди германских князей. Лишь осенью 1512 года великий магистр покинул благословенную Франконию и через полтора месяца, проделав долгий путь в 140 миль через Берлин, Польшу, Торн и Мариенвердер, он, наконец, прибыл в Кенигсберг, в свою резиденцию. Его глубоко потрясла бедность маленького орденского государства (по второму Торнскому мирному договору оно лишилось своих богатых западных областей), над которым сгустились политические тучи. Он ни минуты не сомневался, что должен освободить орденское государство из этой ловушки, в которой оно, как беспомощная добыча, билось с 1466 года.

Десять лет Альбрехт боролся за свободу Пруссии. Он твердо и весьма ловко отклонял требования своего дяди признать второй Торнский мирный договор и принести присягу. Однако при этой твердости Альбрехт был не слишком хорошо знаком с внешнеполитическими реалиями. Непринужденность, свойственная натуре молодого великого магистра, граничила в нем с порывистостью: он жаждал деятельности и слишком легкомысленно судил о действительном положении вещей. Он несколько переоценил обещания, которые давались ему в Германии, и те силы, за счет которых он собирался поправить весьма неустойчивое положение ордена. Он строил грандиозные планы, давая при этом волю своей фантазии, однако при ближайшем рассмотрении ничего не мог изменить или создать заново. В нем было больше страсти и молодости, чем во Фридрихе Саксонском, и он обладал более яркими духовными задатками и темпераментом, поэтому гораздо активнее сопротивлялся той участи, которой, как ему казалось, земли ордена пока могли избежать; что касается политической линии, то уже предшественник Альбрехта придерживался более категоричной позиции, целенаправленно укрепляя государство изнутри.

Сначала Альбрехту без особого труда удавалось оттягивать церемонию принесения присяги, поскольку польско-литовскому государству угрожала Москва, и все его силы были сосредоточены на востоке. Поэтому великий магистр видел в Москве своего союзника и намеревался с ее помощью противостоять притязаниям ближайшего соседа. Эта политическая комбинация тотчас же переросла в широкомасштабную систему противостояния Польше, которая, кроме ордена, должна была включать в себя императора, Саксонию, Бранденбург, Данию и Москву. Однако построение этой системы, которое взял на себя Максимилиан, завершено не было, и она так и не начала функционировать, поэтому Альбрехту пришлось отложить наступление на Польшу, которое ему буквально не терпелось начать. Союз же, который император заключил с великим князем Московским, перестал существовать, когда Максимилиану удалось прийти к соглашению с Ягеллонами, которым принадлежали и польская, и венгерская короны. Брачный договор, гарантировавший дому Габсбургов корону Стефана, польскому королю давал полную свободу действий в отношении орденового государства. Позабыв о высоких словах, произносимых им некогда, Максимилиан продал имперское право на земли ордена за корону негерманского государства: династический интерес возобладал над долгом перед Германией.

И хотя рассчитывать на Максимилиана не приходилось, великий магистр по-прежнему пытался найти в нем поддержку своей политике. Он сам заключил союз с Москвой, который император вскоре снова разорвал. А в 1519 году, когда Максимилиан I скончался, уже не орден, а польский король начал войну. В апреле 1521 года в Торне было заключено перемирие сроком на 4 года. Альбрехт сохранял прежние позиции. Он так и не принес присягу польскому королю и по-прежнему не при-

знавал второй Торнский мирный договор. Войска должны были покинуть вражеские территории. Но какое-то решение, в конце концов, надо было принимать, и великий магистр пытался это сделать, хотя выбрал он для себя иной путь, нежели его предшественник. Пока все его попытки лишь отнимали средства и не приносили никакого ощутимого результата; только и оставалось надеяться, что следующее предприятие будет успешнее. Собственно, в самой Пруссии рассчитывать было уже не на что. Ждать помощи можно было лишь из старой Германии. Четыре года перемирия, отпущенные великому магистру Торнским соглашением, были потрачены на активную «агитацию» за прусское дело.

Однако за эти четыре года изменилось отношение самого великого магистра к возложенной на него задаче: было бессмысленно отстаивать право на жизнь прусского государства ради духовного ордена, во главе которого он был поставлен по политическим соображениям. К такому заключению великий магистр (ему было уже за 30, и жизнь ждала от него теперь истинно мужских решений) пришел не в Пруссии, которая была в стороне от новых религиозных движений, а в самой Германии. С трудом были собраны деньги на эту поездку. 10 апреля 1522 года великий магистр покинул Кенигсберг. Ему предстояло вернуться туда лишь через три года, уже в качестве светского правителя. Под натиском бесконечных исканий пал его прежний мир, и иной мир постепенно занимал его место.

Быстрота и предприимчивость, свойственные прежней политике Альбрехта, сменились стремительной погоней за дешевыми надеждами и безрассудными планами. Великий магистр побывал в Праге и Вене, Венгрии и Силезии, Саксонии и Бранденбурге. Вскоре, вознамерившись заработать денег, он решил поступить на службу к папе или вообще к королю Франции, потом ввязался в авантюру с датским королем. Осенью 1522 года и весной 1523 года он

принимал участие в рейхстагах в Нюрнберге. Эта бурная деятельность велась уже не ради ордена. Великим магистром овладело глубокое беспокойство, у него начался внутренний кризис. Но это беспокойство, эта стремительность действий, которыми сопровождались победы и провалы больших и малых планов, постепенно уступали место чему-то новому, чему впоследствии суждено было определять его поступки и всю его жизнь. Вопросы, которые целых десять лет не давали покоя Альбрехту, разрешились не вдруг, не под воздействием какого-то сиюминутного чувства, а в результате длительных размышлений, благодаря окрепшей в нем вере. Его жизнь обрела новый смысл, когда он познакомился с учением Мартина Лютера. Теперь он создал свой собственный образ государства и по-новому определял для себя обязанности правителя. Утвердившись в новой вере, он обрел и внутреннее спокойствие, которого старая вера ему дать не могла; лишь тогда он нашел в себе силы и мужество порвать со старым и в своем государстве, отказавшись от орденской политики последних десятилетий, ибо новое содержание, основанное на учении Мартина Лютера, которое захватило старые орденские земли, требовало и новой формы.

В 1522 году, принимая участие в рейхстаге в Нюрнберге, великий магистр увидел, какой богатой духовной жизнью живут местные горожане, и понял, что нужно было Пруссии. Однако куда важнее для него была встреча с нюрнбергским реформатором Осигандером, проповеди которого произвели на него глубочайшее впечатление. Он начал склоняться к учению Мартина Лютера. Вначале, уступая требованиям своей политической деятельности, он не решался принять его полностью. Но кроме политических, у великого магистра были и духовные обязанности перед орденом. Вопрос о реформе ордена, возникший еще в XV веке, сейчас был актуален как никогда. Папская курия тоже нуждалась в некотором обновлении. Так не логично ли было

поручить решение этого вопроса тому, в ком жил истинный дух реформации? Уже осенью 1521 года среди братьев родилась мысль послать орденские статуты Мартину Лютеру, чтобы тот высказал о них свое суждение. Однако этот план так и не был осуществлен.

Зоркий глаз непременно заметил бы, что в великом магистре произошла некоторая перемена. Папа недоверчиво наблюдал за его поведением; по курии ходили слухи, что Альбрехт принял новое учение. В конце 1522 года Лютер уже знал об этом: «Говорят, он не должен дурно думать о Евангелии». Летом следующего года великий магистр решил сам тайно разыскать реформатора. Речь по-прежнему шла не о роспуске ордена, а о его реформировании — начиная с руководства и заканчивая рядовыми членами. Осенью 1523 года Альбрехт Бранденбургский и Мартин Лютер встретились. По пути из Берлина в Нюрнберг Альбрехт, сделав крюк, заехал в Виттенберг, где искал Лютера. Альбрехт снова предложил реформатору заняться усовершенствованием правил ордена. В ответ Лютер, как сам он позднее рассказывал, посоветовал ему забыть эти бессмысленные и глупые правила, взять себе жену и установить в прусских землях ордена политическую власть, превратив их в княжество или герцогство. Более подробно Лютер изложил свое отношение к Немецкому ордену в послании «К господам Немецкого ордена, о том, что надлежит им избегать ложного целомудрия и стремиться лишь к истинному целомудрию в супружеской жизни». Он предлагал отменить celibат и секуляризовать орденское государство, а братьев назначить на светские должности; так они могли бы «с христианским смыслом и с одобрения подданных» сохранить во владении Пруссию.

Реформатор обозначил главную задачу. Еще столетие назад Генрих фон Плауэн попытался по-новому выстроить отношения между орденом и государством, но прежде сословия повлияли на характер

государства «снизу» и «изнутри»; теперь же оставался лишь завершающий штрих: изменить саму форму власти и установить тем самым новые, рациональные отношения между сувереном и подданными, между правительством и народом. Лишь тогда власть вновь обретет свое право и свою истинное назначение.

Если великий магистр и утвердился, наконец, в этой мысли, отбросив иные свои намерения и планы, то, главным образом, потому, что Немецкий орден в целом теперь иначе относился к его должности и к прусскому государству. И в Германии, и в Ливонии магистры ордена добивались, и не без успеха, передачи им суверенных прав, то есть положения самостоятельных правителей, практически равного позиции великого магистра. Его же собственная должность, с тех пор как был подписан второй Торнский мир, уже не имела прямого отношения к империи. Стремление к самостоятельности, уже начиная с XV века, было главным в политике германской ветви ордена, который, не имея прямого отношения к государству, содержал в Германии огромную разветвленную структуру; теперешние же шаги магистра этой ветви были лишь логическим завершением политики его предшественников. Однако великий магистр был не только главой Немецкого ордена, он был также и прусским государем. И если бы теперь он ограничился этой должностью, то прусское государство перестало бы считаться владением Немецкого ордена (впрочем, орден никогда и не рассматривал прусские земли как свои владения, хотя на их собственных государственных функциях это никак не сказывалось). А германский магистр своими действиями лишь ускорял отделение прусского государства от Немецкого ордена. В результате этого отделения прусские земли стали бы гораздо больше зависеть от условий второго Торнского мирного договора, зато германская ветвь ордена тем самым избавилась бы от возможного соперника внутри империи.

В целом же, однако, точка зрения германской ветви ордена сводилась к тому, что прусское государство стало самостоятельным организмом, и потому его необходимо отделить от глобальной структуры ордена и предоставить своему собственному политическому развитию. Но уже после того, как Пруссия стала светским герцогством, орден вплоть до XVIII века сохранял свои притязания на прусские владения. А ведь он сам прежде добился того, что Пруссия как некая независимая государственная сущность была отделена: орден отказал Альбрехту в праве, которое тот тщетно отстаивал, утверждая, «что великий магистр осуществляет истинную власть от лица всего ордена». Тем временем магистр ордена в Германии — а ему вторил ливонский магистр — принялся настаивать на том, «что германский магистр имеет особое княжество», и, как выразился весной 1524 года Альбрехт, вынудил тем самым и великого магистра ограничить свои обязанности суверена лишь Пруссией, а потом передать государству то, что ему принадлежит.

Теперь землям ордена предстояло стать светским герцогством. Приближалось 10 апреля 1525 года, последний день перемирия. О возобновлении войны с Польшей не могло быть и речи. Великому магистру необходимо было принять решение. Он и теперь действовал прямолинейно, руководствуясь своей совестью. В марте Альбрехт выехал из Венгрии и через Силезию направился в Краков, а его парламентары тем временем вели мирные переговоры, пытаясь добиться более или менее приемлемых условий. Особых успехов они не достигли.

2 апреля 1525 года Альбрехт, еще в качестве великого магистра, прибыл в Краков. 8 апреля был заключен мир с Польшей. Согласившись принести ленную присягу, Альбрехт сохранил Пруссию в границах 1466 года в качестве светского герцогства: она стала его леном. Ничто не связывало его больше с императором и папой. Но теперь герцог имел определенные военные обязанности. Однако для

дальнейшего развития прусских земель важно было то, что лен был также пожалован и братьям герцога — маркграфам Георгу, Казимиру и Иоганну: таким образом, в случае смерти Альбрехта Польша как сюзерен не могла претендовать на Пруссию; к тому же, теперь существовали реальные условия для объединения Пруссии с Бранденбургом под властью представителя рода Гогенцоллернов и развития бранденбургско-прусского государства.

9 апреля представители сословий Пруссии дали свое согласие на заключение мирного договора. 10 апреля Альбрехт Бранденбургский принес присягу польскому королю. Один из братьев-рыцарей ордена, покинувший страну после того, как там восторжествовала реформация и Пруссия была отделена от Немецкого ордена, весьма точно описал сцену на рыночной площади в Кракове: «В Кракове на площади поставлен был богато украшенный трон, и сидел там король Польши во всем своем величии, и пришел великий магистр, облаченный в магистерское платье с гербом, и подошел к трону, где сидел король, и упал перед ним на колени. Был он тотчас же поднят и снял с себя орденское одеяние и платье с гербом, и дал ему король иное платье и иное знамя. И принял он прусские земли ордена в лен, и взял маркграф Георг знамя, которое дал король. И дал король великому магистру новый герб, и получил он также титул герцога Прусского и право сидеть рядом с королем».

С этого момента орденское государство перестало существовать. Перелом, к которому дело шло уже несколько десятилетий, наконец, свершился. Позади оказались тяготы политической кабалы, навязанной ордену мирным договором 1466 года, которой тот всячески сопротивлялся. И все-таки будущее было теперь не за орденом, а за герцогом, у которого хватило мужества вступить на новый путь. Хотя смена платья не сделала Альбрехта государственным деятелем: он по-прежнему не был готов к решению крупных внешнеполитических задач. Глав-

ная его заслуга в том, что он не стал препятствовать тем процессам, которые охватили тогда его страну и народ, смене веры и повороту в настроении умов, и в том, что он сам, личность, безусловно, яркая по своему духовному и душевному содержанию, являлся одним из наиболее значительных выразителей этой временной вехи.

9 мая 1525 года Альбрехт покинул Краков и торжественно, уже как герцог, въехал в Кенигсберг, где ему предстояло принять присягу представителей сословий. 6 июля 1525 года он официальным мандатом признал свою причастность к реформации. Позднее Лютер писал Георгу фон Поленц, который, будучи епископом Самланда, с 1522 года управлял Пруссией в отсутствие великого магистра и в 1523 году провел первую евангелическую рождественскую службу в Кенигсбергском соборе: «Взгляни на чудо: полным ходом, на всех парусах спешит в Пруссию Евангелие!».

Теперь, когда не было больше орденского государства, нужно было снова обратиться к вере, некогда его породившей. Три столетия назад жажда рыцарского служения воплотилась в общину: рыцарь-христианин жил и умирал здесь, готовый пожертвовать собой ради веры. Новая государственность тоже нуждалась в этом животворном источнике. От общины эстафета перешла к одному человеку, он принимал теперь решения, следуя прежним заветам и сообразуясь с собственной совестью. И момент рождения орденского государства, и момент его гибели были освещены верой, и гибель означала начало новой жизни. В будущем, как и в прошлом, тоже нужна была рыцарская стойкость и отвага. И когда один источник, питавший некогда Немецкий орден, начал иссякать, Альбрехт, не забывая «распахнуть двери Евангелию и, как подобает рыцарю Божьему, остерегаться бегства с поля боя», повел свое государство к другому животворному источнику, из которого черпала свои силы Реформация.

С началом Реформации, которая перекинулась уже на Литву и Польшу, немецкая Пруссия снова взяла на себя миссию, которую некогда выполняло государство Немецкого ордена. Ведь дело ордена служило не только интересам Германии, защите империи и расширению жизненного пространства для немецкого народа: прививая северо-восточным землям новый образ жизни, он выполнял миссию, возложенную на культуру Запада, и оттеснял Византию. Расцвет немецкой культуры в прусском государстве служил его ближайшим соседям примером для подражания, стимулируя их культурный рост.

Эти достижения, которые орден демонстрировал на западе и на востоке Германии и народам восточных земель, не были заслугой отдельных людей. И дело не только в том, что над этим трудились многие поколения братьев. Важно, что над этим трудилась община, люди, объединенные одной и той же целью. За три века Немецкий орден проделал уникальный исторический путь. И все эти три века, как, впрочем, и позднее, он сохранял свой общинный характер, уживавшийся в нем, как в настоящем государстве, со стремлением к величию и власти. Минула пора первых побегов и цветения, пора созревания и пора зрелости, для прусского государства наступил смертный час. Потом на месте орденского государства возникла новая жизнь. Имя же Пруссии, которое герцог Альбрехт сберег, связав его с домом Гогенцоллернов, никогда не утратит своего блеска, напоминая грядущим эпохам о непреходящей миссии немецкого народа на востоке, что никогда не будет утрачена.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

- Адальберт св. 179
Александр, король Польши 90
Альберт I, епископ Рижский 133, 134
Альбрехт (Ян Альбрехт), король Польши 90
Альбрехт I Великий Брауншвейгский, герцог 158–160
Альбрехт II Бранденбургский, маркграф 36, 38, 88, 116
Альбрехт III Австрийский, герцог 31, 73, 76, 195, 196
Альбрехт Брауншвейгский, герцог, комтур 36
Альбрехт Гогенцоллерн, маркграф Бранденбургский, великий магистр, герцог Прусский 233–235, 237–242, 244–247
Андраш (Эндре) II, король Венгрии 117, 118, 125, 126, 134
Ансельм Эрмландский, епископ 58
Арнольд, мастер, капеллан великого магистра 77
Ауттуме, вождь пруссов 61
Ашпан 84
Бела IV, король Венгрии 129
Бенедикт св. 100, 105
Бернар Клервоский 100, 101
Берндт фон Цинненберг 84
Блуме, Бартоломеус 35, 86, 87
Бурхард Горнгаузенский, комтур 60
Бурхард фон Магдебург, бургграф 55
Бурхард, казначей герцога Фридриха Швабского 37
Вальдемар, маркграф Бранденбургский 28
Вальдемар II Победитель, король Дании 125, 131
Вальдемар IV Аттердаг, король Дании 191
Варвара св. 173–175
Вернер, мастер 77
Вернер фон Орзельн, великий магистр 168
Вернер фон Теттинген, комтур 82
Веттины, династия 230
Виганд, сельский староста 160
Виганд Марбургский, хронист 172
Вильденберг, Фридрих 165
Винрих фон Книпрوده, великий магистр 31, 72, 116, 181, 183–185, 187, 191, 195, 197–199
Виссегауде Меденауский 58
Витовт (Витольд), великий князь Литовский 79, 83, 200, 208, 209
Владислав I Локетек, король Польши 154, 169, 187
Владислав II Ягелло, король Польши (Ягайло, князь Литвы) 200, 205, 208, 209
Габсбурги, династия 239
Ганс Банзенский 35
Ганс фон Тифен, великий магистр 229, 230
Ганс, камнетес 78
Гедуне из рода Кандеймов 58, 59
Гейденрейх Кульмский, епископ 58
Генрих (VII), король Германии 120, 144
Генрих I Брабантский, герцог 38
Генрих I Брауншвейгский, герцог
Генрих III Мейсенский, маркграф 56, 143
Генрих IV, император Священной Римской империи 120
Генрих VI, император Священной Римской империи 17, 38, 102, 145
Генрих Вальпот, великий магистр 38, 102
Генрих Лев, герцог Баварии и Саксонии 158, 159
Генрих фон Кальден, маршал империи 38
Генрих фон Плауэн, великий магистр 34, 81, 115, 116, 157, 199, 202–204, 206–222, 224, 243
Генрих фон Плауэн, двоюродный брат великого магистра Генриха фон Плауэна, 82, 207, 216

- Генрих фон Плауэн, комтур Данцига (младший брат великого магистра Генриха фон Плауэн) 210, 215, 216, 218, 219
- Генрих Шверинский, граф 125
- Георг фон Бранденбург-Ансбах, маркграф 245
- Георг фон Вирсберг, комтур 211
- Георг фон Поленц, епископ Самланда 246
- Георг фон Шлибен 86
- Герман Балк (Бальке), магистр Немецкого ордена в Пруссии и Ливонии 54, 55, 65, 141
- Герман Тюрингский, ландграф 117
- Герман фон Зальца, великий магистр 21, 22, 49–51, 116, 118–132, 136–149, 183, 202, 225
- Герман фон Цилли, граф 76
- Гланде, вождь пруссов 61
- Глаппе (Глаппо), вождь пруссов 61
- Гогенцоллерны, династия 36, 233, 245, 247
- Гогенштауфены, династия 104, 119, 121, 145, 146, 225
- Гонорий III, папа 50, 119, 120, 123, 127, 129, 132, 175
- Григорий VII, папа 121
- Григорий IX, папа 132, 139, 140, 142, 144
- Гросс, член городского совета Данцига 210
- Диване, вождь пруссов 61
- Дитрих Мейсенский, маркграф 38
- Дитрих фон Альтенбург, великий магистр 183, 193
- Дюмехен, Генрих, мастер 78
- Елизавета св. 159, 181
- Зигфрид фон Фейхтванген, великий магистр 64, 156
- Зухенвирт, Петер 31, 196
- Иннокентий III, папа 38, 102, 119
- Иоанн XXII, папа 157
- Иоанн Креститель (библ.) 104
- Иоганн Брауншвейгский, герцог 159
- Иоганн (Ян) Люксембургский, король Чехии 169
- Иоганн Пофилъгский 92
- Иоганн фон Займ, граф, комтур 79
- Иоганн, епископ Самланда 180
- Иоганн, резчик по янтарю 77
- Иоганн фон Бранденбург-Ансбах, маркграф 245
- Йорген св. 75
- Казимир III Великий, король Польши 29, 154, 169, 183, 187
- Казимир IV Ягеллончик, король Польши 84, 88, 89
- Казимир фон Бранденбург-Кульбах, маркграф 245
- Кандейм, прусский род
- Карл IV Люксембургский, император Священной Римской империи 194
- Карл фон Трир, великий магистр 156, 163
- Каролинги, династия 160
- Климент III, папа 102
- Конрад I Мазовецкий, князь 21, 117, 134, 138, 140–142, 154, 226
- Конрад III, император Священной Римской империи 101
- Конрад Брауншвейгский, монах-цистерцианец 168
- Конрад Вюрцбургский, епископ 38
- Конрад Майнцский, архиепископ 38
- Конрад Тюрингский, ландграф, великий магистр 49, 143
- Конрад фон Крен 74
- Конрад, капеллан герцога Фридриха Швабского 37
- Костка 84, 85
- Кристиан (Христиан) Прусский, епископ 134, 151
- Лаврентий св. 71
- Ладислав Опольский, князь 199
- Леукау, бургомистр Данцига 210
- Лотарь Суплинбургский, герцог Саксонский, король Германии 159, 160
- Лукас, воевода 85
- Людвиг IV Баварский, император Священной Римской империи 157, 176, 193
- Людвиг Рудольф Заганский, герцог 84
- Людовик Анжуйский (Лайош I Великий), король Венгрии и Польши 187

- Лютер Брауншвейгский, великий магистр 71, 116, 158–183, 197, 198, 230
 Лютер, Мартин 36, 70, 72, 237, 241, 242, 246
 Маккавеи (библ.) 175, 176
 Максимилиан I Габсбург, император Священной Римской империи 88, 232, 234, 237, 239
 Мария, св. 37, 85, 104, 178
 Мествин II, восточнопоморский князь 154
 Михаэль Кюхмейстер, великий магистр 216, 219
 Монте (Мантас), Генрих (Геркус), предводитель восставших пруссов 61
 Никкель фон Ренис 205
 Николай Кузанский 10
 Николаус фон Ерошин 27, 92, 173, 179
 Николаус фон Ренис 211
 Нюнекен, шут великого магистра 78
 Осияндер, Андреас 241
 Оттокар II Пшемисл, король Богемии 58
 Оттон III Бранденбургский, маркграф 58
 Оттон Брауншвейгский, герцог 143, 158
 Пауль фон Русдорф, великий магистр 219, 220
 Петер, легат 79
 Петер, художник 77
 Петер фон Хезельхт 165
 Петр из Дусбурга 23, 27, 92, 173, 179
 Плауэны, род 218
 Поле, Пауль 173
 Пшемисл II, князь Великопольский и Краковский, король Польши 154
 Пясты, княжеский род и королевская династия 154, 187
 Рингелус из рода Кандеймов 59
 Ройс фон Плауэн 86
 Самбор, брат восточнопоморского князя Святополка 55
 Святополк, восточнопоморский князь 174
 Сигизмунд I, король Венгрии, император Священной Римской империи 199
 Симон фон Драз 233
 Соломон, царь (библ.) 47, 104
 Тиле фон Герцогсвальд 71
 Тило Кульмский 159, 178, 181
 Трейчке, Генрих фон 220
 Трюссшлер, Августин 87
 Ульрих фон Юнгинген, великий магистр 81, 203, 204, 206, 208
 Урбан II, папа 98
 Фейт фон Шенберг 86
 Фелленштейн, Николаус 32, 77
 Филипп IV Красивый, король Франции 109
 Фольрад Вундерлих, фогт 60
 Фридрих I Барбаросса, император Священной Римской империи 17, 37, 101, 145
 Фридрих II Великий, король Пруссии 227
 Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи 21, 22, 25, 50, 110, 117, 119, 120, 123, 124, 132, 136, 138, 139, 144–146, 193
 Фридрих V, герцог Швабский 17, 37, 101, 104
 Фридрих Австрийский, герцог 38, 176
 Фридрих Ансбах-Байройтский, маркграф 233
 Фридрих Саксонский, курфюрст, великий магистр 36, 88, 230–232, 238
 Хехт, бургомистр Данцига 210
 Цедевиц, Кунц 86
 Штантеко 63
 Штибор Банзенский 35
 Штибор, посланник польского короля 79
 Энгельберг Бранденбургский, граф 62
 Эрик Померанский, король Дании, Швеции и Норвегии 200
 Ягайло, князь Литвы (польский король Владислав II Ягелло) 200, 205, 208, 209
 Ягеллоны, династия 239
 Ядвига (Хедвиг), королева Польши 200

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аа 143
 Австрия 58, 75
 Аккон 17, 28, 37, 64, 117, 130, 150, 155
 Альтштадт 179
 Англия 29, 77, 190
 Ансбах, 233
 Апулия 50, 117
 Армения 48, 50, 118
 Аскания (Бранденбург), марк-графство 28, 154, 155
 Ахен 124
 Ашерслебен 28
 Балканы, горы 98
 Балтийское море 29, 30, 125, 131, 132, 144, 154, 186, 192, 200
 Бальга 56, 58, 158
 Бальга, комтурство 81, 150, 184
 Барлетта 49
 Бартенштейн 62
 Берлин 238, 242
 Богемия 36, 76, 80, 157, 170
 Борнхёфед 131
 Бранденбург 219, 220
 Бранденбург (Аскания), марк-графство 155, 157, 239, 240, 245
 Бранденбург, комтурство 150
 Браунсберг 190
 Бремен 17, 37, 101, 191
 Бреслау 79
 Бризен, округ 161
 Бургундия 194
 Бурценланд (Бурца) 21, 50, 118, 125-130, 134, 135, 138, 143
 Вейнсдорф 160
 Валахия 118
 Вальдау, обл. 59
 Варта, р. 199
 Вена 240
 Венгрия 22, 35, 50, 75, 118, 129, 130, 240, 244
 Венеция 28, 64, 99
 Вестфалия 27, 171
 Византия 247
 Вильна 185
 Висла 22, 23, 54, 66, 134, 141, 142, 149, 151-155, 174, 199, 223, 226
 — нижняя 28
 Виттенберг 242
 Галле 117, 134, 140, 141
 Ганза 30, 190, 191
 Генуя 99
 Германия 16, 17, 22, 23, 26, 28, 30, 35, 50, 54, 57, 58, 82, 89, 97, 110-112, 117, 125, 126, 128, 130, 135, 146, 150, 156, 158, 161, 168, 172, 192, 197, 206, 208, 222, 223, 225, 229, 230, 235-238, 240, 243, 244, 247
 — Восточная 101
 — Нижняя 171
 — Средняя 21, 27, 171
 Германская империя 17, 19, 22, 102, 104, 125, 131, 133, 155, 229, 235
 Гильгенберг 205
 Голландия Прусская 184
 Голлуб, комтурство 161, 172, 174
 Готланд, о. 30, 200
 Грюнфельд 205
 Грюнвальд — см. Танненберг
 Гурске, о. 66
 Дания 30, 191, 239
 Данциг 28, 29, 35, 81, 87, 89, 154, 155, 167, 184, 190, 203, 209, 210-212, 215, 218-220, 223
 Даугава, р. 149
 Диршау 154, 155
 Добжинь, княжество 199
 Дойч-Эйлау 164, 165
 Дразензе, оз. 56
 Древенц, р. 71, 205
 Дурбен 61
 Европа 29, 98, 102, 120, 129, 134, 136, 185, 194, 202
 — Восточная 29, 132, 157, 158
 — Западная 29, 102, 105, 148, 188
 — Северная 29

- Центральная 146, 199
 Египет 174
 Жемайтия 209, 226
 Зальфельд 164
 Зассен, обл. 165
 Зауле 143
 Зорге, р. 55
 Зунд, пролив 30
 Иерусалим 17, 37, 38, 39, 50, 51, 53, 65, 71, 98, 101, 103, 119, 121, 122, 124, 139, 191
 Инстербург 74
 Испания 29, 190
 Истрия 78
 Италия 139, 140, 142
 — Северная 144
 Каймен, обл. 59
 Кальген 63
 Кауэн (Ковно, Каунас) 78, 185
 Кведенау, обл. 59
 Квидин, о. 55
 Кёльн 184
 Кёнигсберг 23, 29, 59, 60, 62–64, 73, 74, 83, 149, 151, 158, 162, 166, 178, 179, 181, 183, 185, 186, 188, 190, 196, 230, 238, 246
 Кёнигсберг, комтурство 150, 163
 Киль 131
 Кипр 48, 109, 118
 Кнейпхоф 179, 180
 Книпрат, 184
 Кониц 84, 85
 Краков 36, 244–246
 Красная Русь 157
 Кристбург 57, 71, 72, 150, 158, 160–163, 165, 166, 168, 172, 174–179
 Кройцбург 62
 Кульм 25, 55, 65–67, 71, 141, 151, 174, 190
 Кульмзе 151
 Кульмская земля (Хелминская земля) 21, 51, 54, 65, 70, 81, 117, 135, 150, 159, 161, 163, 165, 174, 201, 203, 205, 211, 217
 Кульмское (Хелминское) епископство 26, 151
 Курляндия 61, 149, 193
 Куршская коса 193
 Куявия 51, 169
 Лангензальца 118
 Лёбау, замок 80
 Лебенихт 179
 Лекно, монастырь 134
 Ленценбург 60
 Леслау 70
 Ливония 50, 54, 83, 89, 91, 132–134, 143, 156, 193, 200, 243
 Лиске, о. 66
 Литва 28, 33, 64, 74, 153, 157, 186, 193, 200, 202, 204, 226, 247
 Ломбардия 132, 144
 Лохштедт, замок 218–220
 Любек 17, 37, 101, 131, 191
 Магдебург 66
 Мазовия 26, 28, 51, 77, 79, 84, 134, 150, 157, 216
 Малая Азия 98
 Мальта 109
 Марбург 144
 Мариенбург 28, 29, 32, 34, 64, 73, 78, 81, 83, 84, 86–89, 150, 151, 156, 161–164, 168, 172, 179, 183, 186, 188, 194, 196–198, 205–209, 215–217, 219, 220
 Мариенвердер 54, 55, 141, 180, 238
 Меве, обл. 155, 159
 Меденау, обл. 59
 Мейсен 58
 Мельно, оз. 226
 Мемель 64, 76, 149
 Мемель (Неман), р. 30, 75, 150
 Мемель, комтурство 150
 Монтиг 71
 Монфор (Штаркенберг), замок 130
 Моравия 80
 Москва 239
 Нарва 29, 183
 Нейда, р. 219
 Нессау, замок 54, 226
 Нессау, комтурство 203
 Нидерланды 35
 Новая Марка 32, 199, 208
 Ногата, р. 149, 150, 195
 Норвегия 200
 Нотец, р. 199
 Нюрнберг 241, 242
 Одер, р. 154

- Оливский монастырь 159, 167
Осса, р. 151
Остероде (ныне г. Оструда) 165, 209
Остероде, обл. 80
Офен 211
Палестина 118
Пассарга, р. 83
Пельплин, монастырь 167
Пиза 99
Плоцк 77, 79, 134
Плюсковенц 161
Побетем 180
Польша 21, 26, 28, 29, 33, 88, 90, 134–136, 140, 153–155, 157, 169, 170, 176, 186, 187, 189, 192, 199, 200, 204, 211, 214, 219, 225, 226, 229, 233–239, 244, 245, 247
— Великая 134, 204, 216
Помезания, земля пруссов 26, 57
Помезанское епископство 151
Померания 29, 131, 157, 204
Померания Восточная (Померел-лия) 28, 82, 216
Помереллия (Померания Восточ-ная) 154–156, 161, 163, 167, 169, 170, 183, 187, 204
Португалия 29, 190
Прага 240
Прегель, р. 64
Прегельштадт 180
Прибалтика 29, 131–133, 175, 183, 190, 191, 200
Пруссия 16, 18–20, 22–31, 33, 35, 36, 50–52, 54, 56, 61, 64, 65, 72, 73, 79, 80, 82, 84, 88–90, 97, 105, 110–112, 117, 124, 129–131, 133–137, 141–143, 149–153, 155, 156, 158–160, 166, 174, 177, 179, 184, 186, 187, 191–193, 195, 197, 203, 213–215, 218, 222–224, 227–232, 234–236, 238, 240–242, 244–247
— Восточная 24, 171
— Западная 184, 227, 232
Рангит (Раганита), комтурство 75, 150
Регенсбург 226
Реден, комтурство 211
Рейзен (Резин), обл. 55
Рейн 58, 184
— нижний 184
Рига 133, 143
Риети 142
Ризенбург 151
Римини 22, 53
Родос 109
Романия 50
Рудау 59, 185
Русь 29
Саксония 55, 58, 141, 171, 230, 239, 240
Саксония Нижняя 27, 101, 158, 160, 167, 172
Самланд, земля пруссов 26, 58, 59, 180, 185, 193, 219, 246
Самландское епископство 151, 180
Сартовице, замок 174
Святая земля 37, 38, 98, 100, 101, 102, 108, 109, 111, 118, 119, 124, 125, 127, 128, 130, 132, 133, 156
Священная Римская империя 51, 90, 91, 136, 236
Семиградь 22, 50, 105, 118, 124, 126, 127, 128, 130, 136, 138, 142
Силезия 25, 27, 154, 157, 165, 171, 204, 240, 244
Сирия 99, 109, 118, 130, 140
Сицилия, королевство 38, 50, 53
Скандинавия 29
Славония 65
Средиземное море 98
Средиземноморье 103, 110, 118, 125, 130, 131, 150, 155
Танненберг (Грюнвальд) 31, 79, 80, 176, 203, 205–207, 211, 214, 215
Тапиау 59
Торн 25, 28, 29, 35, 54, 65, 67, 73, 79, 89, 141, 190, 196, 238, 239
Трансильвания 23, 136
Трир 236
Тюрингия 21, 58, 117, 118, 141, 171, 203
Фербске, о. 66
Финляндия 133
Фишхаузен 151
Франкония 233, 238

Франция 98, 99, 241	Штум 181
Фрауэнбург 151, 180	Эйдер, р. 131
Фрише-Нерунг, коса 35	Эльба, р. 117, 131, 171
Фришес-Хафф, залив 56, 142, 152, 158, 218, 219	Эльбинг 29, 56, 58, 78, 82, 89, 142, 149, 150, 164, 190
Швец 204, 205	Эльбинг, комтурство 81, 82, 162
Швец, комтурство 34, 81 203, 204, 207, 217, 219	Энгельсбург, комтурство 163, 217, 218
Швеция 200	Эрмланд, земля пруссов 26, 83
Штаркенберг (Монфор), замок 130	Эрмландское епископство 151, 152
Штирия 75	Эстляндия 133, 183

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Книга I.	
Немецкий орден	13
Немецкий орден и его прусское государство . . .	15
Из жизни ордена. Свидетельства и повествования	37
Основание Немецкого ордена	37
Из правил ордена .	39
Борьба за Пруссию	49
Немецкий народ на немецкой земле	65
Противостояние гибели	79
Об источниках	92
Книга II.	
Государство Немецкого ордена.	
Портреты великих магистров	93
Предисловие	95
О сущности орденского государства	97
Герман фон Зальца	117
Лютер Брауншвейгский	147
Винрих фон Книпроеде .	183
Генрих фон Плауэн	199
Альбрехт Бранденбургский .	222
Указатели	
Именной указатель	248
Географический указатель	251

Научное издание

Эрих Машке

НЕМЕЦКИЙ ОРДЕН

Главный редактор *Чубарь В. В.*
Ведущий редактор *Трофимов В. Ю.*
Художественный редактор *Лосев П. П.*
Верстка *Арефьева С. В.*
Корректор *Мартьянова Г. Н.*

Подписано в печать 25.06.2003.
Усл. печ. л. 13,44. Формат 84 × 108 ¹/₃₂
Гарнитура «Antiqua». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 4346

ООО «Издательская группа «Евразия».
197343, Санкт-Петербург, ул. Земледельческая д. 3.
Тел. 303-93-25
e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Немецкий (Тевтонский) орден — один из интереснейших средневековых феноменов в любом аспекте его истории — социальном, культурном, внешне-политическом. В отличие от других военно-монашеских орденов, рожденных эпохой крестовых походов, он имеет непосредственное отношение к истории нашей страны — не только как военный противник в “Ледовом побоище”, но и как организатор “натиска на Восток” и немецкой колонизации Восточной Пруссии, часть территории которой является ныне Калининградской областью России. Явно недостаточное и предвзятое рассмотрение Немецкого ордена в отечественной историографии во многом объяснялось политическими соображениями. Альтернативный взгляд на его историю предлагается в двух работах Эриха Машке (1900–1982), хотя и окрашенных, в свою очередь, идеологическими запросами германского общества 1930-х гг., но не утративших значения как свод исторических событий и биографий, не имеющий русско-язычного аналога. Подробное авторское изложение внутреннего развития и внешней политики ордена сопровождается фрагментами исторических источников, многие из которых впервые становятся доступны массовому читателю.

ISBN 5-8071-0131-6

9 785807 101310